

*Из частных
архивов
русской
эмиграции*

**Письма
из
Maison Russe**

*Сестры Анна Фальц-Фейн
и Екатерина Достоевская
в эмиграции*

Книга "Письма из Maison Russe" открывает серию "Из частных архивов русской эмиграции". Эта серия учреждена издательством "Акрополь" по инициативе проф. В. Г. Безносова и при организационной и финансовой поддержке барона Э. А. Фальц-Фейна.

Разрабатывая перспективный план серии, издательство не ограничивает себя ни жанрово, ни хронологически, ни политически. В рамках серии планируется издание никогда ранее не публиковавшихся рукописей и других материалов, хранящихся в частных собраниях и коллекциях за рубежом, в том числе мемуарной и художественной литературы, эпистолярного наследия, исторических документов, фотографий, принадлежащих писателям, философам, богословам, политическим, военным деятелям, просто частным лицам – очевидцам грандиозных событий XX века в России и в мире.

Письма
из
Maison Russe

ПИСЬМА ИЗ MAISON RUSSE

*Анна Петровна
ФАЛЬЦ-ФЕЙН*

*Екатерина Петровна
ДОСТОЕВСКАЯ*

ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ИЗДАНИЕ АРХИВОВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Письма из **Maison Russe**

*Сестры Анна Фальц-Фейн
и Екатерина Достоевская
в эмиграции*

«АКРОПОЛЬ»
Санкт-Петербург
1999

УДК 82.6

ББК 84

Научный редактор
Б. Н. Тихомиров

- © Литературно-мемориальный музей
Ф. М. Достоевского в Петербурге, 1999
- © Р. Г. Гальперина. Перевод с немецкого, 1999
- © В. Г. Безносов, Б. Н. Тихомиров.
Вступительная статья, составление,
подготовка текста, 1997, 1999
- © Б. Н. Тихомиров. Примечания, родословные,
подбор иллюстраций, именной указатель, 1999
- © Г. В. Коган. Подготовка текста, примечания, 1999
- © Л. Е. Миллер. Художественное оформление, 1999
- © Издательство "Акрополь", 1999

ISBN 5-86585-055-5

СУДЬБЫ ДОСТОЕВСКИХ И ФАЛЬЦ-ФЕЙНОВ В XX ВЕКЕ

Как будто мы жили на другой планете...

Из письма А. П. Фальц-Файн

Старая латинская пословица гласит: «Книги имеют свою судьбу». Есть своя судьба и у книги, которую вы держите сейчас в руках.

В конце ноября 1993 года в музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге пришло письмо из княжества Лихтенштейн. Текст послания — на именном бланке автора, с водяными знаками и вытисненным в левом верхнем углу гербом — был следующий:

«21 ноября 1993 г.

*Музей-квартира Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург*

Милые друзья!

Как видите, я вас не забываю и шлю фотографию надгробия маленькой Софии Достоевской, которая похоронена в Женеве. Я недавно посетил это кладбище. Срок могилы заканчивается через три года, но я все сделал, продолжил срок сохранности еще на 30 лет, как диктует швейцарский закон.

Я, совершенно сенсационным образом, получил переписку Анны Фальц-Файн и Екатерины Достоевской, которую они вели со своим знакомым в Швейцарии до самой их смерти,

которая наступила в Ментоне. Я еще не успел прочитать все письма, а их количество около 100 штук, но в одном письме я нашел удивительное известие: оказывается, Екатерина Достоевская держала в Государственном банке в Санкт-Петербурге до революции манускрипты «Братьев Карамазовых», и этот сейф был вскрыт большевиками, и всё было украдено, вместе с драгоценностями, хранившимися там же. Прилагаю это письмо, от 19 ноября 1951 г., перепечатанное на машинке с подлинника, так как почерки Анны и Екатерины очень трудны. Извиняюсь, что я не перевел вам (с немецкого. — В. Б.; Б. Т.) это по-русски, но, думаю, вы найдете студента и он переведет вам этот интереснейший документ.

Я помню, вы меня просили помочь вам найти исчезнувшие манускрипты «Братьев Карамазовых». Я все данные, которые вы мне передали, расследовал, но пока безрезультатно. Также хочу сообщить вам, что несколько дней тому назад я посетил Ментону и там привел в порядок надгробие Екатерины Достоевской. Подтверждаю, что там памятник будет стоять вечно, я получил об этом подтверждение властей.

Желаю всего хорошего, поздравляю с наступающими праздниками. Обнимаю вас крепко.

Ваш Эдуард Фальц-Фейн».

Автор этого во всех отношениях замечательного письма — большой друг музея Ф. М. Достоевского, наш выдающийся соотечественник барон Эдуард Александрович фон Фальц-Фейн. Подробнее о бароне Фальц-Фейне, о его многогранной деятельности на благо русской культуры, о его дружеских и деловых связях с музеем Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (барон является членом Ученого-попечительского совета музея и членом Попечительского совета Фонда друзей музея Ф. М. Достоевского), наконец, о родственных отношениях

Фальц-Фейнов и Достоевских мы подробно расскажем во второй части вступительного очерка. Сейчас же вернемся к полученному музеем письму.

Нет необходимости говорить, что оно вызвало живейший интерес. Екатерина Петровна Достоевская — жена Федора Федоровича Достоевского, сына великого русского писателя, невестка и помощница Анны Григорьевны Достоевской. После смерти в 1918 г. в Крыму, на 72-м году жизни, А. Г. Достоевской, затем, в самом начале 1922 г. в Москве, — 50-летнего Ф. Ф. Достоевского и в 1926 г. в Италии — Л. Ф. Достоевской, дочери писателя, — Екатерина Петровна остается старшей представительницей рода, хранительницей семейной традиции, семейной памяти, наконец — части семейного архива, а ее сын Андрей — единственным потомком по прямой, единственным внуком Федора Михайловича Достоевского (второй внук писателя Федик в 15-летнем возрасте умер от тифа в 1921 г.). Многие загадочные страницы в судьбе рукописного наследия Достоевского оказались связанными с именем Екатерины Петровны. В частности, известно, что беловую рукопись романа «Братья Карамазовы» (два тома объемом около 1 000 страниц) А. Г. Достоевская, положив на хранение до востребования в Государственный банк в Петербурге, подарила внуку Федору, отправив квитанцию заказным письмом его матери, своей невестке, Екатерине Петровне. Дальнейшая судьба этого бесценного автографа гениального писателя неизвестна. Рукопись «Братьев Карамазовых» искали на Кавказе. Загадка исчезнувшего манускрипта породила совершенно фантастические, на грани клеветы домыслы в беллетристической литературе (см. роман Надежды Гурьевой-Смирновой «Анна Достоевская» (М.: Современный писатель, 1993), вся «интрига» которого построена на произвольных измышлениях автора именно по вопросу о судьбе рукописи «Братьев Карамазовых»). Профессиональные ученые-достоеведы «веером» разворачивали взаимоисключающие версии, намечая различные

пути поисков автографа великого романа (подробнее об этом в наших примечаниях). И вдруг такая удача! Новое свидетельство!

Полученное в ноябре 1993 г. от барона Фальц-Фейна первое письмо из переписки Екатерины Петровны и Анны Петровны с Анжело Чезано было досконально изучено, прокомментировано и сразу же опубликовано сначала в петербургском альманахе «Мера» (1995. № 1) и затем в специальном издании Российского общества Ф. М. Достоевского «Достоевский и мировая культура» (1996. № 6). Эти публикации вызвали многочисленные отклики. В частности, было получено интереснейшее письмо из Парижа от Е. Ю. Бобринской – двоюродной внучатой племянницы Е. П. Достоевской и А. П. Фальц-Файн. В архиве Е. Ю. Бобринской также хранятся письма сестер из Maison Russe, адресованные матери Елены Юрьевны – Ольге Дмитриевне Дистерло. Одно из этих писем (а также интереснейшее письмо А. Ф. Достоевского к О. Д. Дистерло, его троюродной сестре) было опубликовано в очередном выпуске альманаха «Мера» (1995. № 4).

И вот теперь мы предлагаем вниманию читателей более 60 писем Е. П. Достоевской и А. П. Фальц-Файн к Анжело Чезано, которые после опубликования передаются бароном Э. А. Фальц-Фейном в фонды музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

Сестры Екатерина Достоевская и Анна Фальц-Файн. Пропавшие, всем известные *фамилии*: Достоевские, Фальц-Фейны! И подавляющему большинству читателей ничего не говорящие *имена*: Екатерина? Анна? Что мы знаем об авторах публикуемых писем? Несколько предварительных слов об Екатерине Петровне уже сказаны выше. Теперь подошло время познакомить читателя с двумя этими незаурядными личностями более обстоятельно.

9 мая 1958 г. в парижской газете «Русская мысль» было опубликовано траурное сообщение:

«После тяжелой и продолжительной болезни 3-го мая в Ницце, в госпитале, скончалась 84 лет от рода невестка Федора Михайловича Екатерина Петровна Достоевская, с которой, нежно любя друг друга, мы неразлучно прожили 40 лет, о чем с глубокой душевной болью сообщает сестра Анна-Нина Фальц-Фейн. Погребение состоялось 5 мая на госпитальном кладбище г. Ниццы».

А через 5 дней после этой публикации (и через 11 дней после смерти сестры) в Ментоне, в часе езды от Ниццы, в доме для престарелых русских эмигрантов, по-французски именуемом *Maison Russe*, закончила свой земной путь и 87-летняя Анна Петровна Фальц-Фейн.

Последние 40 лет сестры прожили вместе, причем 8 лет перед смертью здесь, в Русском Доме на Лазурном берегу Средиземного моря, и ушли из жизни почти одновременно, старшая вслед за младшей. После кончины Екатерины Петровны, погребенной в Ницце, Анна Петровна успела купить два участка на местном кладбище и завещала по ее смерти перенести прах сестры в Ментону и похоронить их вместе, в одной могиле, чтобы и в вечности, как и в жизни, пребывать неразлучно.

Завещание Анны Петровны было исполнено. И вот уже почти 40 лет на городском кладбище в Ментоне можно видеть мраморную стеллу с белым православным крестом и высеченными по обе его стороны надписями: «Anne de Falz-Fein — Catherine de Dostoevsky».

Вск мой, зверь мой, кто сумст
Заглянуть в твои зрачки
И свою кровью склесит
Двух столетий позвонки?

Как и у большинства русских людей этого поколения, судьба Анны Петровны и Екатерины Петровны дважды за их долгую, многострадальную жизнь переламывалась надвое: в 1917 и в 1941 гг. Именно в этих болевых точках русской истории XX века их личная, неповторимая судьба совпадала с судьбой национальной, и одно переходило в другое. История врываилась, вламывалась в частную жизнь, и жизнь отдельного человека становилась исторической.

Детство, юность, первые годы после замужества были в жизни сестер светлыми и безмятежными. «Как будто мы жили на другой планете...» — обмолвится в одном из публикуемых писем Анна Петровна. И хотя эти письма написаны уже в другую эпоху — в 1950-е гг. — цепкая старческая память то и дело выхватывает из прошлого один за другим целую вереницу эпизодов безвозвратно ушедшей в прошлое жизни. Поездка, еще детьми, на поклонение Курской-Коренной чудотворной иконе Божией Матери и первые, ошеломляющие полеты братьев Райт на летном поле под Парижем в 1908 г.; торжественный прием 29 апреля 1914 г. в имении Фальц-Фейнов Аскания-Нова императора Николая II и картины счастливой семейной жизни... Эта своеобразная «кинематографическая» ретроспекция является одной из наиболее ярких черт предлагаемой вниманию читателей переписки, определяет собой богатейший пласт ее содержания. Главным образом отсюда черпают публикаторы и биографические сведения об авторах писем, дополняя их немногочисленными фактами, скрупулезно собранными из других источников.

Старшая из сестер, Анна, родилась 23 июня / 5 июля 1870 г.; младшая, Екатерина, — 7 / 19 марта 1875 г. Отец их, Петр Григорьевич Цугаловский, в 1870-е гг. майор, позднее генерал-лейтенант, служил в это время старшим офицером для особых поручений при варшавском генерал-губернаторе князе Н. Н. Медеме. Кстати, в письмах сестер не раз упоминается

детство в Варшаве. Но есть письмо, где Анна Петровна вполне определенно пишет, что родились они в Петербурге, где и прошли их самые счастливые годы. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

В 1891 г. двадцатилетняя Анна становится женой Александра Фальц-Фейна — второго из шести братьев Фальц-Фейнов, крупнейших землевладельцев на юге России, которых называли в те годы «степными крезами». Старший брат ее мужа, Фридрих Фальц-Фейн, был основателем уникального заповедника Аскания-Нова. Свой заповедник, хотя и не такой грандиозный, устроил в своем имении Гавриловка, на Днепре, в 120 км от Херсона, и Александр Фальц-Фейн. С Гавриловкой связаны, пожалуй, самые светлые воспоминания в письмах Анны Петровны.

В 1903 г. Екатерина Петровна выходит замуж за Федора Федоровича Достоевского, сына великого русского писателя, становится невесткой и помощницей Анны Григорьевны Достоевской. Познакомились они с Ф. Ф. Достоевским еще раньше, в 1901 г. в Симферополе, где сын писателя, с детства увлекавшийся лошадьми, имел небольшой конный завод. Но Федор Федорович в это время находился в состоянии затянувшегося бракоразводного процесса со своей первой женой М. Н. Токаревой. При поддержке обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, друга и покровителя семьи Достоевских (а в прошлом, после смерти Федора Михайловича, и опекуна его малолетних детей Феди и Любы), к началу 1903 г. этот процесс удалось привести к благополучному исходу. И 22 апреля того же года Федор Федорович Достоевский и Екатерина Петровна Цугаловская обвенчались в одной из симферопольских церквей. В 1906 г. у них родился сын Федор (Федор Федорович младший), в 1908 г. — сын Андрей. Внуки Федора Михайловича Достоевского.

На 1903 – 1909 гг. приходится наиболее тесное общение семей Достоевских и Фальц-Фейнов. По принятой терминологии

родства, женатые на сестрах, Федор Достоевский и Александр Фальц-Фейн становятся свояками.

Но в конце 1909 г. Анна Петровна расходитя с мужем. А в следующем, 1910 г. А. Э. Фальц-Фейн женится вторым браком на Вере Николаевне Еланчиной, дочери директора Пажеского корпуса генерала Н. А. Еланчина. К этому времени у Анны Петровны двое уже взрослых детей — 18-летняя дочь Ольга и 16-летний сын Александр.

С судьбой сына Александра связана первая трагическая страница в жизни А. П. Фальц-Фейн. Рано, еще в Сумском кадетском корпусе, он увлекается конструированием аэропланов, становится одним из первых русских авиаторов. В самом начале Мировой войны добровольцем уйдя в действующую армию, став на фронте кавалером ордена Св. Георгия, пройдя австрийский плен, летчик-герой Александр Фальц-Фейн в 1916 г. умирает от полученных ран на руках у матери в петербургском госпитале Александровской общины сестер милосердия. Его короткая, но яркая жизнь трогательно описана Анной Петровной в одном из первых ее писем к Анжело Чезана. А в примечаниях мы приводим пронзительный рассказ матери о последних днях жизни сына из ее письма к В. А. Знаменской, написанного еще в 1917 г., спустя всего три месяца после кончины Александра.

Эта смерть явилась предвестием целой череды трагических потерь в жизни сестер. Так что, строго говоря, «связь времен» распалась, новый отсчет времени начался для них даже не с революции, а еще раньше — с ее кровавого пролога — Первой мировой войны. И вот одна за другой последовали утраты: смерть 9/22 июня 1918 г. в Ялте любимой свекрови Екатерины Петровны — А. Г. Достоевской; смерть матери сестер Екатерины Александровны Цугаловской в Скадовске; смерть 9 сентября 1919 г. в Берлине бывшего мужа Анны Петровны А. Э. Фальц-Фейна, а через два года, 14/27 октября 1921 г., смерть в Крыму от тифа обоготворяемого Екатериной Петровной ее старшего

го сына Федика и еще через два с небольшим месяца, 4 января 1922 г., смерть в Москве от миокардита его отца, Федора Федоровича Достоевского... И гибель в годы революции и гражданской войны многих и многих других родственников, близких, знакомых: расстрелы, самоубийства, разрывы сердца...

Вдруг они оказались «как будто на другой планете...»

Не будем здесь пересказывать все перипетии драматической судьбы Анны Фальц-Фейн и Екатерины Достоевской: заинтересованный читатель в изобилии найдет их на страницах нашей книги. Но одно обстоятельство, обусловившее особый интерес публикуемой переписки, хотелось бы подчеркнуть сугубо. Екатерина Достоевская и Анна Фальц-Фейн оказались на Западе в 1943 г. Двух искалеченных во время бомбежки по-жилых женщин вывез из Крыма отступающий румынский госпиталь. Румыния, Польша, Германия (Регенсбург), затем Франция (Париж, Ментона) — таков их «крутый маршрут», в итоге которого они оказываются в Maison Russe, где живут престарелые русские эмигранты.

Мы сегодня хорошо представляем себе Первую, послереволюционную, волну русской эмиграции: Бунин, Рахманинов, Бердяев, Шаляпин и многие другие — цвет русской интеллигенции XX века. Третья волна эмиграции в 1960 — 80-е годы: Солженицын, Ростропович, Шемякин, Бродский... Этот «исход» русской культуры, иногда добровольный, иногда принудительный, совершился непосредственно на наших глазах. Анна Петровна и Екатерина Петровна — представители Второй волны, о которой мы знаем очень мало, практически ничего... Стая русская эмиграция окрестила их, тех, кто разными путями оказался на Западе в годы Второй мировой войны, — «новопоколенцами». Драматическая история их жизни пока еще, по крайней мере здесь, на родине, не написана. Появляются лишь первые публикации. Наша книга вносит свою лепту в будущую историю Второй волны русской эмиграции.

Еще одна больная и совершенно неисследованная тема обозначена в самом названии: «Письма из Maison Russe». Maison Russe, Русский Дом — дом для престарелых русских эмигрантов. Это особая страница в не написанной еще подробной истории русской эмиграции. В таких домах жили, а чаще, что естественно, доживали свой век русские люди, у которых просто не было иного выбора. Если у них и были родственники на Западе, то в большинстве случаев они ничем не могли им помочь, ибо сами были вынуждены бороться за выживание. Русский человек совсем по-иному воспринимает старческий дом, нежели, скажем, стопроцентный европеец, который может понять и принять сложившуюся ситуацию как она есть, без особых эмоций, прагматически, более или менее спокойно, без излишних страданий. Русский человек иначе устроен, для большинства русских старческий дом — это что-то ужасное и, главное, неприличное, когда тебя как будто выбрасывают на свалку, когда ты уже никому не нужен. В общем, без эмоций и страданий не обходится, они неизбежны. Поэтому даже хорошо устроенное, обеспеченное существование в таком старческом доме будет всегда лишено чего-то главного в жизни, без чего она теряет свою подлинность. И дело здесь не только в преклонном возрасте, но — в ощущении, в самочувствии, в невозможности принять без страдания оторванность от близких, от семьи, от друзей, просто от жизни с другими людьми. Русский — это, очевидно, невероятно более общинник по своей природе, нежели человек западный. Западный человек в жизни индивидуалист по принципу, по самостоянию, и если жизнь в старческом доме будет оформлена красиво, он переживет. Русским это намного труднее, даже если внешне, в бытовом отношении, все хорошо. По душе им плохо, и в этом все дело.

В письмах сестер Екатерины и Анны читаем о Русском Доме: «...мы еще живы по-прежнему в «любимом» (?!!) осином гнезде»;

«...мы по-прежнему сидим в этом вечно-чужом для нас Доме»;
«В Доме, как обычно, ссоры, сплетни, нелюбезные замечания, администрация “гавкает” на нас»;
«Вы не можете себе представить, как ужасно жить в коммунальном доме и притом с собственными соотечественниками...»

Да, непросто было двум русским пожилым дамам оказаться в старческом доме во Франции. Судя по письмам, дамы были в высшей степени культурными, образованными, развитыми, более чем изрядно пострадавшими в жизни. И вот теперь, на старости лет, они волею судьбы вынуждены жить в одном из русских старческих домов. Вообще русские старческие дома заслуживают, чтобы у них наконец-то появилась своя история. Практически литературы о старческих домах нет, по крайней мере на русском языке. Похоже, что и на других — тоже. В книгах о русской эмиграции старческим домам тоже места не находится. А жаль. Это очень большая тема, сугубо «русская». От того, как мы относимся к старости, к старикам, и не только к своим, зависит наш внутренний облик, наше лицо.

Старческих домов в Европе было довольно много. Только во Франции их не менее 15. Ведь русских в эмиграции оказалось около 9–10 миллионов. Все они рано или поздно становились пожилыми. И многие из них вынуждены были поселяться в одном из таких *Maison Russe*.

В январе 1997 г. один из авторов настоящего вступительного очерка, В. Г. Безносов, получил письмо от сына выдающегося русского философа XX века Н. О. Лосского Бориса Николаевича Лосского, живущего сейчас вместе с женой, пожалуй, в одном из самых знаменитых Русских Домов Франции в Сэнт-Женевьев дэ Буа под Парижем. В письме Б. Н. Лосского, которому сейчас уже более 90 лет, излагается краткая история этого Русского Дома. В силу исключительной редкости, как уже отмечалось, такого рода материалов в нашей литературе, позволим себе привести это письмо почти целиком, тем более что, в

определенном смысле, это не будет отступлением от нашей темы. Ведь перед нами еще одно «письмо из Maison Russe». Итак, слово Б. Н. Лосскому:

«РУССКИЙ ДОМ В СЭНТ-ЖЕНЕВЬЕВ ДЭ БУА

Чтобы познакомить с этим уголком дореволюционной России на 32-м километре юго-восточного предместья Парижа ценящего отечественную культуру в ее целости читателя в России, воспроизведу для начала широковещательную надпись золотыми буквами на мраморной плите в парадном салоне дворцоподобной богадельни, обособленной от жизни названного городка окружающим ее обширным парком, густо заросшим высокими, полуторавековыми деревьями:

В ПАМЯТЬ
КНЯГИНИ ВЕРЫ КИРИЛЛОВНЫ МЕЩЕРСКОЙ
ОСНОВАТЕЛЬНИЦЫ РУССКОГО ДОМА
7-го АПРЕЛЯ 1927 года.
КНЯГИНЯ МЕЩЕРСКАЯ ОТКРЫЛА РУССКИЙ ДОМ
НА ЩЕДРЫЙ ДАР
THE HONORABLE DOROTHY PAGET.
ОНА СОЗДАЛА УБЕЖИЩЕ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ
РУССКИХ.
ЕЕ ЖЕ ТРУДАМИ СООРУЖЕНА В ДОМЕ РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.
САМООТВЕРЖЕННО ПОСВЯЩАЯ СЕБЯ ЗАБОТАМ
О РУССКОМ ДОМЕ,
КНЯГИНЯ УПРАВЛЯЛА ИМ С ТВЕРДОСТЬЮ

И ЛЮБОВЬЮ
В ПРОДОЛЖЕНИЕ 12 ЛЕТ.
ОНА ПОЧИЛА В ЭТОМ ДОМЕ
17-го ДЕКАБРЯ 1940 года.
КТО НЕ ИМЕЛ СЧАСТЬЯ ЛИЧНО ЗНАТЬ И ЛЮБИТЬ
ПОКОЙНУЮ КНЯГИНЮ,
ПУСТЬ, ПРОЧТЯ ЭТИ СТРОКИ, ВОЗНЕСЕТ МОЛИТВУ
К ГОСПОДУ
О ВЕЧНОМ ПОКОЕ ЕЕ ДУШИ.

После кончины княгини Веры Кирилловны (урожд. Струве) возглавляет Дом ныне здравствующая, унаследовавшая ее княжескую фамилию и звание невестка, обруссевшая под именем-отчеством Антонины Львовны по французскому рождению Антуанетта де Генёк де Буаю (*de Géhenec de Boishuc*). Но, достигнув преклонного возраста, она передала в 1989 г. практическую дирекцию Дома жене сына, г-же Элизабет де Буаю, сохранив за собой президентство в возникшей параллельно с Русским Домом по частной инициативе Ассоциации помощи русским беженцам.

Среди пансионеров довоенного времени памятны вдовы министра Столыпина, генерала Колчака, адмирала князя Путятина, члены семей князей Голицыных, Васильчиковых, графов Мусиных-Пушкиных и Толстых. И после окончательного оформления Русского Дома как общерусского дома в 1945 г. остается ощущимым участие в его жизни представителей «изящных фамилий», в частности графов Остен-Сакенов и неизменно присутствующей в кресле на колесах на служимых в домовой церкви иерсиями Московской патриархии литургиях норовистой монахини Елены Унгерн-Штернберг. Не премину назвать и представителей интеллигенции — Б. А. Дурова, в свое вре-

мя директора парижской русской гимназии, и моего отца, проведшего в Русском Доме последние пять лет жизни до кончины на 95 году, 24 января 1965 г.

Не без иронии судьбы стал в 1927 г. собственностью Русского Дома участок земли, заполняющий всю нечетную сторону улицы Коссонри, унаследовавшей свое наименование от бытovавшего здесь издревле поселка. В самом деле: в начале прошлого столетия его приобрел и выстроил в его середине обитаемый нами *Château de la Cossonnerie* неотлучный спутник Наполеона I до его окончательного поражения при Батерлоо Агафон Файн (*Agathon Fain, 1778–1837*), почтенный в 1806 г. принесшим ему звание барона назначением на пост личного секретаря и архивариуса императора. Барон Файн был в декабре 1812 г., если не ошибаюсь, и «попутчиком» Наполеона, в тех же санях и экипаже спеша из спаленной пожаром Москвы в объятый мятежом Париж. Чтобы уделить более полное, должное внимание его далеко не заурядной личности, прибавлю, что и восшедший в 1830 г. на королевский трон Франции Людовик-Филипп Орлеанский назначил барона Файна на пост первого секретаря своего кабинета, а также разделил с ним роль восстановителя почитания памяти Наполеона, явив себя первым историографом своего императора.

Об экономической стороне жизни Дома, странноприимством которого пользуется бесплатно только неимущая часть его обитателей, достаточно будет сообщить, что в послевоенное время получение субсидии для своего существования от целого консорциума общественных учреждений и организаций повлекло за собою обязательство давать приют не одним только выходцам из России или их детям, но также и нуждающимся в нем жителям других стран. Таким образом, наряду с четырьмя десятками соотечественников в нашем доме сейчас числится около двадцати пяти французов и десяти уроженцев Испании, Польши, Эстонии.

Также благодаря специальным субсидиям того же консорциума к старому зданию был пристроен, в период от июня 1993 до июня 1995 г., такой же обширный и гораздо более комфортабельный новый трехэтажный жилой корпус в теперешнем стиле, по выходящему на улицу фасаду которого почти непрерывно тянутся горизонтальные окна индивидуальных комнат, сопровождаемых туалетными помещениями с душем. В них и бытуют с начала лета 1995 г. пансионеры Русского Дома, появляясь в оставшихся на месте церкви, парадном зале и салоне только на воскресные и праздничные богослужения или на другие, необычного порядка собрания. Здесь надлежит отметить и другое: неизменное присутствие царских портретов, бюстов и трона, происходящих из старинного особняка российского посольства в районе парижского Дворца Инвалидов. Дело в том, что обосновавшийся в нем весною 1917 г. посол февральского Временного правительства В. А. Маклаков, уступая в 1925 г. место дипломатическому представителю признанной Францией Советской власти, принял мудрое и благородное решение извлечь из обстановки посольства попавшие под угрозу уничтожения предметы, связанные непосредственно с памятью об Императорском доме, и обеспечить им надежное пристанище в одном из общественных учреждений русского зарубежья...»

Письмо Б. Н. Лосского содержит краткий, но по-своему выразительный очерк *внешней истории* Русского Дома в Сэнт-Женевьев дэ Буа. К сожалению, подобными сведениями о Maison Russe в Ментоне мы не располагаем: когда и кем он был основан и т. п. (может быть, лишь за исключением того, что в течение 25 лет директорствовала в нем Валерия Александровна Прянишникова, двоюродная сестра Анны Петровны и Екатерины Петровны, которая в 1950-е гг. уже сама живет в Доме на положении пансионерки). И потому для нас вдвойне интересен очерк Б. Н. Лосского. Но зато из публикуемых пи-

сем сестер мы узнаем многое о внутренней жизни, быте, отношениях обитателей Русского Дома с администрацией и между собой. Авторов (особенно Анну Петровну) отличают острую наблюдательность, выразительность характеристик, тонкая ирония, а доверительный характер переписки, подробность, иногда скрупулезность изложения, наконец, регулярность и частота корреспонденции — всё это позволяет говорить, что перед нами не просто письма, но своеобразный «дневник» русского человека на чужбине. Из него заинтересованный читатель может почерпнуть такие сведения, которые невозможно найти ни в каком другом источнике.

Нельзя не коснуться еще одной стороны публикуемых эпистолярных материалов. Шесть с половиной десятков писем Анны Петровны и Екатерины Петровны к Анжело Чезано — это лишь фрагмент той в буквальном смысле гигантской переписки, которую сестры вели в 1950-е гг., живя в Maison Russe. В одном из писем, извиняясь за задержку с ответом, Анна Петровна пишет: «Причина моего молчания? У меня 22 «твердых» корреспондента и в целом 46! Только что я получила три письма с упреками, оттого что больше месяца молчу, да, к сожалению, я не умею писать кратко и потому сижу в письменных долгах по уши». А ведь корреспондентами сестер были А. В. Кartaшев — один из виднейших русских историков церкви и богословов XX века, Роман Гуль — известный писатель и журналист, братья Генрих и Петер Зутермайстеры — композитор и писатель, создатели оперы «Раскольников», Рейнхард и Клаус Пиперы, отец и сын, — крупнейшие немецкие издатели, выпускавшие с 1906 г. сочинения Достоевского и литературу о нем, и многие другие замечательные люди. Какая колоссальная эпистолярная деятельность двух более чем пожилых женщин! Какой напряженный практически ежедневный духовный труд! Без сомнения, письма для них — это попытка преодолеть одиночество, ту изоляцию в Русском Доме, на которую они неоднократ-

но жалуются Анжело Чезана. Но хотелось бы подчеркнуть и практическую сторону дела: насколько важно найти «следы» архива сестер, исчезнувшего после их смерти в Ментоне в мае 1958 г., архива, содержавшего, как можно думать, бесценные документы, в том числе, не в последнюю очередь, и письма многочисленных корреспондентов Анны Петровны и Екатерины Петровны.

«Скрещенье» судеб, связь двух фамилий — Достоевских и Фальц-Фейнов — не заканчивается со смертью сестер Екатерины и Анны в Ментоне, в мае 1958 г. В последующее десятилетие, оставшись старшими представителями своих родов, интенсивно ведут содержательную переписку «Ленинград — Париж» сын Екатерины Петровны, внук великого русского писателя, Андрей Федорович Достоевский и его двоюродная сестра, дочь Анны Петровны баронесса Ольга Александровна Фальц-Фейн. Их переписка началась еще в 1930-е гг., но тогда скоро и надолго была прервана: время не располагало к подобным «сомнительным» отношениям. Впрочем, для карательных органов в СССР тут и не было никаких сомнений: связь, переписка (!) с эмиграцией — «недобитым белогвардейским отребьем» однозначно квалифицировалась как шпионаж, измена Советской Родине, что грозило в лучшем случае «десяткой» в ежовско-бериевских лагерях. Не спасла бы и фамилия *Достоевский*. Ведь не помешала же она в 1930 г. «загреметь» на строительство Беломорско-Балтийского канала 67-летнему племяннику великого писателя Андрею Андреевичу Достоевскому! А в предвоенные годы фамилия Достоевский и вообще могла стать «отягчающим обстоятельством», особенно если проходишь по «делу» о связях с заграницей...

Переписка Андрея Достоевского и Ольги Фальц-Фейн возобновилась во второй половине 1950-х гг., когда после XX съез-

да, в эпоху хрущевской «оттепели», оказался чуть-чуть приподнятым «железный занавес». К сожалению, мы не располагаем текстом этой переписки в полном объеме, но то, что нам известно, позволяет утверждать: ее содержание далеко выходит за рамки только частных отношений. И тот, и другой корреспондент обостренно ощущают свою причастность к двум прославленным фамилиям, пекутся о сохранении исторической памяти. В конце 1950-х гг. именно через Ольгу Андрей Федорович пытается найти следы пропавшего после смерти матери и тетки их архива в Ментоне. Архива, где, в частности, могли храниться бесценные материалы, связанные с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского. (Об этих поисках см. наши примечания в конце книги.) Не только «достоевские», но и «фальц-фейновские» дела широко обсуждаются в этой переписке. С начала 1960-х гг. А. Ф. Достоевский прилагает большие усилия к воскрешению из забвения имени своего двоюродного брата (и родного брата Ольги Александровны) — Александра Фальц-Фейна, одного из пионеров российского воздухоплавания, летчика-героя Первой мировой войны, кавалера ордена Святого Георгия, чья жизнь трагически оборвалась осенью 1916 г.

Еще в начале века, в 1911 г., обозреватель одной из петербургских газет посетил семью вдовы великого русского писателя А. Г. Достоевской и затем поделился с читателями впечатлениями от увиденного и услышанного. Андрею Федоровичу (Андрюше) Достоевскому было тогда всего три года, но внук писателя привлек внимание журналиста: «...это удивительный мальчик, — читаем в газете. — 28 января ему минет три года, а он рассуждает как взрослый. Задает, например, своему старшему брату, которому 5 лет, такого рода вопросы: “Федя, где Бог? Мне хочется Его увидеть!” — “На небе”, — отвечает Федя. — “Как ты думаешь, если я полечу на аэроплане, — увижу я Бога?”» (Биржевые ведомости. 1911. № 12144).

Замечательный диалог: не просто «как взрослый», а именно как Достоевский рассуждает трехлетний Андрюша! «Федя, где Бог? Мне хочется Его увидеть» — первое детское прикосновение к «проклятым», «достоевским» вопросам!! Но не отмеченный поразительный штрих заставил нас вспомнить эту старинную публикацию. Только что выучившийся говорить ребенок — в 1911 г., когда многие и многие в России вообще ничего не слышали об авиации, — ведет речь об аэропланах! Это, конечно же, знак, свидетельство того, что в семье аэропланы — это нередкая тема разговоров, что кто-то из знакомых, может быть, родственников, ко всему этому близко причастен... И сегодня мы знаем, что это действительно так: в словах трехлетнего Андрюши Достоевского о «полетах на аэроплане» для нас явственно ощутим «след» всепоглощающей, испепеляющей страсти его двоюродного брата Александра Фальц-Фейна, который — еще живой — именно в это время конструирует свои первые бипланы. И, конечно же, в том числе и в этих детских семейных впечатлениях и воспоминаниях (Андрюше было 8 лет, когда, пройдя фронт и австрийский плen, Александр умер после двух операций на руках у близких в одном из петербургских госпиталей) — истоки того упорства, той тоже, по-своему, страсти, с которыми спустя почти полвека А. Ф. Достоевский восстанавливает — по мельчайшим крупицам — подлинное место, которое его двоюродный брат должен занимать в истории отечественной авиации.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем фрагмент из письма Андрея Федоровича к О. А. Фальц-Фейн от 31 октября 1963 г. из Москвы (где он в это время находился в связи с хлопотами по изданию альбома «Ф. М. Достоевский в портфелях, иллюстрациях, документах»):

«Пользуясь присутствием в Москве, схватился за мемориализацию подвигов Шуры. Во Всесоюзном институте истории техники Шур уже взят на учет как один из самых первых

даровитых конструкторов аэропланов в России. Начаты розыски, но, согласно моей манере, все первые толчки в этом я беру на себя, пока не удостоверюсь, что дело уже "на мази". В связи с этим очень прошу тебя НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО напрячь память и постараться ответить мне на несколько вопросов: а) месяц и год рождения Шуры (есть два документа, которые дают близкие даты, но разные, — надо установить точно); б) место рождения; в) в каком году был определен в Сумский кадетский корпус и закончил ли его, в каком году кончил? г) что побудило Шуру еще в Сумах заниматься конструированием планера, кто им руководил в этом тогда? д) когда Шура поступил в СПб Политехнический институт и сразу ли начал заниматься конструированием аэропланов? е) кто им руководил в области "воздухоплавания" в Институте? ж) на каком курсе находился Шура, когда им был построен первый (легкий) самолет, или в каком году он построил свой первый аэроплан, или сколько Шуре было лет, когда построил первый аэроплан? з) где Шура получил свое первое свидетельство пилота (Франция, Россия; или Гатчина, Кача и т. д.)? и) где Шура получил свое военное пилотское свидетельство? к) даты получения свидетельств — гражданского и военного; л) время, когда был построен второй (грузоподъемный) аэроплан; м) закончил ли Шура постройку и испытание второго своего аэроплана к началу войны? н) кто давал Шуре денежную поддержку для постройки аэропланов? о) вообще, после того как Анна Петровна разошлась с Александром Эдуардовичем, на какие средства воспитывались дети — Ольга и Александр и, в частности, и это очень важно, принимал ли материальное участие Александр Эдуардович в субсидировании Шуриного самолетостроения? п) когда Шура ушел добровольцем на войну и именно в какой отряд? (его точное наименование); р) вспомни хоть несколько фамилий пилотов, которые в мирное и в военное время летали вместе с Шурой и являлись его приятелями.

лями; с) на каких участках фронта (география, наименование армий, фамилии близких и дальних — высших командующих) летал Шура? т) с каким из своих аэропланов оказался Шура на войне? (по моим сведениям, один из них он взял с собой); у) что ты помнишь из четырех георгиевских награждений Шуры? (даты, за что, какие и т.п.); ф) ты летала вместе с Шурой — когда и где это было? х) когда и где был сбит Шура, к кому попал в плен? ц) как скоро он был обменян из плена и как возвращен на родину? ч) в какую больницу был положен Шура, где и кто его оперировал? ш) кто из товарищей участвовал в похоронах от Петрограда до Аскании-Нова? дата похорон; щ) был ли Юра Лукашевич пилотом или он был “технарем”? участвовал ли Лукашевич в конструировании или только в постройке аэроплана? э) может, ты можешь припомнить, где, когда сообщалось в газетах, в журналах о Шуре? может, ты можешь поручить какому-то Обществу или кругу лиц розыски того, что сообщалось или было известно о Шуре за рубежом? например, наверное, немецкая печать 1915 – 16 гг. сообщала о том, что сбит и пленен русский ас. Надо бы пошарить обстоятельно; ю) кто-то из Фейнов [так] писал во Францию, в Германию, например при закупке двигателя (у Шуры стоял, кажется, “Мерседес”, а не “Гном”) и других авиаматериалов, — не сохранилась ли в архивах фирм переписка? Все вопросы от а) до ю) требуют неспешного, продуманного ответа, поэтому я тебя нисколько не тороплю, но все же надеюсь еще в этом году получить ответ. Очень прошу тебя написать ответы в форме ПОКАЗАНИЙ сестры авиаконструктора-героя-пилота. Написать в форме как тебе удобно, помня, что они, эти данные, должны приниматься во внимание как сообщения достоверные ближайшего родственника разыскиваемого. В крайнем случае, если по какой-либо причине тебе не удобно дать ПОКАЗАНИЯ для передачи в Институт истории техники, то пиши мне как письмо, а я, на его основании, напишу показания как

двоюродный брат; но “минус” тот, что я был тогда совсем мал и хоть многое помню, но могу быть недостоверным для такой авторитетной инстанции, как Институт».

Многие планы и начинания А. Ф. Достоевского (в том числе сбор материалов об А. А. Фальц-Фейне) перечеркнула, остановила на середине его преждевременная смерть 18 сентября 1968 г. Но главное дело своей жизни он все-таки успел совершить — исполнил предсмертное завещание бабушки, А. Г. Достоевской, перенес ее прах из Ялты, где она умерла в 1918 г., в Ленинград, на Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры — к месту последнего упокоения ее великого мужа, Ф. М. Достоевского. По воспоминаниям участников и очевидцев, траурная процедура перезахоронения праха А. Г. Достоевской явилась одним из самых впечатляющих событий в культурной жизни Ленинграда второй половины 1960-х гг. А через три месяца после этого ушел из жизни и сам Андрей Федорович.

Перед смертью, в одной из последних своих корреспонденций, он отправил в Париж Ольге Александровне Фальц-Файн материалы (фотографии, памятную листовку, отчет), свидетельствующие о том, какой размах получила эта траурная церемония на месте погребения гениального писателя и — теперь — его верной спутницы и друга. О. А. Фальц-Файн должным образом оценила значимость этих материалов. И спустя некоторое время в парижской газете «Русская мысль», в № 2722 от 23 января 1969 г. (в канун 88-й годовщины со дня смерти Ф. М. Достоевского и 61-й — со дня рождения его внука) почти на полный разворот появилась публикация «Перенесение праха Анны Григорьевны Достоевской» со следующим примечанием: «Редакция получила от Ольги Александровны Фальц-Файн, двоюродной сестры внука Федора Михайловича Достоевского, Андрея Федоровича Достоевского, письмо этого последнего с приложением описания церемонии перенесения праха вдовы великого писателя и несколько соответствующих

фотографий. Мы благодарим Ольгу Александровну за доставленный материал, который и воспроизводим для наших читателей». Здесь же «Русская мысль» перепечатала статью из семипалатинской газеты «Иртыш» от 3 августа 1968 г. «У нас в гостях внук Ф. М. Достоевского», — также переданную редакции О. А. Фальц-Фейн. Эта републикация была сопровождена фотографией: улыбающийся Андрей Федорович в окружении горожан около семипалатинского дома-музея Ф. М. Достоевского. Так Ольга Александровна исполнила долг памяти — и по смерти двоюродного брата продолжила его дело, дело служения имени Достоевского.

Через три года, в сентябре 1971 г., в немецком курортном городке Бад-Эмс, где в 1870-е гг. неоднократно бывал писатель, состоялся учредительный симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского. Как ни парадоксально, родина гения мировой литературы не была представлена на этом научном форуме: не было ни одного делегата от СССР. Таковы «гримасы» эпохи «холодной войны»! Тем не менее русские (не советские!) ученые, просто почитатели творчества великого писателя были среди инициаторов учреждения Международного общества Ф. М. Достоевского. В первую очередь назовем здесь американскую славистку из университета Дж. Вашингтона проф. Н. А. Натову, канадского слависта проф. Н. В. Первушкина, бельгийского литературоведа и театроведа, переводчика князя А. Н. Гедройца, австралийского слависта проф. Мельбурнского университета Д. В. Гришина, французскую исследовательницу творчества Достоевского Доминик Арбан (урожденную Наташу Гутнер, москвичку до 9-летнего возраста). Среди других русских участников присутствовала в Бад-Эмсе и 80-летняя Ольга Александровна Фальц-Фейн. Волею судеб именно ей — племяннице сына писателя, двоюродной сестре его недавно умершего внука — на учредительном симпозиуме Международного общества Ф. М. Достоевского

выпала честь представлять родственников фамилии Достоевских... А через полгода после форума в Бад-Эмсе, 4 марта 1972 г., не стало и Ольги Александровны.

И снова — теперь уже со смертью детей Екатерины Петровны и Анны Петровны, Андрея и Ольги, — не прервалась связь фамилий Достоевских и Фальц-Фейнов. В 1970–90-е гг. исключительная заслуга в этом принадлежит барону Эдуарду Александровичу фон Фальц-Фейну.

В кратком вступительном очерке невозможно коснуться всей многогранной и обширной деятельности Эдуарда Александровича, направленной на сохранение культурного наследия России. Поэтому упомянем только его главные дела. Несколько лет назад стараниями барона Фальц-Фейна в Цербсте (Германия), родном городе Екатерины II, открыт музей русской императрицы, куда Эдуард Александрович передал приобретенный им на личные средства у потомков Д. И. Фонвизина бронзовый бюст царицы работы великого скульптора Ж. А. Гудона. Сейчас барон Фальц-Фейн делает все, чтобы в Санкт-Петербурге существовал музей Пажеского корпуса, директором которого перед революцией был его дед, генерал Н. А. Епанчин (интереснейшую книгу воспоминаний Н. А. Епанчина «На службе трех императоров» внук его опубликовал в 1996 г. в Москве по хранившейся у него в Лихтенштейне рукописи; сейчас автограф этих мемуаров передан Э. А. Фальц-Фейном в Центральный государственный исторический архив в Петербурге). Совсем недавно при финансовой поддержке барона в здании Суворовского училища на Садовой (быв. Пажеский корпус) началось восстановление дворцовой церкви; в ней уже возобновлено богослужение.

Важное место в деятельности Э. А. Фальц-Фейна занимает восстановление подлинной истории легендарного заповедника Аскания-Нова, основанного его дядей Фридрихом Фальц-Фейном. Этой цели прежде всего служит публикация бароном

в 1997 г. в киевском издательстве «Аграрна Наука» книги другого его дяди (родного брата Фридриха) Владимира Фальц-Фейна «Аскания-Нова», написанной в 1920-е гг. в эмиграции и прежде неоднократно издававшейся на Западе. В селе Гавриловка, на Днепре, недалеко от Аскании-Нова, где родился Эдуард Александрович, его стараниями построена православная церковь. А в самой Аскании барон разыскал затерянную могилу своего старшего брата Александра, того самого летчика-героя Первой мировой, биографические материалы о котором в 1960-е гг. разыскивал А. Ф. Достоевский, — и установил на ней гранитное надгробие с портретом А. А. Фальц-Фейна и — по летной традиции — изображением авиационного пропеллера.

Говоря о заслугах Эдуарда Александровича в деле сохранения русской культуры, нельзя не сказать и о возвращении на родину библиотеки С. Дягилева и С. Лифаря, купленной бароном на аукционе Сотби; и о перенесении в Москву, на Новодевичье кладбище, праха великого русского певца Федора Шаляпина; и о поисках легендарной Янтарной комнаты, которым Э. А. Фальц-Фейн отдал много лет своей жизни, а теперь — и о его финансовой помощи реставрационным мастерским в Царском Селе, медленно, но настойчиво восстанавливающим, казалось бы, навсегда утраченное; и о недавней передаче в Москву, во многом благодаря инициативам барона Фальц-Фейна, князю Лихтенштейну Гансом Адамом II бесценного архива Соколова, содержащего материалы расследований обстоятельств убийства в 1918 г. в Екатеринбурге членов царской семьи, и о многом-многом другом... Заметим, кстати, что за все сделанное для России барон Эдуард Александрович фон Фальц-Фейн награжден российским правительством орденом Дружбы Народов, который ему 31 января 1994 г. на его вилле «Аскания-Нова» в Лихтенштейне лично вручил премьер-министр В. С. Черномырдин.

Но особую страницу в многогранной деятельности Э. А. Фальц-Фейна на благо русской культуры занимает все, что связано с именем Достоевских, в свойстве с которыми барон находится через свою единокровную сестру, дочь Анны Петровны Фальц-Фейн, Ольгу Александровну, о которой уже шла речь, — родную племянницу Федора Федоровича Достоевского, сына великого писателя. На этом «достоевском» направлении в течение многих лет работа ведется Эдуардом Александровичем последовательно и неутомимо, что читатели, наверное, уже могли почувствовать из приведенного в начале вступительного очерка письма барона в Санкт-Петербургский музей Ф. М. Достоевского.

В 1980 г. известные американские слависты, активные деятели Международного общества Ф. М. Достоевского Н. А. и А. И. Натовы, путешествуя по «достоевским» местам Европы с целью сбора материалов для исследования «По следам потомков Достоевского», обнаружили на кладбище города Больцано в северной Италии могилу младшей дочери великого писателя — Любови Достоевской, которая в 1913 г. навсегда уехала из России и 10 ноября 1926 г. умерла от малокровия в частной клинике Гризерхоф доктора Ресслера неподалеку от Больцано (Тироль). Найти могилу Л. Ф. Достоевской, считавшуюся потерянной, было далеко не просто, так как первоначально она была похоронена на небольшом кладбище в Гризе. Но кладбище это в 1929 г. было ликвидировано, и могилу дочери писателя перенесли на кладбище в Больцано. Когда Натовы наконец нашли место захоронения Любови Федоровны, надгробный памятник, в виде массивной урны, был в плачевном состоянии, надпись на памятнике почти не читалась. И тогда Натовы решают обратиться за помощью к барону Э. А. Фальц-Фейну как к единственному известному им родственнику Достоевских за пределами России. На письмо А. И. Натова от 23 ноября 1980 г. Эдуард

Александрович ответил, как всегда энергично включаясь в ситуацию:

«Вы не должны ничего больше делать, я беру на себя все расходы и уход в будущем. Делаю я это не только из родственных соображений. Это наша русская обязанность беречь подобные памятники».

Тогда же Э. А. Фальц-Фейн списался с доктором Гансом Ресслером в Больцано, сыном и наследником доктора Ресслера-старшего, в клинике которого лечилась и умерла Л. Ф. Достоевская. Его интересовало все, что касалось дочери писателя: остались ли какие-то документы? помнит ли что-то о Достоевской сам Г. Ресслер? и т. п. Завершая письмо, барон обратился и к вопросу о надгробном памятнике:

«Другая просьба состоит в следующем: возможно ли попросить какого-нибудь художника обновить надпись на могильной плите? Этот художник должен выслать мне как можно скорее счет на оплату, чтобы я мог еще этой весной оплатить все что потребуется...» (оригиналы этого и следующего писем — по-немецки; перевод Д. А. Достоевского, правнука писателя).

Доктор Ресслер ответил 4 марта 1981 г. подробным письмом. Он сообщил барону Фальц-Фейну ряд важных сведений, касающихся смерти Л. Ф. Достоевской (копия письма передана Эдуардом Александровичем в Санкт-Петербургский музей Достоевского). В части, касающейся надгробного памятника, он писал: *«Я готов, как Вы просите, принять участие в обновлении могилы, но это надо сделать тщательно, так как тут работы не только художнику по орнаменту и шрифту: надпись весьма стерта и едва читается, окраска надписи не сохранилась. Если Вы не против, я буду говорить с каменотесом...»* И в конце письма: *«Итак, дорогой барон, нужен ли каменотес или нет? Я буду держать Вас в курсе текущих дел. С дружеским приветом Г. Ресслер».*

Барон Фальц-Фейн не только вновь ответил согласием, но и сам приехал в Больцано, чтобы увидеть все собственными глазами. Об одной любопытной детали этой «эпопеи» Эдуард Александрович позднее так рассказывал в интервью, которое он дал Владимиру Безносову 20 марта 1995 г. в Санкт-Петербурге, в номере гостиницы «Европейская» (опубликовано: Мера. 1995. № 1. С. 124–127): «Я приехал в Италию, взял человека, который почистил мне надпись [на надгробной плите], и увидел, что там с одной стороны по-итальянски написано: третий год фашистского рейха. Они так начинали считать. Я был в ужасе. Фашизм уже кончился, и я снял эту плиту, не спросив никого (все-таки, это мое); я взял и написал по-русски. Так что теперь, когда там бывают туристы, они могут видеть эту плиту».

В том, что в итоге надгробный памятник на могиле Любови Федоровны Достоевской приведен в надлежащее состояние, могут убедиться и читатели, обратившись к фотографии, помещенной в настоящем издании.

До того как американские слависты Н. А. и А. И. Натовы обнаружили в Больцано могилу младшей дочери Ф. М. Достоевского, Любови, они в 1977 г. в Женеве, на бывшем кладбище Plain Pale, по кладбищенским архивам разыскали место похребения старшей дочери писателя, Софьи, умершей в младенчестве. «Большую и неоценимую помощь оказала нам Татьяна Г. Варшавская, принявшая живое участие в наших хлопотах и переговорах с женевскими властями, — рассказывала позднее Н. А. Натова на страницах парижской газеты «Русская мысль». — Детское кладбище больше не существует. Могила Сони была обозначена № 1009. По сообщению женевского муниципалитета, право на сохранение могилы Сони истекло в 1977 г. По нашей просьбе это право было продлено на двадцать лет». Натовыми же на личные средства была установлена надгробная плита, гласящая, что это могила «Софии, дочери

Федора и Анны Достоевских». «Надпись решено было сделать по-французски, так как большинство посетителей — европейцы, да и русскому путешественнику нетрудно будет прочесть, кто и когда был похоронен на этом месте».

И эту «достоевскую» могилу взял под свою опеку барон Э. А. Фальц-Фейн. Во время своего очередного посещения Plain Pale в 1993 г., когда двадцатилетний срок сохранения муниципалитетом могилы Сони Достоевской уже входил в свою последнюю четверть, Эдуард Александрович внес в городскую казну Женевы необходимую сумму, «продолжив срок сохранности еще на 30 лет, как диктует швейцарский закон». Так, обнаруженные благодаря инициативе и усилиям Н. А. и А. И. Натовых места погребения двух дочерей Ф. М. Достоевского в Европе сегодня пребывают под надежным покровительством барона Э. А. Фальц-Фейна.

Под опекой Эдуарда Александровича находится и могила в Ментоне Екатерины Петровны Достоевской и Анны Петровны Фальц-Фейн — авторов публикуемой переписки. Именно он исполнил предсмертную волю Анны Петровны — перезахоронил прах Екатерины Петровны, умершей в больнице в Ницце, в одной могиле с сестрой после смерти последней. «Я похоронил их вместе в одной могиле в Ментоне. На днях (1995 г.) я там был. Мне сказали, что крест с памятника упал, я все опять привел в порядок, они обе лежат в чудном месте, на высоте, с видом на море» (Мера. 1995. № 1. С. 125). В Ницце (юг Франции) другие законы, нежели в Женеве: необходимая сумма вносится единовременно и надгробный памятник сохраняется в неприкосновенности навсегда. «Подтверждаю, что там памятник будет стоятьечно, я получил об этом подтверждение властей», — сообщил в письме в Петербург, в музей Достоевского, Эдуард Александрович.

Может быть, кому-то эта «кладбищенская» тема во вступительном очерке покажется недостаточно важной, не заслужива-

ющей столь пристального внимания? Что ж, можем только напомнить такому читателю известные пушкинские строки:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертвa...

И особенно, наверное, эти чувства обостряются тогда, когда «родное пепелище» вдруг оказывается для тебя дальше, чем за тридевять земель. И, как в заколдованный мир, тебе нет туда доступа, нет дороги. А именно в таком положении и находился длительное время барон Э. А. Фальц-Фейн, который, как ни стремился, не мог ступить на родную землю долгие 60 с лишним лет, покинув ее не по своей воле в 1918 г. шестилетним мальчишкой... Поэтому-то, видимо, для него и для таких, как он, столь дорогими, «животворящими» оказываются «отеческие гроба» — русские могилы, раскиданные волею судьбы по всему белому свету — в Швейцарии, Италии, Франции... «Это наша русская обязанность беречь подобные памятники», — повторим еще раз уже однажды процитированные не случайно оброненные слова Эдуарда Александровича.

И еще заметим к случаю, что если все без исключения могилы Достоевских в Европе, благодаря таким людям, как Натовы и барон Фальц-Фейн, пребывают в должном порядке, то нами в России, к всеобщему стыду, утрачены и могила матери писателя (Лазаревское кладбище в Москве снесено в начале 1930-х гг.), и могила отца, М. А. Достоевского, на погосте села Моногарово в Тульской области, и могила младшего сына Алеши, умершего в трехлетнем возрасте в 1878 г. (на Большеохтинском кладбище в Петербурге), и могила старшего сына Федора Федоровича (на Ваганьковском кладбище в Москве), и могила люби-

мого старшего брата Федора Михайловича Михаила (на городском кладбище Павловска под Петербургом), и могила первой жены писателя Марии Дмитриевны в Москве и т. д. и т. п. Так что низкий поклон и благодарность от нас, Иванов родства не помнящих, таким людям, как Надежда Анатольевна и Анатолий Иванович Натовы, как барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн!

Истинный патриот России, барон Фальц-Фейн, как уже говорилось, не мог ступить на родную землю на протяжении более 60 лет. «Эмигрант?» В советском посольстве в Берне с ним отказывались даже разговаривать. Впервые после 1918 г. приехать на Родину Эдуард Александрович смог только в 1980 г., в год московских Олимпийских игр, в качестве председателя Олимпийского комитета княжества Лихтенштейн. В мае 1981 г. поездку в СССР удалось повторить. С тех пор барон Фальц-Фейн перестал быть для советских властей «персоной нон гра-та»; «вето» на его имя, наложенное когда-то и кем-то из коммунистических чиновников, утрачивает свою силу. (Заметим, что в настоящее время — редчайший случай — Э. А. Фальц-Фейн имеет безвизовый паспорт, врученный ему по личному распоряжению министра иностранных дел Е. Примакова. Россия стала для него открытой страной.) В начале 1980-х гг., в первый же приезд в Ленинград, Эдуард Александрович посещает музей-квартиру Ф. М. Достоевского (а как же иначе?) и с тех пор становится верным другом этого музея, а позднее и почетным членом его Ученого-попечительского совета. В каждое свое появление в северной столице барон непременный и желанный гость в «доме Достоевского» в Кузнецном переулке. Здесь он устраивает пресс-конференции, встречи с общественностью, дает интервью. Завязывается оживленная переписка. О ее содержании читатель может судить, в частности, по письму, приведенному в самом начале вступительного очерка. В 1985 г., когда барон Э. А. Фальц-Фейн в очередной раз

приезжает в Ленинград для участия в церемонии открытия восстановленного его стараниями надгробного памятника на месте захоронения трех своих славных предков по материнской линии — адмиралов Епанчевых (на Никольском кладбище в Александро-Невской лавре), — происходит знаменательная встреча. Эдуард Александрович знакомится с правнуком Ф. М. Достоевского, внуком Екатерины Петровны — Дмитрием Андреевичем Достоевским. Так в XX веке судьба вновь сводит Фальц-Фейнов и Достоевских.

История отношений барона Э. А. Фальц-Фейна и Д. А. Достоевского — особая тема, она требует отдельного очерка. Но одной страницы этой истории мы не можем здесь не коснуться. Осенью 1990 г. «Би-би-си» снимает фильм «По следам Достоевского в Европе» с участием Дмитрия Андреевича Достоевского. Съемки начались в Германии, куда правнук великого писателя был приглашен на учредительное собрание создаваемого по инициативе госпожи Елены Лакнер немецкого Общества Ф. М. Достоевского. В разговоре между съемками Д. А. Достоевский упомянул имя барона Фальц-Фейна, и молниеносно рождается идея: фильм «По следам Достоевского в Европе» не может обойти молчанием человека, который столько сделал для увековечения мест за пределами России, связанных с именем классика мировой литературы. Телефонный звонок в Лихтенштейн: «Эдуард Александрович, вы не возражаете?» — «Пожалуйста!» И вот съемочная группа «Би-би-си», а вместе с ней и Дмитрий Андреевич Достоевский вступают под гостеприимный кров виллы барона Фальц-Фейна с знаменательным названием «Аскания-Нова»...

Когда-то, в начале XX века, в имении Фальц-Фейнов Аскания-Нова в Таврической губернии часто гостили Екатерина Петровна и Федор Федорович Достоевский, приходившийся своим брату владельца заповедника А. Э. Фальц-Фейну (мужу Анны Петровны). Сын писателя сам страстно увлекался

коневодством, и кроме родственных связей его привлекал в уникальный заповедник и профессиональный интерес. Приезжала в Асканию-Нова с внуками Федором и Андреем и сама Анна Григорьевна Достоевская. И вот теперь, в конце XX века, вновь Достоевский в гостях у Фальц-Фейна, вновь Достоевский в Аскании-Нова... Только теперь — в Альпах, в Лихтенштейне, на вилле Эдуарда Александровича, названной так в память о той бесконечно далекой и бесконечно родной Аскании...

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Символический момент. Восстановление «распавшейся связи времен».

Были и еще встречи в Лихтенштейне и в Петербурге. В Осло и в Гаминге (Австрия) Эдуард Александрович и Дмитрий Андреевич вместе участвовали в заседаниях симпозиумов Международного общества Ф. М. Достоевского. Когда в альманахе «Мера» нами совместно готовилось к печати первое письмо Анны Петровны Фальц-Файн к Анжело Чезана с упоминанием об исчезнувшей рукописи «Братьев Карамазовых», присланное в Петербург бароном, его перевод с немецкого языка сделал не кто иной, как Д. А. Достоевский. И дополнил комментарий публикаторов своими примечаниями. Ведь речь-то в письме о судьбе его родной бабушки Екатерины Петровны!

И сейчас, публикуя весь корпус переписки, переданной бароном Э. А. Фальц-Фейном в фонды Санкт-Петербургского музея Ф. М. Достоевского, в переводе Р. Г. Гальпериной, мы печатаем письмо от 19 ноября 1951 г. в переводе Д. А. Достоевского. Он же предоставил для издания и несколько уникальных фотографий из своего личного архива (в том числе и те, где они запечатлены с бароном Э. А. Фальц-Фейном на вилле «Аскания-Нова» в дни съемок «Би-би-си» фильма «По сле-

дам Достоевского в Европе»). Другие бесценные фотографии (их в книге подавляющее большинство) из своего лихтенштейнского архива нам передал для публикации вместе с письмами Екатерины Петровны и Анны Петровны сам Эдуард Александрович. Так и в этом деле — в самом издании книги, которую сейчас держит в руках читатель, — вновь встретились Достоевские и Фальц-Фейны. Дмитрий Андреевич Достоевский и Эдуард Александрович Фальц-Файн.

Без барона Э. А. Фальц-Фейна, его поисков и счастливой находки писем сестер в частном архиве в Швейцарии, без его организационной и, что не менее важно, щедрой финансовой помощи, наша книга не смогла бы увидеть свет. В ее подготовке также принял посильное участие и правнук писателя Д. А. Достоевский. Дружеские связи и сотрудничество представителей двух замечательных фамилий — Достоевских и Фальц-Фейнов — продолжаются.

В. Г. Безносов, Б. Н. Тихомиров

Письма
из
Maison Russe

• 1 •

Ментона¹

18 ноября [1951 г.]

Многоуважаемый господин Чезана!²

Какими словами я могу выразить Вам свою глубочайшую признательность за Ваше чрезвычайное участие и доброту?! — Я тронута до глубины души и могу только сказать: «Благослови Вас Господь! И да сложится Ваша жизнь по воле Его!»

Неожиданный подарок говорит лучше всяких слов, что за сострадательное у Вас сердце! Вчера я получила по поручению господина Клауса Пипера³ и благодаря Вашему посредничеству 3 968 франков!

В знак благодарности шлет Вам самый сердечный привет преданная Вам

Екатерина Достоевская.

P.S. Господину Клаусу Пиперу я уже сама отослала письмо с сердечной благодарностью.

- 2 -

19 ноября [1951 г.]

Глубокоуважаемый господин Чезана.

Моя дорогая единственная сестра, госпожа Екатерина Достоевская, невестка писателя — мы, не разлучаясь, живем вместе с 1917 года⁴ (мы обе потеряли наших мужей и сыновей)⁵, — хотела Вам написать. Но она еще очень слаба после тяжелой операции, и ей не так-то легко писать, поэтому пишу я. Я хотела бы сказать Вам, что не только щедрая материальная помощь, которая для нас очень важна, глубоко трогает наши сердца, но и то, что в наше тяжелое, смутное время, когда «драгоценное Я» взяло верх, когда люди в погоне за земными благами безжалостно топчут своих близких, когда, как мы говорим, человек человеку — волк, можно встретить таких отзывчивых, сочувствующих друзей, как Вы и господин Пипер, которые в беде протягивают руку помощи. Это помогает не терять веру в то, что гуманизм, честь, сердечность, совесть — не пустые понятия, что еще существует «нечто» более высокое, чем техника, которая преследует цель не помочь человечеству, а уничтожить его.

Моей сестре 76 лет, мне 81 с половиной. Мы принадлежим к ушедшему счастливому столетию, которого никто не ценил, все были всегда недовольны, и великий во всех отношениях переворот затронул нас до самых глубин. От господина Пипера Вы, паверное, знали, что

«little bad spirits»* выбрали подходящий момент, чтобы сыграть с нами злую шутку. И не в первый раз. В 1920 году мы слишком поздно покинули мое имение в Таврии. Когда мы прибыли в Симферополь, столицу Крыма, барон Врангель покинул его со своей армией за день до этого⁶. Моя дочь⁷ послала за нами из Константинополя наш ледокол «София», по его по пути реквизировали. Таким образом, мы на двадцать два года остались под большевиками и смогли выехать за границу только в 1943 году с немцами. В 1923 году моя дочь через Красный Крест в Женеве послала нам визу, но большевики сказали, что Достоевские должны оставаться у них⁸. В то время Достоевский еще не был в «карантине». Теперь, говорят, его полностью исключили из программы обучения⁹. Материально нам было не так уж плохо, хотя мы пережили ужасный голод и эпидемии голодного тифа в 1920 – 1921 годах¹⁰. Тогда подводы собирали на улицах трупы, как доски, и мы обходили места, где они лежали, так как тротуары и мостовые были покрыты тысячами вшей. Не было ни мыла, ни горячей воды, люди стирали свои вещи, лучше сказать, лохмотья, с песком в речке Салгир. В давке очередей за 150 граммами хлеба – черного как уголь, мокрого, из жмыха, кореньев и Бог знает чего еще, – вши разгуливали по одежде людей, которые стояли спереди и сзади, то же самое при бесплатной раздаче положенной тарелки жидкого супа. Мы были вынуждены брать этот суп. Теперь это звучит аnekdotично. Купить пельзя было ничего. Однажды моя сестра пошла на базар. Кроме хрена, она ничего не нашла. Она была так голодна, что по дороге домой не смогла удержаться и съела его, испачканный

* «маленькие злые духи» (англ.) – здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчику.

землей. Наша хорошая знакомая баронесса Нольде¹¹ обменяла в Ялте свое изумительное каракулевое манто на 10 тыкв.

Моя сестра давала уроки английского и французского языка специалистам: врачам, инженерам и т. п.¹². Так как книги были моей страстью с детства, я закончила курсы и получила свидетельство научного библиографа и библиотекаря. Десять лет я работала на плодовоовощной испытательной станции в Симферополе, а последние 12 лет — в Институте защиты растений. Однако морально это было очень тяжело, и нас вызывали в ГПУ на «исповедь». Однажды я уже думала, что моя сестра не вернется назад. Во время больших процессов над интеллигенцией мы часто ложились в постель одетыми и клади рядом гребень и посовой платок — то, что разрешали брать с собой¹³. Мой паспорт с моим именем мы сожгли — «потеряли»¹⁴... в противном случае я давно висела бы на каком-нибудь дереве как «кровопийца народа» — так называли помещиков.

Когда пришли немцы — а нужно было жить и есть — моя сестра стала переводчицей в воинской части, квартировавшей в доме, в котором мы жили¹⁵. Я продолжала работать в Институте защиты растений, только руководителем стал знаменитый энтомолог профессор Янеке. Мы с ним все еще переписываемся. Немцы пришли в Симферополь на два дня раньше, чем их ждали красные¹⁶, поэтому в подвалах ГПУ нашли 800 еще теплых трупов людей из интеллигенции, и нам показали список с двумя тысячами имён, в том числе и нас обеих, которые должны были быть арестованы и расстреляны. И вот немцы уходят. Это было осенью 1943 года. Нам тоже пришлось уходить¹⁷, так как всех, кто работал при немцах, даже поварих и прислугу, арестовывали и отправляли в концентрационный лагерь.

В Одессе — тогда Румыния — мы оказались под руинами дома заваленными досками и кирпичами. Во второй раз Господь Бог захотел, чтобы мы остались живы. У моей сестры был очень тяжелый перелом, в двух местах, правой ноги, потом две операции, 11 месяцев в различных больницах, она хромает до сегодняшнего дня. У меня была сломана левая рука от плеча до локтя, пять месяцев я была в гипсе. Возле плеча до сегодняшнего дня большой шрам от осколка бомбы. Хуже всего, что в результате взрыва бомбы я почти оглохла. Я шла по жизни как статист. Затем — все время по больницам: Аккерман¹⁸, Измаил, Галац¹⁹, где мы 12 дней были под советской бомбежкой, Польша, Литцманштадт²⁰, где поляки, пока мы были в больнице, украли 8 из 13 мест багажа. У нас были еще ценные вещи, и мы рассчитывали их продать и жить на это. Но что нас все еще огорчает и печалит — это потеря невосполнимых исторических документов: переписки семьи Достоевских, записных книжек Анны Григорьевны²¹, четырех изумительных, большого формата, цветных фотографий царя Николая II, снятых, когда он со своими министрами 23 апреля 1914 годаrazil нам большую часть три дня погостить в нашем главном имении Аскания-Нова²². Он хотел посмотреть наш знаменитый зоопарк. Около 300 зверей со всех пяти континентов жили на свободе в степи. Ни разу ни один зверь не убежал. У нас было так много страусов, что свите подали омлет из страусиных яиц. Мы подарили императрице Александре Федоровне веер из перьев собственных страусов. В имении жили шесть братьев (в том числе мой муж) и их сестра²³. В Западной Европе это звучит как сказка — у нас было двести пятьдесят тысяч десятин, а одна десятина, поскольку мне известно, это $1\frac{1}{4}$ гектара, 700 000 изумительных овец-мериносов. На всех вы-

ставках мы получали золотые медали за наших овец, лошадей и рогатый скот, даже за огромных белоснежных овчарок. По всей России было известно наше в высшей степени интенсивное хозяйство. А теперь, насколько я знаю, там пустыня. Все чудесные парки — срублены. Изумительный дворец моей свекрови, Преображенка у Перекопа, — 72 больших комнаты и зала — сожжен²⁴. Дворец моего мужа и мой — 45 комнат — сожжен. Дом не хотел гореть. Они забили его соломой до второго этажа, но дом все равно не хотел гореть. Тогда из соседнего города Херсона они привезли бочки с керосином. Идиоты. Они же могли организовать детские сады, дома для престарелых, школы. Но классовая ненависть была слишком велика. Мое имение в Херсонской губернии на большой реке Днепр называлось Гавриловка, по имени великого поэта Гаврилы Романовича Державина: оно было подарено ему Екатериной Великой, которую он в своем стихотворении назвал «Фелицией». Животных из Аскании-Нова немцы вывезли в Берлин, где те погибли под бомбами²⁵. Мой жемчуг, мои бриллианты и прочее были в сейфе в Государственном банке в Санкт-Петербурге — все было взято большевиками. В сейфе моей сестры находились рукописи — «Братья Карамазовы»²⁶ и другие — большое богатство — все в руках большевиков. Они даже стянули у меня с пальца обручальное кольцо.

Дальше. Вновь приходят красивые и нас эвакуируют вместе с болыницеей — Киршберг²⁷, Гаштровер, Вальсроде, Регенсбург²⁸ в Баварии, где мы прожили 3½ года в католическом приюте сестер Синего креста²⁹. Это были самые счастливые годы за все время после революции. Настоятельница и сестры нас любили, баловали нас, хотя мы были православными и русскими. Затем — полтора года в Париже³⁰ и

теперь в Ментоне. Однадцатое место с 1943 года. Печальная одиссея.

А теперь с нами случилось еще и это несчастье. Моей сестре сделали опасную для жизни операцию (аппендицит и непроходимость кишечника). Чудо, что она выжила. Из большого, длиного разреза непрерывно сочится жидкость. 1 ноября нас поместили в Maison Russe³¹. Я пишу «нас», так как это огромное счастье, что мне разрешили остаться с ней. 33 ночи я провела, сидя в шезлонге, который вовсе не был «longue»*. За это время я только пять раз обедала. В остальное время по-студенчески: хлеб, колбаса, сыр. В больнице меня не кормили. И все же я была такой счастливой и веселой. Силы моей дорогой сестры постепенно возвращаются, хотя она еще очень слаба и все время мерзнет. 1 декабря ее на 10 дней возьмут обратно в больницу. Лишь после этого будут зашивать разрез. И тут случилась новая беда — я так несчастна и в полном отчаянии! 5 ноября меня сбил мотоцикл, сегодня четырнадцатый день, как я лежу в постели. Еще счастье, что все кости целы! Левая нога еще ничего, но на правую ногу не могу ступать. Воспаление вены вдоль ступни и голени. Не я обслуживаю мою бедную сестру, а она меня! Мне невыносимо видеть, как ей тяжело. Хуже всего — и это приводит меня в полное отчаяние — приближается 1 декабря, и я дрожу от мысли, что не смогу ступить на ногу и сопровождать ее. А по опыту я знаю, как я там пужна. Еще и это несчастье свалилось на нас! Божья кара. За что? Чем мы провинились? Мы обе стремились делать людям добро. Впервые с 1917 года мы беспомощны обе разом. Прислуги здесь пикающей. Нам помогают три женщины. Ужасно неловко. Денег они брать не хотят, что хуже всего. Эту прекрасную бумагу

* «длинный» (фр.); «шезлонг» буквально означает «длинный стул»

ту нам подарили на Пасху хороший друг. Я пишу Вам из моей тюрьмы — с кровати, на которой лежу в полном отчаянии. Я, всегда такая здоровая, теперь беспомощна.

Но кончу. Простите, что отняла так много Вашего драгоценного времени. С сердечной благодарностью за Вашу доброту и участие преданная Вам

Анна Фальц-Фейн.

⊕ 3 ⊕

10 декабря [1951 г.]

Многоуважаемый, дорогой господин Чезана.

Наше знание немецкого языка так незначительно, что мы не можем найти никаких иных слов и выражений, кроме тех, что от всего сердца, преисполненного глубокой благодарности, уже высказали Вам: Ваше милосердие и Ваша доброта лишают нас дара речи, особенно теперь, когда из Вашего письма мы узнали, что Вы женаты. Возможно, у Вас есть и дети, то есть семья, о которой Вы должны заботиться. А Вы приводите нас в смущение, вновь посылая в своем любезном письме подаяние.

Вы пишете, что только по слухам знаете об обстоятельствах на нашей родине-мученице. За это Вы можете быть благодарны Господу Богу.

Только в нашей собственной семье, т. е. в нашей и в семье моего мужа, оказалось столько жертв адского режима. Наша кузина Анна Филимонова³² и ее муж, помещик Курской губернии, были расстреляны большевиками. Гувернантка смогла убежать с двумя детьми. Куда? И следов детей никто не нашел. Наш двоюродный брат, Михаил Полянский, предводитель дворянства в городе Витебске, тоже был расстрелян, как и его отец, генерал, наш дядя Владимир. Его жена сошла с ума и бегала босая, в лохмотьях по городу — искала его. Другой дядя, Сергей, не смог вынести преследований и отправился³³.

То же самое наш друг в Симферополе, когда мы там жили, отравил свою жену и застрелился сам³⁴. Ужасна была смерть моей свекрови Софии Фальц-Фейн. Она пригрела змею на своей груди. Воспитала мальчика-сироту, он окончил в Одессе гимназию и университет. Вернулся в ее собственную школу учителем. Она его женила, сделала все приданое невесте, на свадьбу им подарила дом и пять тысяч рублей. Тогда это были большие деньги. Но он пролетарий, она миллионерша — отсюда классовая ненависть. Сначала на этой территории у Перекопа четырежды менялась власть — то белые, то красные. Последние снова уходят, это была интервенция. Приближаются немцы. Моя свекровь уже давно была перевезена из своего дворца в Преображенке в ее усадьбу в Хорлах³⁵ и заперта в небольшом доме. Красные уходят. Но учитель сговорился с двумя красными солдатами убить ее³⁶. Ей приказали открыть дверь — она оставалась совсем одна в доме. Она этого не сделала. Тогда они стали стрелять пулями «дум-дум». Дверь поддалась. Она повисла на дверной ручке мертвая, живот в клочья. Им было и этого мало. Они подняли ее на штыки, на теле было 16 ран. Ночью пришла женщина, обмыла останки, один пожилой мужчина вырыл яму у стены, и без гроба они вдвоем зарыли эту несчастную 84-летнюю женщину, как собаку, ее, благодетельницу сотен людей, ее, которая так хорошо относились к людям³⁷. Все ее дети были за границей, но ее нельзя было уговорить уехать, она твердо верила, что спустя короткое время снова станет владелицей своего состояния и земли.

В качестве примера того, что в СССР случается с людьми, которых правительство считает опасными, может слу-

жить кончила команда — тогда еще не было маршалов — Фрунзе, поразительная картина. Видный писатель Пильняк описал это в журнале «Красная звезда» в «Повести непогашенной луны»³⁸, конечно под вымышленными именами, но все знали, о ком идет речь; совершенно непонятно, почему цензура это поняла далеко не сразу. Пильняк был арестован и бесследно исчез. В 1918 году Фрунзе был командующим армией на Кавказе, был очень любим своими солдатами и офицерами, а значит, опасен. Вдруг он получает от Дзержинского, поляка, главы тогдашнего ЧК, приказ незамедлительно прибыть в Москву. Через пару часов он со своими адъютантами был уже в дороге. На вокзале его встречает высокий военный чин и просит тотчас отправиться к его шефу. Затем следует беседа. Дзержинский с печальным лицом: «Командарм, я очень удручен тем, что вы больны и должны подвергнуться операции, по вас будет оперировать лучший хирург, все уже подготовлено, машина ждет у подъезда». Фрунзе: «Но, товарищ Дзержинский, я абсолютно здоров, у меня ничего не болит». Дзержинский: «Пожалуйста, не волнуйтесь». Звонит, обращаясь к адъютанту: «Пожалуйста, проводите команда в больницу». Фрунзе понял, о чем идет речь, и, не прощаюсь, ушел. Его так хорошо захлороформировали, что он уже больше не встал. Делали ли ему операцию, этого никто не знает. Я пишу о том, что мы читали. Правда ли это, не знаю. Через два года настала очередь Дзержинского. Во время одного партийного собрания он произнес длинную речь, выпил стакан воды и тут же умер. Правительство сообщило: «Разрыв сердца». Ежов-Кровавый, глава ГПУ, был отправлен, Сталин сам боялся его, своего заместителя. Горького, закадычного друга Стаг

лица, тоже не пощадили. Точно было известно, что в конце жизни он был против политики Сталина, которому об этом донесли. Собственный врач Горького отравил его в Крыму. Показательный процесс. Многие были арестованы. Я не плавал Горького. Когда он в Сорренто жил в роскоши, пока итальянцы не вышвырнули его за пропаганду, а в России тысячи людей умирали от голода, мы частенько читали его советы в газетах: «Терпение, терпение, подождите, скоро вы будете жить в сказочной стране». Когда он в Москве получил в качестве квартиры красивейшую частную виллу миллионера Рукавишникова³⁹, ограду тотчас забили досками, чтобы голодные пищущие массы не могли видеть, что там происходит, за оградой. Наша хорошая знакомая жила напротив этой виллы на четвертом этаже и видела, как каждое утро грузовик подвозил самые изысканные, самые лучшие продукты и деликатесы, а вечером — приходят «пролетарии», и шампанское льется рекой. Egalité?* У нас говорят: «Что написано пером, того не вырубишь топором». Вместо того, чтобы припять учение Христа: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», — человек стал Каином своему брату. Дьявол не вымысел темного средневековья, а жестокая действительность.

Чудесный, радостный рождественский праздник на пороге. Скоро в Германии ясные детские голосочки затянут трогательную песенку: «Тихая ночь, святая ночь». Как в тумане, из глубины десятилетий перед глазами всплывают слепящая красота, елка, блестящие глаза детей, ликовение. Все в прошлом. В одном стихотворении написано: «Огни погасли, тьма нас обнимает».

24 декабря у нас в местной церкви поют большой стих из 12 строф, вот первая строфа:

* Равенство? (фр.)

Бог с нами! Слушайте все, кто вдали, ибо Бог с нами!
Народ, бредущий во тьме, видит великий свет, ибо Бог с нами!
Перед обитателями страны теней вспыхивает свет,
ибо Бог с нами!
Младенец родился, Сын нам дарован, ибо Бог с нами!
И Его благодать не знает границ, ибо Бог с нами!⁴⁰

А 25 декабря поют так:

«Как мне огласить великую тайну: бестелесное становится плотью, Слово материализуется, невидимое становится зримым, и Тот, Кто не имел начала, берет начало. Сын Бога становится Сыном Человеческим. Иисус Христос и сегодня Тот же, что и вчера, и пребудет во веки веков».

Подготовительные материалы к роману «Бессы»:

Ему, Господу Богу, Себя явившему
И на этой земле пред людьми представшему,
Тому, Кто весь мир вокруг прояснил,
Ему хвала и щедрость души.

(Из книги Ивана Кологрикова «Слово жизни»)⁴¹

Возможно, в Вашей жизни тоже так случалось: Вы вдруг видите какой-то предмет, слышите давно забытую мелодию или ощущаете аромат духов, и перед глазами возникают давно забытые образы. Когда я получила эту почтовую бумагу в подарок на Пасху, я вдруг ощутила себя сидящей в своем будуаре, у столика со столешницей в стиле маркетри и с такими изящными потайными ящичками. С полки на меня с любовью глядят мои близкие. В хрустальной вазе стоят цветы. Маленькие фарфоровые часы показывают минуты, которые исчезают в вечности. Над моей головой растопырила свои крупные листья латания. С полки мне кивает своей головкой Будда, подарок одного капитана. Он философ. Ясновидящий. Он знает все. Он говорит мне: наслаждайся настоящим, ничто не вечно на земле.

Ничто не прочю. Пророк? Знал ли он, что вместе со всем остальным скарбом погибнет в огне? Я держу ручку из агата, моего июльского камня, приносящего удачу, который мне не принес счастья, и передо мной лежит тот же самый почтовый листок с моим именем... До сих пор я слышу иногда в почти, как струны двух «Бехштейнов» и одного «Стенвэя»* в большой Белой музыкальной гостиной, — мой муж был хорошим музыкантом⁴², — жалобно стекают, должно быть, лопаясь под действием огня.

Во вторник или в четверг мы снова будем в больнице. Как говорят у нас, сто кошек скребут на душе. Вторая операция в течение двух месяцев при ослабленном организме⁴³. И у меня такой страх!

Предварительно поврежденные кишечки должны быть разглажены, промыты, зашиты; только тогда — шов. Все говорят, что моя дорогая сестра — герой. С поврежденными кишками она ходит, занимается хозяйством, обслуживает меня, здоровую; к сожалению, мне приходится почти целыми днями лежать, воспаление вен еще не прошло, хотя сейчас я могу уже сделать несколько шагов. Боюсь, что в моем немолодом возрасте это продлится еще долго. Буду ли я снова бегать как заяц? Весьма сомнительно. Врачи везде однозначны. Врач говорит мне: «Были бы уместны морские купания». А на всей Ривьере нет ни одной купальни.

В Ницце и в Канных было маленько землетрясение, дальше в горах в двух городках разрушено несколько домов, — к счастью, в Ментоне мы ничего не ощущали. На солнце +15°. Апельсины и лимоны начинают поспевать. А мы с моей бедной сестрой должны сидеть в комнате! Дай Бог, чтобы на Рождество мы обе здоровыми вернулись в нашу комнату, чтобы опасность миновала. Большое спаси-

* Немецкая и американская фортепианные фирмы.

бо за то, что Вы хотите прислать нам книги. Когда мы обе, даст Бог, вернемся в Maison Russe, я буду с благодарностью вспоминать об этом.

Мы обе шлем Вам и Вашей супруге самые искренние пожелания встретить в радости и в добром здравии прекрасный рождественский праздник.

Обе преданные Вам и благодарные

Анна Фальц-Фейн и Е. Достоевская.

Я пишу в постели, поэтому такой плохой почерк. Ваш — словно жемчужины, мы восхищаемся им.

12 декабря [1951 г.]

Уважаемый и дорогой господин Чезапа!

Так дальше не пойдет, — это уж слишком много! До сегодняшнего дня мы были в Русском Доме, где у нас, разумеется, были разные денежные затруднения, — хотя французская префектура оплачивает нам квартиру и питание.

Как Вам писала, конечно, моя сестра, ее сбил мотоциclist, который проехал по обеим ее ногам. Ей пришлось лежать в постели, и по дому все делала я.

Потом наступил день, когда моя рана вынудила меня лечь в больницу, и, конечно же, это была лучшая возможность и для моей сестры полечить паконец свои болевые ноги.

Теперь, слава Богу, у нас есть комната в больнице, еда и врачи.

Деньги, которые мне посыпает милый, добрый господин Клаус Пипер сам или через Вас, я принимаю с глубочайшей благодарностью, — поскольку их посыпают от имени господина Рейнхарда¹⁴, нашего лучшего друга.

Нам действительно вполне хватает, включая Ваши неожиданные щедрые дары и те, что от господина Клауса Пипера, — чтобы справиться с нашими расходами.

Итак, дорогой господин Чезапа, дайте мне Вашу руку и не обкрадывайте себя или свою семью.

Преданная Вам

Екатерина Достоевская.

Многоуважаемый дорогой друг, разрешите мне Вас так называть. Со вчерашнего дня мы обе в больнице. К нам

очень хорошо относятся, у нас отдельная палата на двоих, в палате очень тепло, солнце светит целый день, перед глазами -- голубое море. Мы думали, что пробудем здесь десять дней, но, к сожалению, кажется, придется дольше: хотя они не говорят, но, кажется, хирург недоволен состоянием раны и нужно будет подождать с зашиванием. К сожалению, Рождество, вероятно, нам придется провести в больнице. Сегодня сделали радиографические снимки моей ноги, хирург велел мне лежать, а моей сестре меня обслуживать! *Les rôles renversés!** Я боюсь за свою бедную сестру, боюсь еще, что никогда не буду так бегать, как до несчастного случая.

Сердечный привет шлет Вам очень старая и очень благодарная подруга

Анна Фальц-Фейн.

Пожалуйста, не посыпайте больше денег, иначе Вам скоро нечего будет есть, а мы не хотим, чтобы Вы и Ваша жена голодали.

---

* Поменялись ролями! (*фр.*).

14 декабря [1951 г.]

Многоуважаемый дорогой друг, господин Чезана.

Далее так не пойдет, иначе мы поссоримся, а это отнюдь не в моем характере, и нам действительно будет очень жаль, ибо из Вашего любезного письма яствует, что у нас, кажется, появится возможность получить огромное удовольствие познакомиться с Вами лично. Это будет для нас огромная радость⁴⁵. Я уже писала, что от взрыва бомбы я почти оглохла, статист в жизни. Но моей общительной сестре недостает возможности общения с умными, интересными, образованными людьми. С сожалением я должна сказать, что для наших соотечественников в Maison Russe меню, которое появляется утром на черной доске, ссоры, маленькие скандалы, большой интерес к тому, что происходит у соседа в комнате, играют главную роль. И при этом они завистливы. Поэтому мы ведем монашескую жизнь и запираемся в своей комнате. А моя сестра такую жизнь переносит с большим трудом. Редко появляются, как солнечные лучи, милые друзья. В первую очередь, наши дорогие друзья — известный богослов проф. Карташев⁴⁶ и его очаровательная супруга. Он преподает в Богословском университете в Париже. Энциклопедия. Большой, разносторонний ученый, при этом сама скромность. Он и его жена, которые неустанно трудятся для новых эмигрантов (для нас, нас тоже причисляют к новым эмигрантам), обладают золотыми сердцами, они всем хотели бы помочь, но только они бедны. Вы, вероятно, читали о забастовке профессоров и учителей во Франции. Это существование

впроголодь. Проф. Карташев — большой знаток искусства, особенно церковной архитектуры. Его последняя работа — это пять томов «Истории православной церкви». Прошлой зимой восемь месяцев он работал в Риме, в библиотеке Ватикана, чтобы завершить свой труд. Вы писали, что рождественские празднества незабываемы. Только благодаря им мы попали в Ментону, где в М.Р. у нас бесплатные комнаты, обед и ужин. В противном случае я не знаю, что бы мы делали без денег. Огромное состояние Фальц-Фейнов находилось в стране, у нас никогда не было денег в иностранных банках⁴⁷, и, мне кажется, я Вам писала, что все мои бриллианты и жемчуг забрали большевики из сейфа Государственного банка в Петербурге.

Карташевы каждое лето приезжают на полтора месяца в Ментону. Это для нас большой праздник. Дважды нас посетил наш дорогой юный друг Петер Зутермайстер, писатель. Несколько дней назад он прислал моей сестре в подарок свой последний роман «Затопивший город»*. Его брат Генрих, композитор, тоже приезжал к нам со своей милой женой.⁴⁸

Я завидую Вам, что Вы так много путешествуете. Мой муж был прилежным сельским тружеником, но за четыре зимних месяца мы объезжали всю Европу. Это время я любила больше всего.

Думаю, я писала, что в Ницце и Каапах было легкое землетрясение, намного сильнее в горах, где в двух маленьких городках разрушено много домов. Мы читали, что знаменитый адмирал Бэрд описал результаты своих экспедиций к Южному полюсу. Он пишет, что по неизвестной причине пекло быстро поднимается из сердца Земли к ее поверхности, отсюда не только активность всех

* «Die versunkene Stadt» (нем.).

вулканов и землетрясения, по и то, что под действием тепла тает лед на Южном полюсе. Пространства, которые были покрыты вечным льдом, теперь открыты для навигации.

Такие же наблюдения делают советские ученые на Северном полюсе. Они заявляют новому богу и реформатору природы и географии, что слой льда в Ледовитом океане вовсе не толстый и его можно было бы взорвать атомной бомбой, дать свободный проход течению Гольфстрим и освободить ото льда море, тогда навигация была бы возможна, как и возле Мурманска, круглый год. Утопия? Не знаю. Кажется, техника не имеет границ. В Америке число желающих отправиться в первый полет на Луну оказалось так велико, что запись прекратили. Однако приведу один факт. Не Вавилонская башня, нет, скорее, сады Семирамиды будут созданы по желанию нового бога, который в своем великом безумии хочет соперничать с Богом, — в Сибири. Возможно, Вы читали, что обе реки — Обь и Енисей, вместо того чтобы течь на север, будут течь на юг. Сначала вода образует Великое Сибирское море, в два раза превосходящее по величине Каспийское море. Город Тобольск превратится во второй сказочный город после Китея, он окажется на дне моря. 80 тысяч жителей будут переселены, все в городе будет разобрано. Из Сибирского моря два канала длиной в 1100 километров понесут воду в Азовское и далее в Каспийское моря и по дороге напоят водой все пустыни и создадут миллионы квадратных километров плодородной земли. Работы уже идут и должны быть закончены через 15 лет. О недостатке рабочей силы, конечно же, нет речи. В СССР и его сателлитах достаточно «шпионов, врагов народа, контрреволюционеров» и т. д. Недавно я как раз прочла, что 500 тысяч «националистов», литовцев, сосланы в Сибирь. Очень легко решаются

проблемы в СССР. И до сих пор Запад удивляется, как это СССР может совершать такие циклопические работы. Один наш друг, который находится в Калифорнии, прислал номер «Кольерс» от 27 октября 1951 г. с интересной, просто фантастической историей. «Кольерс» поручил 34 самым известным специалистам во всех областях, даже в спорте, описать третью мировую войну и то, как мир будет выглядеть в 1960 году. Эти специалисты работали 10 месяцев. Война должна продлиться с 1952 по 1955 г. Они думали, что испугают или устыдят Сталина последствиями катаклизма. Они не могли доставить Сталину большего удовольствия. На обложке выполненная в цвете большая карта СССР и сателлитов. На карте огромная голова американского солдата с оружием в руке. На головном уборе: «OCCUPATION FORCES»*. Над Москвой и Кремлем флаг ООН с надписью: «OCCUPATION HEADQUARTER»**. Тот же флаг ООН над сателлитами.

Сталин приказал тотчас же отпечатать эту карту в миллионах экземпляров и разослать в самые отдаленные районы со словами, что, дескать, нет больше никаких сомнений в том, что замышляет Америка и силы Запада и что «ожидает наш счастливый народ».

18 декабря. В пятницу, 21-го, они хотят моей бедной сестре, как они выражаются, «finir l'opération»***. Я опять страшно волнуюсь: то, что ей снова придется вытерпеть, une vraie torture****. Опять наркоз. Опять операция при ее ослабленном организме. И никогда нельзя сказать заранее, не будет ли осложнений. У нас только одно жела-

* «Оккупационные войска» (англ.).

** «Штаб-квартира оккупационных войск» (англ.).

*** «завершить операцию» (фр.).

**** настоящая пытка (фр.).

ние, чтобы, по крайней мере, наше православное Рождество (7 января) мы обе смогли спокойно отметить в своей комнате, работоспособные, не пессимисты и инвалиды.

Прекрасный рождественский праздник уже на пороге, и мы обе, от всей души, желаем Вам и всем Вашим близким благословленного, приятного, радостного, спокойного праздника — в добром здравии.

У себя мы ходили в церковь к вечерней мессе 24-го, и, когда возвращались домой, стол был уже накрыт. Под скатертью сено или солома в память о рождении Христа. От царского дома до последнего крестьянского, конечно по возможности, одни и те же блюда: борщ — суп с грибами, капустой, картофелем и овощами. И к нему три сорта пирогов: с рисом — белый король, с фасолью — желтый король и со сливами — черный король. Затем следовали винегрет — селедка с разными салатами, рыба, два сорта куты, белая из риса с изюмом и великолепная черная. Пшеничные зернышки размачивались в воде, их колотили до тех пор, пока на них не оставалось ни одной пленки, когда их сполоскивали, это было большое искусство, были специалисты, так как каждое зернышко должно было остаться целым, их очень долго варили и, когда они остывали, к ним добавляли столько же грецких орехов, пропущенных через мельницу, сахар и мед растворяли в воде. Это было у всех самое любимое блюдо. И, паконец, взвар — сушёные фрукты с апельсиновыми корками, т. е. канелла (вроде компота). Это был постыдный день, и никто с утра и до появления первой звезды не ел. Перед всеми иконами зажигали лампады. Пекли черные медовые пряники с перцем и белые с мята. По всей квартире распространялся чудесный запах елки, сверкающие красивой.

Прошу Вас, прошу Вас, дорогой господин Чезана, не посыпать нам больше денег! А если Вы хотите доставить

нам удовольствие, пришлите Ваше фото, пусть совсем маленькое, любительское. Это будет для нас рождественский подарок. Обещаем Вам самый сердечный привет. Ваша благодарная и преданная подруга

*Анна Фальц-Фейн.
Екатерина Достоевская.*

До революции мой муж, двое моих детей, которых нет в живых⁴⁹, и я проводили Рождество за границей. После революции — в Симферополе. Целый год мы откладывали продукты, когда они наконец появились, на Рождество и Пасху, чтобы иметь возможность хоть что-то приготовить.

18 декабря. Только что хирург сказал, что будет оперировать мою сестру послезавтра, в четверг, 20-го. Помоги нам Господь!

- 6 -

2 января 1952 г.

Многоуважаемый дорогой друг, господин Чезана.

Через несколько часов мы будем в своей комнате. Сестра попросила хирурга отослать нас туда, он согласился неохотно, хотел подержать нас еще в больнице, но в воскресенье у нас катунь Рождества, и она хотела обязательно быть там к празднику. С величайшей благодарностью мы будем вспоминать о больнице. Здесь мы были почти «дома» и много, много счастливее, чем в Maison Russe, который нам приходится волей-неволей терпеть.

Трудно поверить, что та опасность, которая нам угрожала с 29 сентября, и душевная мука — благодарение Господу — счастливо миновали. Надо надеяться, теперь мы снова сможем вести нормальную жизнь. Уже три дня, как моя сестра понемногу ходит по саду, как это и рекомендовал ей хирург. В половине восьмого мы видели редкую картину — Корсику и Сардинию. Погода стала несколько прохладнее, но великолепна. Моя пога гораздо лучше, но еще не совсем хорошо. Так недолго затянулись последствия травмы!

От всей души шлем Вам привет и добрые пожелания.

Весьма благодарные и преданные Вам

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

21 января [1952 г.]

Многоуважаемый, дорогой господин Чезана.

Снова, в миллионы раз, мне приходится сокрушаться о том, что я потеряла Гавриловку⁵⁰, а то бы я послала Вам несколько ящиков рислинга, совильона, муската и каберне, с тем чтобы Вы лучше справлялись с колонками цифр. Вы видите их, — теперь, к сожалению, мы оба их видим, — ниже. Винный погреб Вашего тестя тоже не возражал бы. Со ста гектаров виноградников у нас получалось более чем достаточно вина. Кроме винных сортов винограда были и другие: пежий Педро Хименес, Шасла, розовый и белый Мускат, Чауш с очень крупными ягодами и мой любимый сорт — ароматная Изабелла, — во Франции, не знаю почему, он называется «Framboise»*? А если бы Вы приехали к нам, Вы бы, как говорят у нас, «пальчики облизали», попробовав сладкие, как мед, сочные абрикосы и персики, груши и яблоки, за которые мы получили золотую медаль, замечательные французские желтые и голубые сливы, крупнее яйца, красавицы вишни, совсем черные «сoeur de boeuf» — «бычье сердце», розовые и желтые — «Наполеон» и т. д. Все французские сорта, французские названия (кроме тирольских яблок). Очень хотела бы я узнать, где все эти фрукты можно найти во Франции. Я уже не говорю о Ривьере, где нужно иметь здоровые зубы, чтобы смочь съесть в обществе грушу или яблоко, и где тебе с любезной улыбкой и с выражением говорят: о! нет! спасибо! Но в Виль-Люмьер редко видят

* Малина (фр.).

действительно хорошие фрукты. (Из последней фразы, к сожалению, *Vous pouvez déduire des choses extrêmement désagréables pour moi**).

Чересчур смешно представлять себе людей, которых никогда не видел. Для меня Вы были полным, пожилым итальянцем примерно 65–68 лет от роду, с двойным подбородком, серьезное, строгое выражение лица, которое редко освещает улыбка, размеренные движения и шаги, в целом в высшей степени почтенный пожилой господин, холостой. Потом из письма возникло нечто совершенно противоположное — совсем молодой, веселый господин, которому мы дали 28–30 лет, и велико же было наше удивление, когда мы узнали, что Вы уже дважды женаты и у Вас четверо детей. Вы оба нам очень правитесь, и мы были бы очень рады встрече с вами. Только, исходя из горького опыта, я все не разделяю Вашей потребности витать в облаках. Если бы я была Вашей женой, то я бы Вам это запретила, а если бы Вы своевправно на этом настаивали, я развелась бы с Вами, ибо у меня не было бы никакого желания оставаться молодой вдовой.

Я прожила тяжелую жизнь и, может быть, невольно оказалась виновной в смерти своего единственного любимого сына. Мой золотой мальчик, который умел быть таким пежным, учился в Кадетском корпусе. Мы находились в Париже. Когда летом у него были каникулы, он приехал к нам. Как раз братья Wright — Райт находились в Исселе-Мулино и в первый раз должны были лететь⁵⁷. К сожалению, мы поехали туда, — возможно, в этом наша трагедия. Моему сыну было 14 лет. Впечатление было ошеломляющим. Он стал как одержимый. Он сказал мне, что будет только летчиком. Он попросил меня прислать

---

* Вы можете сделать выводы, крайне неприятные для меня (*фр.*).

ему Летнюю газету, и я была довольна, что исполнил его просьбу, чтобы он не забывал французский язык. Снова неосторожность, допущенная мной. Когда он вернулся в Россию, то начал в Кадетском корпусе конструировать планер. Силой тяги были кадеты, которые тянули *planer* — планер за длившую веревку, по поскольку — я не знала, как это называется, по-русски это руль высоты, — был здесь, то он мог взлететь так высоко, насколько позволяла длина веревки, т. е. выше крыши здания. Однажды явился куратор всего Кадетского корпуса, Великий Князь Константин. Директор был горд, что среди мальчиков есть конструктор, и повелел моему сыну продемонстрировать планер. Вместо похвалы Великий Князь выразил недовольство, сказал, что несет ответственность за его жизнь перед матерью, и запретил дальнейшие эксперименты⁵². Когда мой сын был в Политехническом училище в Петербурге⁵³, уже на последнем семестре, он провел несколько месяцев в Аскании и построил *настоящий* самолет, за который получил от правительства премию⁵⁴. Потом в 1914 году началась война. Я была у своей матери в Петербурге, он — в Аскании. Вдруг я получаю письмо, в котором он просит прощения за то, что без моего разрешения записался добровольцем в летнюю школу под Севастополем⁵⁵. Так как он уже знал всю технику, то через два месяца он окончил школу. Его хотели оставить в школе инструктором, но он стремился быть обязателью «кавалером ордена св. Георгия», самое высокое военное отличие в России.

Тогда в России не было самолетов⁵⁶. На фронте он получил старую машину из летной школы во Владивостоке, которую уже много раз ремонтировали и которая могла подняться только на 800 метров. Летать лишь на высоте 800 метров. Не верится? А он на этой машине делал чудеса и в числе четырех солдат получил крест св. Георгия.

Я тогда была сестрой милосердия в поезде Красного Креста в Галиции. Во Львове я пошла к Великому Князю Александру Михайловичу, — он был куратором всех летчиков, — чтобы попросить его дать другой самолет моему сыну³⁷. Он был очень предупредителен, сказал, что скоро получит voisins* и даст его моему сыну, которого он высоко ценит. Он показал мне одну бумагу. Вверху стояла дата полета, слева фамилии летчиков того подразделения, где служил мой сын. Выяснилось, что он почти ежедневно делал рекогносцировку. Он рассказал мне, что летчики очень суеверны. То у кого-то был плохой соц, то плохие предчувствия, то плохое самочувствие, по мой сын, по его словам, был «энтузиастом» (так он выразился) своей профессии и летал вместо товарищей. Великий Князь сдержал обещание, и мой сын — Александр — Шура получил voisins. Он был занят сборкой самолета. И тут его командир говорит, что он должен делать рекогносцировку. Мой сын отвечает, что новый аппарат еще не готов, а старый не в порядке. Но приказ есть приказ, и он полетел со штурманом. Они были как раз над небольшой горой Коцурка высотой в 600 метров. Аппарат мог лететь только на высоте 800 метров. Его обстреляли, одна пуля попала в бензотрубу. Ему удалось упасть на дерево. У штурмана было что-то с ногой, а у моего сына кровотечение. Три дня и три ночи они ползли по лесу, паконец добрались до избы крестьянина, которого они хорошо знали. Он принял их как родных детей, уложил в постель, дал молока и послал своего сына сказать, что у него два русских летчика. Они не знали, что эта местность снова была занята австрийцами. И в этом трагедия. Год он был в плену. Выяснилось, что в результате падения у него была рана

---

* Вуазен — название самолета, данное по имени французского летчика.

легкого и слепой кишкы. Когда мне его, умирающего, обменивали и прислали в Петербург, все врачи сказали, что будь у него чистая компата, ничего бы от рака не осталось: он был очень здоровый, цветущий, очень красивый колосс. Его организм был очень сильным. Но — и это было официально зарегистрировано — его специально поместили в палату, где лежали больные с тяжелым туберкулезом. Сначала у него заразилось легкое, а затем через лимфатическую систему — слепая кишкa⁵⁸. Его оперировал известный хирург и послал нас на Кавказ⁵⁹. Он был так силен, что легкое поправилось. Но со слепой кишкой было все хуже и хуже. 15 ноября 1916 года мы вернулись в Петербург⁶⁰, 19-го его второй раз оперировали, и 22 ноября он умер в возрасте 22 лет⁶¹. И я была счастлива, что его муки закончились, что кончились его страшные страдания, когда не могли помочь никакие обезболивающие средства. Мой деверь хотел поместить гроб в Аскании, в семейный склеп под их лютеранской церковью⁶², но я непонимаю склепы, и он был похоронен возле церкви, с образом святого Александра Невского в качестве креста на могиле. Церковь при большевиках превратили в клуб и кинотеатр, и, конечно, могилу сровняли с землей⁶³. Но, по крайней мере, его кости остались в земле, а не так, как все Фальц-Фейны начиная с 1753 года были выброшены из склепов и гробов⁶⁴. Теперь Вы понимаете, что сейчас ни один самолет я не могу видеть без волнения. Да, это счастье, как Вы пишете, не знать заранее, что замышляет судьба, и я восхищаюсь Вашей твердой волей и оптимизмом, которые позволяют Вам, как Вы пишете, с радостью встречать каждый грядущий день. Должно быть, у Вас очень счастливый характер. А у меня страх перед каждым следующим днем. Из года в год удары судьбы. Один священник писал мне, что Господь Бог хочет убедиться в том, что мы обе

не будем роптать. Может быть, у нас на душе сотня грехов, но только не этот.

До сих пор еще стоит на столике маленькая сосенка, — елка здесь нет, — также, как Вы писали, а ля Пикассо, только никто ее не подвергал критике. Мы получили два письма от 6 и 15 января с цепным содержимым и сердечно благодарим Вас за Вашу заботу, письмо и особенно за фото. Было бы очень хорошо, если бы в следующий раз Вы перечислили все, что посыпаете, чтобы мы точно знали, все ли получили. Моя сестра уже дважды писала господину Клаусу Пиперу, что тяжелые времена, надо надеяться, и большие расходы, слава Богу, позади, и ему не следует посыпать ей больше денег, так как у него самой большая семья и времена во всех отношениях нелегкие. У нас стало немножко холоднее, вчера была гроза и вершины гор утром были совсем белые. Но в доме просто не выдержать, на нас 7!! одежек, отопление испортилось, и никто не знает, когда его починят. Руки-ноги ледяные, а мы обе чувствуем себя еще далеко от оценки «хорошо», много хуже, чем до нашего несчастья. Многие в Доме заболели гриппом, и отсюда наш страх, так как у обоих организм очень ослаблен. Опять такое длинное письмо! Скорее кончать. Мы обе шлем вам обоим сердечные приветы и остаемся вашими преданными очень старыми подругами

Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская.

10 февраля [1952 г.]

Многоуважаемый, дорогой господин Чезана.

Вы паверияка думаете, что мы умерли или переселились в Австралию. К сожалению, мы по-прежнему сидим в этом вечно-чужом для нас Доме. Причина моего молчания? У меня 22 «твёрдых корреспондента» и в целом 46! Только что я получила три письма с упреками, что больше месяца молчу; да, к сожалению, я не умею писать коротко и поэтому сижу в письменных долгах по уши. Так что Вы меня извините в случае, если вдруг задержусь с ответом.

Ваше письмо № 3 от 24/I с вложением дошло хорошо. Уже два или три раза сестра* писала господину Клаусу Пиперу, чтобы он не посыпал больше денег, ибо большие расходы, к счастью, позади. Пожалуйста, напишите ему об этом и со своей стороны и что Вы о нас знаете, что мы от всей души благодарим его за добровольную помошь в нашей нужде, но не хотим более использовать его доброту. И вторая просьба — обозначьте, пожалуйста, ту сумму, которую сестра получила от него.

У Вас, паверное, весна за горами. На Ривьере — за дверью. Миндалевые деревья в своем розовом одеянии смотрятся чудесно. Герань, ирис, рапсие розы в полном цвету. Несмотря на черный горизонт, бессмертная, прекрасная весна обрадует юные сердца, и какая-нибудь парочка,

* Вы видите в слове «Schwester» [сестра] букву «n». Мои мысли всегда забегают вперед и буква «n» от «Herrn» Klaus Piper [господин Клаус Пипер] слишком рано выскоцила, мысли бегут быстрее, чем рука. — Примеч. А. Н. Фальц-Фейн на полях письма.

держась за руки, с восторгом будет слушать пение словья при лунном свете и в любовном томлении думать: этот мир — мой. Никакая атомная эпоха не может уничтожить, по крайней мере, такие чувства, хотя бы даже жестокая действительность перевернула все в этом мире.

Судя по сообщениям газет, почивший король* был в высшей степени симпатичен: робкая, пежная, доброжелательная душа. Мы читали, что перед его завидным вечным спом последнее чтение его было о мире птиц, книга лежала открытой на его почном столике. Английская журналистка мисс Бетти Шоу, прожившая 7 лет в королевском доме, пишет, что новая королева** — точная копия своего отца, ее друга, советчика, которого она пежно любила. Я ей не завидую. Во Франции *l'homme de la rue**** в мягких топах говорит о ней: *la pauvre petite*****. Когда царь Александр III умер, Марии Федоровне, его жене, против воли пришлось передать свое положение племяннице Александре Федоровне. Я думаю, хотя новая королева и дочь старой, та в глубине души, поскольку у нее властная натура и она еще довольно молода, должна чувствовать то же самое. Слишком неожиданно изменилась ее судьба.

Теперь я не удивляюсь, что Вы любите витать в облаках. Как Вы пишете, когда Вам было всего несколько часов от роду, Вам доставляло удовольствие пытаться летать, но без самолета, из окна. *Une vocation*.*****

Вторую Вашу страсть — верховую езду, лошадей — я полностью разделяю. В Гавриловке я ездила верхом почти ежедневно, с гончими, — замечательная русская поро-

---

* Король Великобритании Георг VI.

** Елизавета II.

*** человек с улицы (*фр.*).

**** бедняжка (*фр.*).

***** Призвание (*фр.*).

да, белоснежная, с узкой длинной мордой, — охотясь на лис и зайцев. Моя Лиза была beauty*, она следовала за мной на террасу по лестнице и также по степи, когда я рвала цветы, точно так же и мой Накат, большая редкость, белоснежный орловский рысак, которого запрягали в тильбюри**, — я любила сама править лошадьми и неохотно ездила в карете. Когда я приходила в конюшню, со всех сторон слышалось ржание.

Я была бы очень рада, если бы Вы захотели прислать мне фото Вашего любимца Дариуса вместе с Вами. У моего зятя, мужа моей сестры, были скаковые лошади, и сестра была, да и остается, большим знатоком лошадей⁶⁵.

Здоровье у нас — соусі-соуса***, как и подобает нашему возрасту. В остальном ничего нового. Печь милостива и дает нам тепло без забастовок. Вершины гор утратили свое белое одеяние, но почки стоят холодные, сегодня в 8 часов было только +5°.

Я хочу только еще сказать о царице Александре, о том, что никто, ни аристократия, ни народ, ее не любил. Холодная, высокомерная, гордая, неприветливая, она всегда молчала, казалось, она презирала русских, говорила только по-английски, она была и до конца осталась иностранкой. Полная противоположность — царица Екатерина Великая, ставшая подлинно русской.

Уже 11 часов. Спокойной почки. Передайте, пожалуйста, привет Вашей супруге и примите от нас обеих дружеские пожелания и крепкое рукопожатие.

Преданная Вам

Анна Фальц-Фейн.

---

* красавица (*англ.*).

** легкий открытый двухколесный экипаж.

*** так себе, с грехом пополам (*фр.*).

11/II. Дорогой друг. Дальше так не пойдет. Только что мы получили Ваше новое послание от 7/II. В следующий раз содержимое будет отослано Вам обратно, и Ваша бухгалтерия даст трещину. Так что посочувствуйте самому себе. Пожалуйста, как я уже просила, напишите об этом г-ну К. Пиперу. Я очень обрадовалась, что письмо было отпечатано на машинке. Ваш бисерный почерк выглядит чудесно, но не для почти 82-летних глаз. Мы рады, что у Вас есть возможность отдыхать, как душе угодно.

Чего в Вас только нет! Авиатор, паводник, историк, мастерский лыжник, книготорговец, бухгалтер, шутник и добродушный жизнерадостный человек. В общем, для нас симпатичное явление. От души желаем Вам весело провести время в хорошую погоду и стать на 20 лет моложе.

Ваша А. Ф.-Ф.

25 марта [1952 г.]

Добрый, дорогой друг.

Что Вы обо мне думаете? Я умерла? Выехала на жительство в Orange République*? Забыла все правила хорошего тона? Все же следовало бы поблагодарить за послание и заверить Вас в том, что мы получили разноцветное конфетти, такое веселое. Но, но... администрация, как выражается одна дама, делает с нами хаакири. Я назову это иначе: la joie de vivre**... В четырех чужих стенах два несчастных, потеряных в дремучем лесу существа. Только вместо сосен — горы всего того, что относится к потребностям дам. Целый день слышишь: «где моя шляпа?», «а моя щетка?», «ты не видела моих сапог?», «где мои очки? а часы?» В таком духе проходят веселые дни двух вышиванных rauvres nous***. Я ведь писала, что ко всеобщему несчастью IRO**** дала миллионы, чтобы отремонтировать весь дом. Сейчас Великий пост и нехорошо посыпать IRO к кому-либо, чье имя не следует упоминать, по скажем: к лешему...

Складывать, упаковывать, переносить вещи — и потом снова носить их обратно в свою сырую комнату, пахнущую краской, от которой у всех болит голова! Ремонт начиняется на всех трех этажах сразу. Все двери, окна открыты. В высшей степени благотворные для почти

* Оранжевую республику (*фр.*).

** радости жизни (*фр.*).

*** нас бедных (*фр.*).

**** IRO, International Refugee Organization — Международная организация ООН по делам беженцев.

столетних ласковые вихри окружают нас. Я говорю Вам — la joie de vivre...

Я всем предлагаю превратиться в привидения. Когда все комнаты будут блестеть чистотой, наступит очередь коридоров, по которым все ходят сто раз на дню. Возможно, у Вас нет опыта в малярном деле. Я Вас буду учить. Сначала стены защищают. Таким образом, нет необходимости покупать пудру. Затем их начидают покрывать краской. Так как давно не было дождя, маленько напоминание о нем. Голова не идет кругом от забот. В жизни без многоного приходилось обходиться, ведь кипяток можно выпросить из кухни. Но платья, пальто, шляпа! Жаль также зонтика. Так что совершенно серьезно я вижу спасение только в том, чтобы с головы до ног закутаться в простыни. Une maison hantée.* Не хватает только горящих углей перед лицом или зажженной спички. У меня в этом большой опыт, экспериментировала в институте. Имела большой успех. Никаких аплодисментов. Но крик, шум, давка — и головомойка, и зубрить стихи... В пятницу переезд на прежнее место. В общем и целом, 82-летние мышцы протестуют. Красивые розовые пятнышки — это своего рода конфетти как реванш за то, которое прислали Вы. Сестра опрокинула стакан с водой на 1/1 000 000 000 того «пятнышка» на краешке стола, которое мне было оставлено, чтобы я могла писать. А Вы настолько любезны, что говорите, будто я пишу «интересные» письма!!! Из этой дыры? где мозг застывает? Я желаю всем художникам, артистам, чтобы они стали газетными критиками.

Мы от души радуемся тому, что вы хорошо отдохнули у друзей. Тому, что солице, по новой моде, превратило Вас из европейца отчасти в африканца. В мое время счита-

---

* Дом с привидениями (фр.).

лось красивым быть бледным, как лилия. Мы никогда не забывали дома шляпу, перчатки, зонтик от солнца. А Адамы и Евы на морском пляже тотчас же знакомились с тюремной камерой. Я с симпатией отношусь к тому, что согревающую жидкость добавляют в чай или кофе, когда злая северная колдунья превращает бедных людей в сосульки. Однажды я приехала с дочерью и пятью родственниками на остров Уайт. Была весна, но мы ничего похожего не заметили. Ноги, руки не хотели нам служить. Дальше так не могло продолжаться. В итоге мы остановились перед рюмочной. И, я думаю, виски имело преимущество перед горячей водой. Кровь начала циркулировать, и из мумий мы превратились снова — тогда, не сейчас — в жизнерадостных людей. Слово «мумия» напомнило мне печто интересное, о чем я недавно прочла. Мы обе страстно интересуемся археологией. В Гавриловке была цепь курганов (скифские захоронения), которые служили также наблюдательными пунктами. Мой муж распорядился произвести раскопки, но эти курганы уже были опустошены прежними поколениями. Так что ничего особенного не было найдено: монеты, оружие и т. д. Читали мы о совершенню ином. В Египте в 1922 году знаменитый английский археолог лорд Картер со своими помощниками обнаружил гробницу фараона Тутанхамона возле гробницы Рамсеса IV, под Луксором. 16 ступенек вели вниз. Стоило больших усилий открыть тяжелую, массивную бронзовую дверь, на которой было изображение шакала и 9 рабов. Внизу, в центре большого зала, стоял позолоченный саркофаг. Вокруг стояли большие опиксовые вазы, вазы из алебастра, из лазурита. Над изголовьем — золотая ваза с цветами лотоса и жасмина, которые от свежего воздуха тотчас же превратились в пыль. Аромат благовоний был так силен, что многие плохо себя почувствовали. Пол был

покрыт мелкотолченой бирюзой. Вдоль стен стояли позолоченные кресла: ножки — из лазурита, подлокотники — золотые львы. В золотых сосудах была пища. В ногах лежало вышитое полотенце с надписью: «Фараон Тутанхамон — любимец Солнца» — и сидели шакал и кошка из черного мрамора, с глазами из смарагда. В саркофаге находился гроб, из чистого золота. В нем лежал красивый, как на картинке, юноша с необыкновенно длинными ресницами. Второе вышитое полотенце — со священной рукой и птицей, которую страшная змея, стоявшая, как свеча, на своем хвосте, готова была вот-вот сожрать. И новая надпись: «В день, когда могила любимца и сына Солнца будет осквернена, змея сожрет птицу, и сыны земли утратят все и найдут отвратительную смерть». Заклинание тотчас же стало действовать. Через два дня умер тот, кто первым вошел в зал. Через 6 месяцев умер от укуса мухи лорд Картер. Двух рабочих сожрали крокодилы. Семеро погибли во время пожара в бараке. Через год не осталось в живых ни одного человека из тех, кто принимал участие в раскопках. Тогда английские ученые писали, что влияние на нас потусторонних сил не вызывает сомнений. И не писала ли я, что в музее в Лондоне администрация распорядилась отнести мумию дочери фараона в подвал, а она, должно быть, была сказочно красива, но зла, как ведьма, — и несчастье случалось с посетителями, которые долго на нее смотрели. После того как два господина сломали себе ноги на паркете возле саркофага, ее велели унести. У меня большое желание посоветовать молодой королеве, если она хочет быть Елизаветой II и поднять Англию на должную высоту, поскорее отослать мстительную мумию обратно в Египет. Возможно, все английские потери и трудности — результат ее мести за то, что нарушили ее покой, что она потеряла свое отчество.

19 марта⁶⁶ сестре исполнилось 77 лет. Она получила не только приятные поздравления, но и телеграмму из Санкт-Галлена, из Швейцарии, от одной милой дамы, которая, как и Вы, никогда нас не видела. Телеграмма. Нечто столь редкое в М. Р., что все просто заболели от любопытства. Мы были эгоистичны. Вместо того чтобы кого-то пригласить, мы сами пригласили себя в кондитерскую, я выпила шоколад, а сестра кофе. Я съела пирожное, а она, бедняжечка, только печенье. Ее желудок, к сожалению, довольно часто бастует. Хирург в этом не виноват. Так было с самого детства. 9 марта — по старому стилю — считается, что жаворонки возвращаются обратно в Россию, и с древнейших времен в этот день богатые и бедные пекут жаворонков, глазки — изюминки, милые, нежные крыльышки и хвостики. Каждый стремится быть скульптором. В последний раз жаворонков мы пекли в Симферополе. С тех пор как мы во Франции, милые внук и внучка, посланные нам Богом, мы каждый год в марте получаем целую коробку жаворонков. В Доме тоже каждый получил по жаворонку. Русский повар великолепен, милый, славный человек с терпеливым, ангельским характером. Накормить 80 человек и всем угодить — пелегкое дело. Изредка у нас в Доме бывают концерты. Тогда он появляется в коричневом костюме и, как гость, преподносит певице или пианистке букет цветов. Идет четвертая неделя Великого поста, Крестопоклоенная неделя. В субботу священник выносит крест из алтаря, поверх — венок из цветов. В церквях, где службу проводит архиепископ, — зрелище просто удивительное. Он всходит на небольшой подиум и начинает поднимать вверх крест, и хор повторяет 24 раза, спачала совсем тихо и постепенно повышая звук до фортиссимо, когда крест уже паверху: «Господи, помилуй нас», и затем до пианиссимо, пока архиепископ с крестом па-

клоняется долу. Так повторяется четырежды с поворотами на все четыре стороны света. 12-часовая служба перед Пасхой — это самая значительная служба в году. Пасха у нас 7 апреля по старому стилю — 20-го по новому. Вам следовало бы непременно пойти в нашу православную церковь в Базеле, у вас есть, паверное, православная церковь. В Женеве она удивительно красива⁶⁷, то есть церковное пение и служба священника. Всеподиная начинается в 11 часов вечера. Образ Христов, который в страшную пятницу в 2 часа вносят в церковь и ставят посередине, теперь уносят в алтарь. В 11.45 свечи гасят, священник с крестом и Евангелием в руках выходит из храма, хор и прихожане, держа иконы и хоругви, все верующие с горящими свечами в руках следуют за ним. Процессия трижды обходит вокруг церкви. В 12 часов священник стоит перед закрытыми дверями церкви, читает о воскресении Христа, все колокола начинают радостно звонить, священник трижды стучит в двери, которые широко отворяются, хор поет радостными голосами «Христос воскресе», процессия вступает в ярко освещенную церковь. Совсем коротенькая служба, во время которой хор без конца повторяет «Христос воскресе». Небольшой перерыв. Большинство идет домой, потому что затем начинается литургия, которая продолжается до трех часов ночи. И сейчас дамы стараются надеть красивые туалеты. Раньше мы ходили в церковь в белых костюмах и шляпах с цветами. Многие в бриллиантах. Все военные в парадной форме со всеми орденами. В Америке, как нам пишут, тысячи американцев протискиваются сквозь толпу в наши церкви на пасхальную почтную службу. Сам Папа сказал, что церковное пение в православных церквях красивейшее в мире. Читая Ваше письмо, я скользжу взглядом по аккуратно исписанному листу почтовой бумаги и мне ужасно стыдно

посылать свое грязное, страшное письмо. Переписать? При всем желании я с моим характером этого не сделаю. И времени нет на то, чтобы писать каллиграфически. Вы сомневаетесь, что я так могу? Весь каталог библиотеки М. Р. написала я, так как у меня *самый красивый* почерк в Доме. Когда Вы приедете к нам, Вы сможете в этом убедиться сами. Наверное, я бесстыжая? Когда мы были еще в больнице, Вы были так добры, что спросили, не хотим ли мы получить какую-нибудь книгу. В случае, если в Вашем магазине найдется совсем маленькая книжечка «Церковное искусство» — Иконы (это 20 цветных репродукций православных и византийских икон). Автор — женщина. Фамилию я забыла. Книжечку мы видели у одной дамы. Издатель: Hallweg? — нечто в этом роде, — это был бы для нас прекрасный пасхальный подарок. Пожалуйста, пожалуйста, извините за это письмо. В следующий раз я постараюсь написать лучше. Много, много сердечных приветов Вам и Вашей милой супруге.

Ваша старая подруга

Анна Фальц-Фейн.

→ 10 ←

12 апреля 1952 г.

Милый, добрый друг.

Ваш замечательный пасхальный подарок только что пришел, и мы обе шлем нашему верному другу самую сердечную благодарность. Мы необычайно рады, что обладаем этой драгоценной книжечкой, репродукции великолепны. Вы сделали нам действительный царский подарок. Ваши цветочки говорят нам, что Вы нас не забыли. Сегодня у нас Вербная суббота, завтра Вербное воскресенье, или, как его еще называют, воскресенье Лазаря. Вместо вербы здесь, как и в Иерусалиме, раздают пальмовые ветви, которые освящает священник. От г-на Клауса Пипера мы получили сообщение о том, что аист принес им сыночка. Вам обоим, язычникам, мы шлем самые сердечные приветы.

Ваша А. Фальц-Фейн.

-♦ 11 ♦-

12 мая [1952 г.]

Многоуважаемый господин Чезана.

У нас говорят: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Мы должны предположить, что Вы нам писали хотя бы потому, что должны были послать деньги? Или Вы обиделись на нас за прелестные открытки Саварена⁶⁸? Я считаю Вас разумным человеком, который может понять шутку. Думаю, что Вы и не больны. Тогда что? Насколько я помню, мое последнее письмо осталось без ответа; мы послали также пасхальное приветствие и получили в ответ пару слов с парисованными цветочками. Потом больше ничего. Очень страшно.

Может быть, Вы прочли в газете о трагедии Ментоны? Три дня проливных дождей — мы были отрезаны от мира. Целые глыбы гор сползали в море, 30 домов были полностью разрушены или исчезли, 5 смертей, 7 или 8 пропавших без вести, 800 оставшихся без крова, размещенных в гостинице, 25 раненых. Больше всего пострадал старый город. Причины — хищническое ведение лесного хозяйства во Франции. Горы обезлесили, нет больше корней, которые держали бы почву. Одни наши немецкий друг как раз писал с душевной болью из французской зоны в Германии, что французы вырубают в Шварцвальде леса.

Нас посетили приятные гости из Канады: американский врач из Монреяля и его очень хорошенькая жена приехали в Европу и заглянули к нам — повидаться. В остальном ничего нового. Погода еще относительно прохладная. Вокруг великолепие цветения роз.

Пожалуйста, передайте привет Вашей супруге.

Ваша Анна Фальц-Фейн.

5 декабря [1952 г.]

Дорогой друг.

Хорошо уже то, что Вы чувствуете себя «пристыженным». Хорошо уже, что Вы в душе чувствуете раскаяние. У нас говорят: спявиши голову, по волосам не плачут. Так что — мир. Но из Энгадиша я не получила ни строчки. Возможно, в этом виноваты были вино и еда в отеле «Конкордия» в Цуоце. Я с Вами согласна, Энгадин — чарующее прекрасное место, и Цуоц я тоже знаю. Но жаль, что Милан был более для Вас притягателен, чем Ментона. Погода Вас не разочаровала. Вы пишете о нашем знакомстве весной. Ламартин Вам отвечает: «On voudrait revenir à la page où l'on aime, Et la page où l'on meurt est déjà sous nos doigts»*. Дни прошлого года пылающими углями вписаны в память. Recopitulons.** 2 окт. Первая операция у сестры. 1 ноября ее с прооперированными кишками отправили обратно в M. Russe. 5 ноября меня сбил мотоциклист. 11 декабря снова, во второй раз, отправились в больницу. 21 декабря вторая операция. 4 января — в M. R. 29 сентября мы еще не подозревали, что нам предстоит. Выходит, что человеческую жизнь — и для молодых тоже — разбить легче, чем яйцо. Чтобы закопичить разговор о нас: я хожу как прежде, никаких болей в ноге, хотя она наполовину осталась черной. Но все это des petites misères de la vieillesse***. Все естественно. Самое

* «Хотелось бы вспомнить страницу, где любят, а страница, где умирают, уже под руками» (*фр.*).

** Воспроизведем (*фр.*).

*** маленькие несуразности старости (*фр.*).

плохое, что летом у меня были и сейчас повторились приступы моей малярии, почти без температуры, но целый день трясет. Лицо подобно лимону. К сожалению, ром, даже ром с чаем, не помогает. Может быть, Вы мне порекомендуете какое-нибудь другое средство? У сестры опять были проблемы с желудком, хотя она соблюдает очень строгую диету. У нас была врач — англичанка, немолодая, опытная. Она подробно расспросила сестру и сказала то, что еще никто не говорил; оказывается, сестра делает грубую ошибку, когда пьет всегда очень горячий чай, кофе и ест горячий суп. Особенно утром. Желудок тем самым раздражается и тотчас наступают нежелательные последствия. Теперь она все пьет и ест чуть теплое (она это не плавит), и ее желудок — только бы не слазить! — уже несколько недель как доволен. Теперь она может позволить себе много больше в еде. Что бы Вы думали? Суп, каши, картофель, чай, кофе, сухари, булочки трехдневной давности. Ни яиц, ни масла, даже о фруктах, овощах не может быть речи. Иногда какао, ежедневно горький шоколад в плитках, — я восхищаюсь ею. Мы едва выкарабкались целыми и невредимыми из летней жары. Три месяца влажного, оранжевого климата. Откуда эта сырость? Ни капли дождя. Днем и ночью в комнате +34°! Мы совсем не могли спать, есть, стали настоящими сильфидами: она 38 кило, я — 43. Все сердечники трудно переносили эту адскую жару. И сестра, конечно, тоже. Приведу среднеметеорологические данные: у нас не было осени на побережье, она наступила до страшности рано, уже в сентябре, холодная, дождливая, ветреная. Горы постоянно носят трауриные одеяния. Месяц тому назад в Альпах выпал снег, и ласточки улетели. Не все. Тысячи и тысячи лежали на земле. Кажется, не у всех сердце из камня. Их собрали и на кораблях отправили в Северную Африку. Теперь солнечный день под голубым небом за

ночь превращается в пасмурный, серый, дождливый. Но я слышу, как мне говорят: будьте уж доволыны, что утром у вас $+7 - 8^{\circ}$, об этом мы уже давно забыли. По непонятным причинам вдруг начали каждый день топить — радостный шум в Доме.

У нас было совершение необычное лето. Так много друзей нас известили, целых три месяца жили в Ментоне наши ближайшие, дражайшие друзья: проф. Карташев со своей неутомимой помощницей, своим ангелом-хранителем, своей доброй, умной, очаровательной женой. Это было для нас огромным счастьем. Потом приехал из Монреяля регенсбургский друг доктор Уитвэй. Он женился на своей помощнице и хотел показать ей Европу. Они пробыли здесь всего три дня. Затем прибыли две милые немецкие девушки, привезли от одного немецкого друга опий и мазь — ферапин, змеиный яд, для сестры. После операции ее мучили боли в сломанной ноге, эта мазь — нечто чудодейственное. На две недели приезжала подруга госпожа Глазунова, вдова композитора⁶⁹. Она давно собиралась нас известить. Приезжали еще два регенсбургских друга. Капитан Честер, он был там в военном правлении. Два года он воевал в Корее, его отпустили пасовсем. Путешествием в Европу он хотел как-то сгладить тяжелые переживания. Он и его очень красивая, обаятельная жена приехали на собственной машине: *le dernier cri de la technique américaine**. Видел бы НКВД кожу на креслах, моментально ее получил бы Сталин. Наш гость привез нам такую большую коробку чая, что нам придется жить теперь, по крайней мере, еще 10 лет, и две коробки какао «Хауттен». На своей машине приехал один милый, милый регенсбургский друг проф. Энгельгардт, священнослужитель. С ним и его родные, фрейлейн Пустет и ее брат, у них лучший

* последний крик американской техники (*фр.*).

книжный магазин в Регенсбург[е]. Это все были перелетные птицы. Все от нас уехали в Италию. Только одно ущелье с мостом св. Людовика разделяет нас. С обеих сторон французская и итальянская таможни. Грех завидовать. Я завидую им всем. Какой капитал впечатлений, воспоминаний они накопили на зиму! Высшим наслаждением для меня были путешествия. Думаю, я писала, что ребенком хотела стать проводником или, по крайней мере, извозчиком. До сих пор я не могу равнодушно смотреть не только на проходящий поезд, но и на вполне прозаические телеграфные столбы. Поезд имеет определенную цель; столбы, напротив, ведут в неизвестную, чудесную, недосягаемую даль, где живет l'Oiseau Bleu*, редкой красоты дочь короля дорог, — ведут в даль, призрачную, как никогда не достижимая фата-моргана.

У меня хорошая память. Вы спрашивали об иконе Казанской Божией Матери, которая Вам понравилась. 22 октября по старому стилю отмечают праздник Богородицы. Когда татары в 1551—1552 гг. напали на город Казань, один священник вынес эту икону из церкви, пошел впереди воинов, держа ее высоко над головой. От иконы стал исходить слепящий свет. В панике татары бежали⁷⁰. Есть еще две иконы, особенно почитаемые православными: Покрова Божией Матери. Более тысячи лет тому назад, во времена правления в Византии Льва VI, сарацины напали на Константинополь. Во всех церквях в отчаянии люди молились о спасении. Во время вечернего молебна во Владимирской церкви вдруг св. Андрей (не апостол) увидел, как св. Мария выступила из алтаря, окружившая ангелами и святыми, опустилась на колени и со слезами, в глубокой печали, долго молилась, затем сняла с себя покрывало, воздела руки кверху и распростерла его над людьми.

---

* «Синяя птица» (фр.).

Медленно видение исчезло. Покрывало растворилось в ладане. Кроме св. Андрея явление видел его ученик, св. Епифаний. На рассвете — было 1 октября — сарацины внезапно прекратили осаду. Это было первое явление Покрова Богоматери. Во второй раз Она появилась в 1641 году. Почти 100 тысяч турок-татар с 700 полевыми орудиями осадили крепость Азов с суши и с моря. Защищали крепость только 6 тысяч казаков. Неприятель предложил огромную по тем временам сумму — 10 тысяч дукатов, чтобы крепость сдали. Казаки отклонили предложение. Три месяца длилась осада. Осталось совсем немногого защитников крепости. У них не было провианта, не было спаряжения. Тогда они решили покинуть крепость. После молитвы они поклялись сражаться до последней капли крови. Ночью, в тумане, под командованием Осипа Петрова они покинули крепость Азов. Рано на рассвете — опять было 1 октября — они вдруг увидели, как св. Мария распростерла свое покрывало над полуразрушенной крепостью. Когда стало светлее, казаки с изумлением увидели, что неприятель по неизвестной причине пустился в бегство, оставив орудия и спаряжение (это доподлинно). Казаки стали преследовать неприятеля и уничтожили всех, кто не успел спастись бегством, погрузившись на суда⁷¹. И третья икона Богоматери — Курская-Коренная. Я не могу вспомнить, когда она появилась в густом лесу под дубом, возле источника. Это было в то время, когда татары напали на Русь. Мы называем ее «наша Святая Мать», так как имение, в котором родилась наша мама, было недалеко от местечка Коренная пустынь, где она появилась и куда мы, дети, ездили помолиться ей. Трижды икону перевозили в Курск (средняя Россия). Трижды она исчезала, и ее находили на том же месте под дубом в лесу. Тогда там построили церковь, и до революции она там и

находилась. Это чудотворная икона. Все ли правда или это легенды, которые создала фантазия народа, всяк судит сам. Сейчас эта икона находится в Америке⁷², у Его Преподобия истинного христианина митрополита Анастасия⁷³. Ибо, к сожалению, к сожалению, не все священнослужители пыщие истинные христиане. Многие становятся священниками не из внутренней потребности, а ради материальных, земных благ. Стремление к власти, жажда денег, честолюбие руководят ими.

Ну вот и закончилась безумная «ярмарка» в Америке. До рукопашной не дошло, только до змеиного шипения. Я очень огорчена, что выбрали Эйзенхауэра. Совершенно очевидно, что это был мастерский шахматный ход — обещание закончить войну в Корее. Если бы я была американкой, я бы отдала ему свой голос, с тем чтобы он вернул мне моих мужа, сына, брата живыми. Осталась ли у него после речи Вышинского хоть капля надежды сдержать свое обещание? Я сомневаюсь. Я непавижу его. В одной своей речи он обещал дать свободу всем угнетенным народам (этая фраза обеспечила всем дипломатам бесконную почту: так что? война? На следующий день он их успокоил — мирными средствами. Какими? Он не дал никакого рецепта). Так что все народы, — он их перечислил, — получат свободу, все, кроме мученика русского. Последний должен оставаться за железным занавесом. Это уже его дело, станет ли он там счастливым или несчастным... Гуманизм? Une cas de conscience.* За год и 3–4 месяца нельзя достичь armistice**, ибо 160, скажем, тысяча, две тысячи пленных не хотят возвращаться на родину. А в это время тысячи и тысячи лишаются жизни. Из-за этих 160? Где справедливость? Нужно их выдавать? или не щадить жизни других? И скажите,

* Дело совести (*фр.*).

** перемирия (*фр.*).

пожалуйста, где были эти гуманные чувства, когда они всех, всех русских пленных, всех власовцев, самого Власова, выдали сатане — отдали на заклание?!⁷⁴ Только теперь они одумались. Моя сестра шефствовала над лагерем военнопленных в Платтлинге⁷⁵. Их было 1600 человек. Она к ним приезжала, утешала их, собирала деньги, подарки для них. Однажды ей звонят и говорят, что пришли американцы и посылают всех в когти дорогого отца. Спешно она выехала из Регенсбурга. Когда она приехала, 205 человек уже вскрыли себе вены стеклом. Были мертвые. 210 по дороге выбросились из окон поезда. Американцы тогда не ожидали ничего подобного. Позднее поставили решетки на окна. Под Мюнхеном был лагерь с казаками. По той же причине 23 казака убили стеклом своих жен, детей и себя⁷⁶. Лучше смерть. И это не достаточный урок, что есть Кремль? Эти куриные мозги и через 35 лет все еще не понимают, что несет всему миру большевизм. И всегда находится много великих мира сего, что надеются совместить два враждебных полюса. Глупость? Политика? Чтобы медведь снова не встал во весь рост? Неужели Корея, Индокитай — не достаточный урок? В дальнейшем, рано или поздно, я уверена, Советы организуют войну в Тунисе. У нас есть близкий друг, священник в Найроби, Кения. Он писал нам, что восстание в Кении было мастерски организовано друзьями Сталина. Французские газеты и показательно выражают неудовлетворенность выбором Эйзенхауэра. Они написали: «Nous espérons que le général Eisenhauer sera “le bon” général que l’Europe a connue»*. И мне кажется, что враг Европы, Тафт, к сожалению, будет играть большую роль. Не случайно, судя по газетам, Эйзенхауэр подписал с Тафтом секретный договор.

---

* «Мы надеемся, что генерал Эйзенхауэр | будет “добрый” генералом, какого знала Европа» (*фр.*).

Совсем из другой оперы. Когда я была маленькой, меня называли *enfant terrible*^{*}, *polisson*^{**}, — я не знаю этого слова по-немецки. *Unfug?*^{***} Я думаю, что-то такое во мне еще есть, несмотря на то, что я так стара. В «Фигаро» были очень интересные статьи «*L'ettonant Mr Winston Churchill*»^{****}. Захватывающее чтение. Такой герой, особенно в войне с бурами. И вдруг я читаю, что он наш сосед, отдыхает у своего друга лорда Бивербука, в 10 минутах езды на машине от Ментопы⁷⁷. Готово. 4 страсти по-английски. Пишу, что он, вероятно, тысячу раз слышал, что он *great man*, *great Herr*^{*****}, и не удивится, услышав это еще раз. Рассказываю о себе. Все козыри вытащены из колоды. Отец — генерал-лейтенант. З войны. Севастополь⁷⁸. Польша. Восстание в Варшаве⁷⁹. Война с Турцией. Его фотография, как героя, была в музее боевой славы в Севастополе. Аскания. Визит царя. Сестра — Достоевская. Не Луизочки, не Минюшки с улицы. Далее. Я, однако же, знаю также, что Вы большой художник. Здесь, здесь собака зарыта! Ловкая, я пустила слух, что с Асканией владею портретами русских типажей, написанных одним немецким художником⁸⁰. Иногда черти откалывают номера. Вдруг проснется в нем художественная жилка, он приедет и тогда... тогда... Я пишу, что, возможно, Вы не очень сильны в географии, тогда я могу Вам помочь: Кап д'Ай ближе к Ментопе, чем Англия, *Mon Ami*^{*****}, где Вы уже много раз бывали. (Озорство? Да?) И все мои замки рухнули. Я слишком поздно узнала, что он

---

* несносный ребенок (*фр.*).

** сорванец (*фр.*).

*** бесчинство? (*нем.*).

**** «Удивительный Уинстон Черчилль» (*фр.*).

***** великий человек (*англ.*, *нем.*).

***** мой друг (*фр.*).

здесь. Я писала в тот день, когда он уже покинул Ривьеру. И l'Oiseau Bleu, по-русски говорят — «жар-птица», улетела, не оставив мне ни единого золотого перышка...

Проходит несколько дней. И вдруг я получаю письмо без почтовой марки. На конверте и на бумаге английский герб. Некто пишет: «Премьер-министр Уинстон Черчилль просит передать Вам, что он был очень "glad"^{*} получить Ваше письмо и благодарит за Ваши добрые пожелания» (конечно, в конце стояло: «God bless you»^{**}). C'est maigre.^{***} Если бы он подписал письмо, у меня был бы не только его автограф, но и капитал в руках (в случае, если бы он покинул эту юдоль слез ради лучей яркого света раньше, чем я). Не сомневаясь, что он был glad получить мое письмо, по крайней мере, на несколько минут он забыл о своих тяжких государственных заботах, и его объемистый животик затрясся от смеха. Я написала: «I am sure you have never received such a letter»^{****}. В Per[енсбург]е в русской газете было стихотворение о «Di-Pi»^{*****}. Я перевела его на английский. На отдельном листке написала: «Perhaps you don't know exactly what we Di-Pi are. I will tell you»^{*****}.

Our world is dirty and small,
Our heart is still — perhaps it sleeps.
To forget that Russian I am,
«Di-Pi» in exile is my dog's name.
Powerless we are in this dull churchyard,

---

* «рад» (англ.).

** «Да благословит Вас Господь» (англ.).

*** Это худо (фр.).

**** «Я уверена, что Вы никогда не получали такого письма» (англ.).

***** D.P., сокращ. от displaced person (англ.) — перемещенное лицо.

***** «Возможно, Вы точно не знаете, кто это такие — «Ди-Пи». Я Вам расскажу» (англ.).

We feel distress in West-Europe nights...
Poor dog! in eternal pathetic fright!
So homeless, and poor, and no one...*

Разве не трагедия целого народа в этих строках?⁸¹ Я надеюсь, мистер Черчилль пролил слезы над ними.

Но серьезно. Мы были просто в шоке от корректности Черчилля! У него голова трещит от забот и проблем, а он не забыл распорядиться ответить какой-то полусумасшедшей (так назвала меня сестра). Когда мы жили в Париже и отвратительная (по крайней мере для меня) Элеонора Рузвельт сидела в ОНО**, я написала ей, что им всем, великим мира сего, должно быть стыдно, что после стольких лет они еще не понимают, что значит большевизм, смешивают народ с Кремлем и не понимают, что все они *plus royalistes que le roi****, ибо Советы сразу же вычеркнули из своего лексикона слова «Россия», «русский», а они все, независимо от положения, до последнего журналиста, повторяют, как попугай, до сих пор эти слова. Вы можете быть уверены, что на такое письмо я не получила ответа,⁸² как не получу и в случае, если напишу Эйзенхаузеру. У нас говорят: капля камень точит. Если бы все, все — каждый день из года в год — вдалбливали в тупые головы одно и то же: что значит большевизм, — то уже давно капли слились бы в один мощный поток и камень — Сталина —

---

* Наш мир грязен и мал,
Наше сердце безмолвно, быть может, оно спит.
Забыть, что я русский, нужно,
Изгой «Di-Pi» — кличка моего пса.
Без сил мы на этом унылом кладбище,
Какие страдания испытываем мы по ночам в Западной Европе...
Бедный пес! В вечном жалком страхе!
Так бездомен и жалок, и совсем он никто... (англ.)

** Вероятно, ошибочно: UNO (*нем.*), O.N.U. (*фр.*), UNO (*англ.*) — ООН.

*** более роялисты, чем сам король (*фр.*).

спешили бы в пропасть к его брату сатане. Нет, Вы не можете себе представить, до какой степени все на Западе ничего не понимают. Недавно у нас была одна наша подруга мадам Марешаль. Она приехала с американкой, на машине. Дама была очень мила, казалось, происходила из интеллигентных кругов, из «высшего общества». Мы показали ей книгу «Аскания»⁸³, сестра рассказала ей о нашей жизни в Симферополе — и она нас чуть не убила. Она сделала большие глаза, сказала, что не понимает, почему я бедна! Почему я не взяла с собой своих овец (пожалуйста, 700 000), свою мебель, рояль, objets d'art*. А? Что отвечать? Что у всех куриные мозги? Во всяком случае — не собачьи, ибо любая собака умнее человека. Довольно ругаться, а то Вы окрестите меня эпитетом моей сестры или, по меньшей мере, скажете, что она чье marotte dans le tête**.

Я напрасно жду обещанный спимок с любимой лошадью. На этих днях у нас обеих именины,⁸⁴ потом наступит ваше Рождество, и только 7 января — наше Рождество. У Вас в магазине «разгар сезона», и я желаю Вам продать миллионы книг и тую набить кошельки. Мы обе шлем вам обоим самые сердечные приветы. Всем всего доброго.

Старая подруга А. Ф.-Ф.

Письмо застряло так надолго, только сегодня, 16/XII, я его отсылаю.

---

* предметы искусства (*фр.*).

** страдает манией (*фр.*).

-♦ 13 ♦-

[Без даты]

Дорогие друзья.

На грядущее чудесное Рождество желаем вам душевного покоя и благословения деток Божиих. И спокойного, доброго, счастливого года. Старец печально уходит в вечность. Он не смог дать удовлетворение миру, людям. Пусть же загадочный младенец будет к нам благосклонен!

Итак, с Новым годом!

Надеюсь, в канун Нового года, поднимая бокал с шампанским, вы пожелаете всем своим друзьям здоровья.

Преданные вам

A. Фальц-Фейн, Екатерина Достоевская.

27 декабря [1952 г.]

Ваш замечательный рождественский подарок, мой милый, добрый друг, нас восхитил. С каждой неделей мы будем становиться все умнее. Через 360 дней что-то скажет наша голова? Но уже сейчас она говорит, что мы не сироты в этом мире, что мы не забыты милыми, заботливыми друзьями, которые так хотели нас порадовать из своей далекой, чудесной страны. И цель была полностью достигнута. Чудесная книга будет спасением в нашем стоячем болоте. В «Фигаро» я прочла очень доброжелательный отзыв об этой книге. Чайковский дорог нашему сердцу, поэтому эта книга представляет для нас особый интерес.⁸⁵ Я постоянно злюсь на наши цены, не подходящие для пустого кошелька Di-Pi. Так хотела купить две книги, но... Очень сожалею, будучи теперь Di-Pi, что я не мальчик на побегушках в книжном магазине. За шкафом, в темном углу, я бы поглощала все, что попадалось под руку. Как долго? Конечно, вскоре мне указали бы на дверь.

Погода стала немножко теплее, но дождь идет почти каждый день. Страшно читать о наводнениях в Италии и Франции. В каких-то семьях дети и взрослые радуются рождественским праздникам; и — тысячи несчастных теряют свой дом, имущество, скот. Горе, пуржа — как раз в Рождество — на холода, под дождем и снегом. Все идет вкривь и вкось в этом мире. Я бы хотела жить столетие назад, быть Пульхерией Ивановой из «Старосветских помещиков» Гоголя (не знаю правильного названия романа по-немецки*). Не было газет, которые отправляют

* В оригинале: «Altmodische Gutsbesitzer» (нем.).

жизнь, но без этого наркотика уже нельзя больше жить. Не было апекотов. Пожилые супруги, почти наши родственники, жили в глухи Курской губернии. Газеты приходили к ним почтой, целыми кипами и очень редко. Супруг брался за последние номера. К примеру, он воскликнул: «Послушай, послушай, генерал Ганецкий взял Плевну. Осман-паша сдался безоговорочно». Супруга спокойно отвечала: «Я еще далеко, дошла еще только до Дольного Дубняка, еще только будут осаждать крепость»⁸⁶. Счастливые времена, счастливые люди.

Я не помню уже, как в Швейцарии, я забыла: как выглядит город в праздники? В Германии праздник три дня, все закрыто. Во Франции праздника не замечаешь, как будто это обычное воскресенье, все магазины открыты. Что Вы скажете о новой, очередной *Chute du gouv[ernement]**? Можно ли уважать французов? Пине, который улучшал финансовое положение, снизил инфляцию, не ввел ни одного нового налога. В «Фигаро» мы прочли о двух его «грехах», именно это слово было употреблено. Первый — он был слишком долго (8 месяцев) главой правительства. Второй «грех» — он думал в первую очередь о благосостоянии своей родины, а не партий. И как раз когда речь заходит о Тунисе, о Марокко, о бюджете, «милые патриоты» *l'ont renversés***.

Я страшно обеспокоена здоровьем своей сестры. История с желудком неприятна, но не опасна. Однако все хуже обстоят дела с ее сильным артериосклерозом. Кружится голова, тяжесть, она чувствует давление. Врач, который приходит к нам в Дом, что-то ей выписал. Я не вижу положительных результатов. Ей нельзя наклоняться, но она наклоняется по десяти раз на дню или чаще,

---

* отставке правительства (*фр.*).

** отворачиваются (*фр.*).

хотя всю работу по дому делаю я. Она поднимает с пола бумажку, крошку, щиточку, на улице — каждый цветочек, не дай Бог, чтобы на него наступили. А у меня такой страх перед кровоизлиянием в мозг! Это было бы самое страшное. И с каждым днем она становится все слабее. Я совсем лишилась покоя. Если я что-то скажу, она в этом отношении очень своеобразная, и говорит, что мои предупреждения для ее сердца в тысячу раз хуже, чем то, что она делает. Я вынуждена молчать, иначе она сразу начинает волноваться.

30 декабря. О! милые, добрые друзья. Это уже слишком. Вы нас привели в смущение чудесными сластями. Сегодня мы их получили на редкость красиво оформленными в виде лакомств. Радость была уже в том, чтобы развязывать многочисленные узелки. Моя сестра не разрешает их обрезать, и мое терпение подвергается тяжелому испытанию. И к тому же множество заклеенных упаковочных оберток! Уже бонбоньерка с интересными, никогда дотоле невиданными шоколадными плиточками восхитительна. Все имеет такой рождественский вид и... превосходно на вкус!!! Подобные пряники мы детьми ели в Варшаве,⁸⁷ они назывались «плашки». Воспоминания детства всплыли, будто из тумана. Как будто мы жили на другой планете. Вашей милой супруге и Вам, милый, добрый друг, тысячу раз сердечное спасибо за ту великую радость, которую Вы нам, одиноким, доставили. Вы можете нам поверить, Вы не только нас порадовали, но и глубоко тронули. Да благословит Вас Господь за Вашу доброту.

Ваша старая подруга

Анна Фальц-Фейн.

Анна Петровна Фальц-Фейн
и Екатерина Петровна Достоевская.
Ментона. 1950-е годы

Catherine de Dostojewskij

Menton, le 18. 11. 51.

Schr geehrter Herr Cesana!

Nit welchen Worten kann ich Ihnen
meinen innigsten Dank für Ihre
außergewöhnliche (und) Teilnahme ^{and} Güte
aussprechen? - Ich bin bis ins Tiefste
gerührt und kann nur sagen:
"Vergesse es Ihnen der liebe Gott."
"Und möge Ihr Leben nach Ihrem Wunsch
sich ähneln."
Das unerwartete Geschenk sagt besser wie
Worte, was für ein mitleidendes Herz Sie
haben.

Gestern habe ich im Auftrag von
Herrn Klaus Piper und durch Ihre
gütige Vermittelung 3968 Fr. erhalten:

In Dankbarkeit seien Sie aufs
herzlichste begrüßt von Ihrer
ergebenen

Katharina v. Dostojewsky

P.S. An Herrn Klaus Piper habe ich schon
selbst meinen herzlichsten Dank,
geschrieben.

Письмо Е. П. Достоевской к А. Чезану от 18 ноября 1951 г.

Den 17 März

Lieber, guter Freund
Herr Cesana

Sie haben uns sehr erfreut, und wir
sind herrlich dankbar für den geschenkten
schönen geschenk. Wie schade daß Sie
mit Ihrer Frau haben ihn nicht persönlich
gebracht! Im stillen mir haben immer
gehofft daß noch Ihre schmetteroperatioen
Sie werden sich eine Ruhezeit in diesem
milden Klima gönnen. Die Sonne, die
Wärme sind die besten Arzneien und diese
Jahre wir hatten einen seltenen Winter
gar keinen, es war Frühling mit einer
Blumenpracht. Das war wegen dem Mangel
an Beschäftigung d.h. Material eine wirkliche
Gottessegnung. Viele Touristen sind zum
Nizza Karneval gekommen und keiner
kann klagen daß man hat Geld unzureichend
ausgegeben.

Wir hoffen daß Sie sind so gesund,
lustig und voll leben wie wir Sie
gekennengelernt haben. Wir haben so oft
an Ihre Liebe und liebende Freude gedacht
wie für schone Tage die erleben mußten!
Sie sind wirklich Heide wie ein
Taubenpaarchen.

Письмо А. П. Фальц-Фейн к А. Чезана от 17 марта 1957 г.

Екатерина Петровна Цугаловская.
Симферополь. 1902

Федор Федорович Достоевский.
Симферополь. 1902

Екатерина Петровна Достоевская
с матерью Екатериной Александровной Цугаловской
и другими родственниками.
Санкт-Петербург. 1912

Усадьба Фальц-Фейнов в Аскании-Нова. 1914

Храм в Аскании-Нова,
построенный Софьей Богдановной Фальц-Фейн

Доброму, благородному
Андрею Андреевичу Достоев-
скому от нежно ему при-
данный и уважающей
1 июня Г. А. Достоевской
1912 г.

Анна Григорьевна Достоевская с внуками Федором и Андреем.
Санкт-Петербург. 1912

Александр Александрович Фальц-Фейн (в центре),
один из первых российских авиаторов и авиаконструкторов.
Аскания-Нова. 1914

Триумфальная арка, построенная в честь приезда императора Николая II. Аскания-Нова. 1914

Торжественная встреча императора Николая II.
Аскания-Нова. 29 апреля 1914 г.

Анна Петровна Фальц-Фейн.
Симферополь. 1925

Е. П. Достоевская и А. П. Фальц-Фейн в Крыму.
Рядом любимые собаки Фолли и Беби. 1929

В центре группы А. П. Фальц-Фейн и А. Ф. Достоевский.
Крым. Чатырдаг. 1929.

Андрей Федорович Достоевский
и Татьяна Владимировна Куршакова в день свадьбы.
Ленинград. 1936

Татьяна Достоевская, внучка Екатерины Петровны. 1938

*А. Ф. Достоевский (справа) в армии.
Ленинградский фронт. 1942*

⇒ **15** ⇌

[30 декабря 1952 г.]

Ни какими словами не описать, многоуважаемые милые, добрые друзья, наш восторг, когда мы получили два ваших замечательных подарка! Как мы могли подумать, что еще что-то получим после вашего рождественского подарка — в высшей степени интересной книги и действительно художественного календаря?! Великолепные сладости особенно прекрасны — и я от всего сердца глубоко благодарна вам обоим за вашу заботу и доброту, доставившую радость двум старушкам!! Да вознаградит Господь вас и всех ваших близких!!

Преданная вам и благодарная

Екатерина Достоевская.

→ 16 ←

7 апреля 1953 г.

Христос воскресе!

Две старых *верных* подруги целуют Вас, дорогой господин Чезана, и Вашу милую супругу по русскому старииному обычая трижды. Ведь все мы братья и сестры во Христе. От всей души желаем Вам встретить радостный праздник Пасхи в хорошем настроении и в хорошую погоду за столом, полным прекрасных яств, которые приготовили неутомимые ручки Марты, и с корзиной, полной желтого и красного нектара. Очень надеемся летом увидеть вас обоих и иметь удовольствие поругать Вас за эпистолярную ленъ.

Преданные Вам

Анна Фальц-Фейн, Екатерина Достоевская.

⇒ 17 ⇍

17 апреля [1953 г.]

Христос воскресе!

Милый, добрый, по ленивый по отношению к своим старым подругам друг, господин Чезана. Этим радостным возгласом начинаям мы, православные, свои письма, пока не наступит Вознесение, и до этого дня в церкви не становятся на колени в память о пробитых ногах Христа.

Ваше пасхальное приветствие замечательно — пусть наша жизнь тоже станет сказкой! Мы пережили очень много неприятных, тяжелых моментов из-за так называемого священника, директора, диктатора с камнем за пазухой. Слишком долго описывать. Мы не потеряли надежды познакомиться с Вами и Вашей супругой: тогда мы и расскажем эту отвратительную историю. Прекрасная книга, — кажется, то, что называется развлекательным чтением, так что все 200 ее страниц можно будет прочесть быстро. Иллюстрации очень красивые, и Лилли Леман восхитительна.^{**} Сердечное спасибо от нас обоих за то, что не забыли о двух одиноких душах и захотели порадовать их. В нашем одиночестве, печальном существовании каждое письмо — это событие, посланное с другой планеты, где люди живут, а не существуют.

К сожалению, не могу сообщить ничего хорошего о здоровье сестры. Она не может оправиться от гриппа, страшно слаба, уже с утра слышу: «Я так устала». Она не может уснуть, нет аппетита — откуда ей взять силы? Грипп был нелегким, врач опасался шестого воспаления легких, ведь она уже переболела пять раз. Три укола пенициллина ее спасли. Мы живем под дамокловым мечом. Ее пежкий орга-

низм не хочет сопротивляться. Едва ей стало лучше, как она снова перенесла сердечный приступ. 19 марта ей исполнилось 78 лет, все само собой разумеется, все нормально, но от сознания этого мне не становится легче.

В этом году у нас была Пасха в тот же самый день.

В 10 часов в воскресенье 5 апреля у нас были очень милые, неожиданные гости. Наш юный, милый друг Петер Зутермейстер, писатель,⁸⁹ пришел со своим братом, врачом в Берне, и двумя незнакомыми дамами. Для нас это была большая радость — увидеть его снова. Год тому назад он провел полтора месяца в Ментоне и каждый день часами просиживал у нас. Они ехали на машине врача в Париж via* Марсель, и замечательно, что заехали к нам. Петер поехал в Париж к вдове Ромена Роллана по ее приглашению, чтобы написать биографию ее мужа, будет у нее жить, чтобы весь материал иметь под руками.⁹⁰ Они были чрезвычайно счастливы, что после холодов и дождливых дней в Швейцарии встретили здесь действительно чудесную погоду, голубое безоблачное небо, сверкающее голубое море и горячие лучи солнца. Утром у нас $+15 - 17^{\circ}$, на солнце на нашем подоконнике до $+50^{\circ}$. Но в мире происходит все тоже — счастье для одних оборачивается несчастьем для других. Почти два месяца у нас страшная засуха, все овощи, плантации цветов погибают. Только вчера и позавчера у нас наконец-то прошел дождь, и внезапно стало пампого холоднее, утром только $+10^{\circ}$. Зима была легкой, но каждый день шел дождь, каждый день приходилось брать зонтик. Я думаю, у Вас была суровая зима с обильным снегом, но теперь зимняя спячка существования подошла к концу и у Вас. Каждый год будто присутствуешь при совершении божественного чуда, когда восхищаешься нежными листочками, первыми подснежниками, крокусами, тюльпанами, ги-

---

* через (лат.).

ацитами. Но я тоскую по серебряным березам, пахучим липам, мощным дубам, по нашим степям, что весной покрывались красными, желтыми тюльпанами, а летом на них колыхались серебряные волны ковыля. Я ведь Вам уже писала, что Ривьера с ее бедной красотой для меня прекрасная, но мертвая театральная декорация. Наша церковь перед почтой пасхальной службой выглядела как орапже-рея. У нас собрали 2300 фр[анков] и купили великолепнейших цветов. Чудесная природа смягчает многое. Мы страшно любим природу, цветы. Наши чувства так прекрасно описал граф Алексей Толстой, родственник Льва Толстого⁹¹, в своем замечательном стихотворении:

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса! <...>
И одинокую тропинку,
По косой, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в мои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

Ужасный перевод чудесного стихотворения.⁹² Как вы, вероятно, знаете, Алексей Толстой был не только поэтом и романистом, но и драматургом. Он написал, с исторической точки зрения верно, трилогию: «Иван Грозный», «Федор Иоаннович», «Борис Godунов». Ее ставят на сцене. С детства он был другом царя Александра II. Не мог забыть, что сидел на коленях у Гете. Он умер в 1875 году, как раз в том же году, когда родилась моя сестра. Почти

теми же словами говорит о природе князь Мышкин в «Идиоте» и старец Зосима в «Братьях Карамазовых».⁹³

Я ни па минуту не задумываюсь над тем, что происходит за железным занавесом. Все блеф, чтобы заморочить голову Западу; уже половина людей, особенно американцы, думают, что можно совместить два диаметрально противоположных полюса. Пацифистские речи и т. д. — «посмотрите, мы хотим с вами дружить». Что они до сих пор давали, эти речи, они им ничего не стоят, как, например, в Корее. «Милости» втайне, на поверхности «посмотрите, как хорошо мы к вам относимся, как мы справедливы» (дело врачей). Амнистия? Блеф. Убийцы, воры были выпущены на свободу, — женщины ведь не опасны, — а вся интеллигенция, работящие крестьяне, рабочие, которых осудили по 58 статье, сидят и будут сидеть: «Сидите тихо, спокойно, мы добрые отцы, не то что злой Сталин». Они не вполне уверены, что народ будет носить цепи молча, значит, надо дать ему ложку меда. Американские журналисты — сущие идиоты.

18-е. О Боже мой, о Боже мой, вчера вечером я чуть не потеряла сестру. В 10 часов страшный, страшный сердечный приступ, судороги ног, рук, она ужасно кричала. Не хватало воздуха, ее страшно тряслось, все тело, я думала, что сойду с ума. Врач через 10 минут был здесь, сделал два укола, камфору и еще что-то для успокоения первов. Разве вчера я была не права, когда написала, что мы живем под дамокловым мечом?! Была плохая почка, не могла уснуть. Врач велел ей лежать сегодня, она страшно слаба. Только после обеда она успела. Как счастливы эгоисты: моей свекрови Ф[альц]-Ф[ейн] и 5 деверям было совершенно безразлично, что и с кем происходит, жив кто-то или он умирает.⁹⁴ Разве это не счастье, чтобы все были здоровы? Сердечные приветы от Вашей несчастной

A. Фальц-Фейн.

– 18 –

27 октября [1953 г.]

Должна ли я писать — дорогой друг?
Или — многоуважаемый господин Чезана?

Ибо теперь абсолютно очевидно, что милые многочисленные письма были проявлением не дружбы, а долга, чтобы посыпать деньги. Попытаюсь написать Вам в последний раз. Или, быть может, Вы уже мертвы? И мне надо заказывать для Вас une messe pour le repos de l'âme*? Если Вы еще интересуетесь нами, то мы еще живы по-прежнему в «любимом» (?!!) осипом гнезде. Слава Богу, ничего страшного за это время не случилось. Как выражаются французы, у сестры ça va**; хорошо — я никак не могу сказать, но я и на том от души благодарна Господу Богу. Мое Ничтожество вышагивает километры туда и обратно преимущественно по все более и более нелюбимому дому, моет пол и стирает белье, моет посуду и чистит кастрюли, четыре раза в день приносит еду, почту, взирается на Эверест, снизу вверх по десять раз, помноженные на 163 ступеньки, не имеет времени для чтения книг, голова набита соломой, похожа на пустую кастрюлю. Мы оживаем, только когда здесь милые, любимые Карташевы. Пытаемся, пока они здесь, наполнить голову чем-то более умным, чем обсуждение ежедневного меню. Они были в Ментоне месяц и неделю, видели нас каждый день, потом они провели еще месяц в Италии — в Мерано. Только теперь я узнала, что Гитлер подарил Муссолини кусочек Австрии и Меран превратился в Мерано. А все остальные

* заупокойную мессу (*фр.*).

** так себе, ничего (*фр.*).

друзья пас забыли этим летом. Больше всего в этом по-
винны забастовки. Здесь рабочий получает за 8 часов по
800 фр[анков]. = 24 тыс. ежемесячно, в Париже — 30 тыс.
Но есть категории, получающие 19 — 21 тыс. Старики —
пенсию от 17 тыс. на 3 месяца. При этом Франция — са-
мая дорогая страна в Европе. Хорошо, если некоторые
члены семьи работают. Хорошо, если у них есть дети. Дети
получают деньги. Но если это одинокий человек или без-
детная супружеская пара и один из двух еще и болен или
не может работать? Даниэль — миллионер, крупный зем-
левладелец и владелец текстильной фабрики, говорят, ев-
рей, — президент Совета, обратился к бастующим с дли-
нной речью: «Вы ведь не хотите получать зарплату *fausse monnaie** (бумажками, не покрытыми золотом). Почто-
вые служащие ответили ему в открытом письме, — тон
был очень вежливый, спокойный: «Вы, господин Даниэль,
и все *députés*** недавно получили 25 тыс. пачкой — даже
за четыре прошедших месяца получили. Эти ведь тоже
были *de la fausse monnaie****. Так что мы готовы полу-
чить и эти *fausse monnaie*; не так, как тысячи тех, кто
ведет *joyeuse vie*****, но чтобы наши семьи не голодали, а
имели бы достойное существование. Как парочко, как вы-
зов, — никогда не было таких безумных празднеств в
Ницце, Капсах, Монте-Карло, как именно во время забас-
товки. Эти празднества назывались *Nuit*. *Nuit de Beauté*?
Nuit de la Folie? *Nuit de la Reine* 1953, *Nuit de la fourrure et des Bijoux*? *Nuit de l'Auto et de la Toilette*,***** хотя
эта *Nuit* происходила среди бела дня. Мы все-таки полу-

---

* фальшивыми деньгами (*фр.*).

** депутаты (*фр.*).

*** из фальшивых денег (*фр.*).

**** веселую жизнь (*фр.*).

***** Ночь. Ночь красоты? Ночь глупости? Ночь королевы 1953, ночь ме-
хов и драгоценностей? Ночь автомобилей и туалетов (*фр.*).

чили во время забастовки газету «Нис Матен», которую привезли в Ментону на машине. Там были помещены фотографии автомобилей и туалетов, которые получили призы. Внизу было обозначено: марка автомобиля... дама, которая там сидит, ее фамилия, — все это «stars»*, знаменитости, vedettes**, аристократия. В каждой машине по даме. Семья сочтут tier***. Ведь это значительные личности. Описание туалетов. Цепа. У двух дам туалеты стоили по 500 тыс. фр[анков], полмиллиона. Народ это читал, видел собственными глазами. Скажите, что чувствует при этом человек, получающий 19, 21, 24, 30 тыс. франков за работу, подчас тяжелую работу, когда он видит, что платье стоит $\frac{1}{2}$ миллиона?

Так слетели головы Марии Антуанетты и Людовика XVI. Так зарождаются революции. Живите, по дайте жить и другим. Казна Франции пуста. Война в Индокитае все пожирает. Забастовки принесли миллиардные потери. Кто в этом виноват? Не забастовки, а никуда не годное правительство. Где вы видели правительства, которые существуют один день (мы это наблюдали в Париже), самое большое восемь месяцев? В каждой стране правительство знает, чего оно хочет, особенно в СССР, в этом его сила, только во Франции у каждой партии свои собственные желания, их партия, их собственный кошелек значительно важнее, чем благо Отечества. Ривьера ужасно пострадала. Она не может жить целый год за счет продажи мандаринов, лимонов и цветов. Население живет за счет валюты, которую привозят с собой туристы. В этом году они сказали «Adieu», «до свидания». Вся масса туристов поехала к вам в Италию и Швейцарию. Владельцы магазинов в от-

---

* «звезды» (англ.).

** знаменитости (фр.).

*** кутюрье (фр.).

чаянии, нужно платить за магазин, платить высокие налоги, а в магазинах ни души. И под боком — Германия. Я преклоняюсь перед трудолюбием, перед патриотизмом ее народа. Я преклоняюсь перед Аденауэром, который сумел за четыре года из пепла и с пустой казной так высоко поднять Германию, что она становится как бы частью западной монти. Америка делает ставку на Германию, не на Францию. Силы Запада завидуют формированию здесь своих, — не знаю, как сказать, — надежных, обеспеченных денег*?! Официально они до сих пор не призваны, но любой банк здесь буквально вырывается из рук немецкие марки. Моя невестка пишет мне из Франкфурта-на-Майне, где она живет,⁹⁵ что там не увидишь ни одного разрушенного дома, большие, великолепные здания растут из земли как грибы, «мы стали городом мирового значения». Я еще хорошо помню первую победу Аденауэра, когда ему удалось прекратить депационализацию фабрик западными силами. Как же народу не ценить его? Народу, который снова стремится к тому, чтобы Германия была превыше всего. Франция была и остается врагом Германии. В большом журнале «Матч» «враг» называет Аденауэра «le plus grand homme de l'Europe**», в этой статье пишут, что «там все дешево, все сыты, все хорошо одеты». Меня восхищают двое мужчин — Аденауэр и Sigmar Ree, думая о которых, силам Запада приходится постоянно чесать затылок, как мы говорим. Черчилль, этот упрямец, превратился в маньяка со своей идеей отправиться в Москву (в десятый раз сделать книксен), чтобы лично переговорить с Маленковым. Это называется: черпать воду решетом. Всерьез ли он полагает, что можно совместить два полюса? Любой ребенок, не будучи пророком, может пред-

* В оригинале: «sicheres geld».

** «самым значительным человеком в Европе» (*фр.*).

сказать, что он там пасется икры, напьется шампанского и с пустыми руками вернется обратно.

29-е. До десятого июля погода была чудесной. Потом наступила жара, но не такая невыносимая, как в прошлом году. Тогда и днем и ночью у нас в комнате было +34°, в этом году только +27°. Осень пришла намного раньше, чем по календарю, частые дожди, прохладные дни, почти холодные ночи. Сейчас стало теплее, утром +14°, днем на солнце +45°, только солнце стало жеманым, оно флиртует с нами, как молодая девушка, — едва порадуешься, ощущив его тепло, как оно высмеет тебя и спрячется за тучу. Я рада, что наши милые Карташевы привезли мне из Италии и подарили зонтик, мой старый не захотел бы взять в руки даже ни один еврей. Замечали ли Вы, что евреи имеют пристрастие к зонтикам? Всегда у них под мышкой зонтик. Недавно у нас была первая гроза в этом году. Непрерывно сверкала молния, гремел гром. У нас такую грозу называют «воробышкой почью», потому что испуганные воробьи почью летают туда-сюда. Одна дама положила на голову все подушки. Другая забыла, что ей не 18 лет, и пыталась спрятаться под кроватью. Мы с сестрой восхищались этим грозным природным явлением, человек при этом чувствует свою ничтожность, хотя в своем безумии и полагает, что он господин Вселенной. В Симферополе в 1927 году мы пережили землетрясение. Я никому не желаю этого. Чувство беспомощности, ужаса, когда почва уходит из-под ног. Я прислонилась к толстому дереву, акации, оно дрожало и качалось, как тростничок. Все провели на улице три ночи. Это было нехорошо, так как погода стояла весьма прохладная. Наши дорогие Фолли и Беби были очень взъярлены и все время лаяли.⁹⁶ В Симферополе были только трещины в стенах, а Ялта очень пострадала, много домов было разрушено, хотя эпицентр находился далеко в море.

30-е. Я никак не могу дописать письма до конца и страшно злюсь на саму себя. Когда я беру в руки перо, я никогда не знаю заранее, что мне придет в голову. Вы совсем не заслуживаете столь долгого писания. Вы очень хитры. В то время как Вы о нас забыли, мы при всем желании этого не можем и вынуждены все время думать о Вас из-за Вашего замечательного календаря, который у нас перед глазами все 24 часа.

Мы очень огорчились за семью Пипера, особенно за его большую жену, но, слава Богу, что милый добрый господин Пипер избавился от своего длительного тяжелого страдания.⁹⁷ Не только он страдал, но и все его родные, морально и душевно. Ужасно быть беспомощным и не иметь возможности помочь самому близкому человеку. Я написала госпоже Пипер, что не только мысль о нем, но и он сам будет продолжать жить в основанным им издательстве вечно, стихи Пушкина относятся и к нему:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не заастет народная тропа.

Вы не думаете, что кости Пушкина от этого возмутительного, ничтожного перевода сейчас переворачиваются?⁹⁸

31-е октября. Armistice?* Paix?** По христианским законам Вы заслуживаете пощады, кажется, уже из-за Вашей бедной супруги и детей, особенно из-за Вашей бедной дочери. Как это получилось, что такое юное создание страдает почками? Но это действительно беда, и мы обе от души желаем Вам, как Вы пишите, приблизиться к «золотому веку». Разве Вы не знали, что коклюш лечится только воздухом, дети должны быть целый день на воздухе и лучше всего сменить место пребывания, особенно горный

---

* Неремирие? (фр.)

** Мир? (фр.)

воздух — лучший врач. Только что пришло Ваше письмо: столько забот, беспокойства. Нам очень жаль. Будем надеяться, что у вас будет приятная зима, прекрасный рождественский праздник для детей и взрослых, не слишком сильные холода, много «черного золота», для меня это обязательное условие, чтобы не быть в плохом настроении, и дай Бог, чтобы Вы и вся Ваша большая семья были здоровы. Как жаль, что Вы не смогли приехать к нам, для нас это была бы большая радость — познакомиться с Вами. Господин Генрих Зутермейстер написал, что он возьмет нас на Пасху к себе в Во-сюр-Морж. Пасха! Кажется, что она находится за Гималаями. Мы живем под дамокловым мечом и никогда не знаем, что принесет с собой следующая минута. Если сестра, дай Бог, будет еще жива, то с ее хрупким здоровьем, слабыми силами предпринять путешествие — об этом все равно нельзя и думать. «Так это было бы прекрасно, что этого не может быть». За книжечку с древнерусскими церковными песнопениями мы будем очень благодарны, нам будет очень интересно их перечитать. Вы задаете вопросы. Думаю, я сообщила Вам намного больше, чем вы могли ожидать. Как будто Вы с нами поболтали часок, конечно за чашкой кофе. Ну, а теперь — конец. Самые сердечные приветы и пожелания всех благ всей Вашей семье.

Ваша Анна Фальц-Фейн.

Теперь Вы можете понять, что я совсем забыла, как человек должен писать, никогда я не писала такого позорного письма. Позор.

⊗ 19 ⊕

16 ноября 1953 г.

Дорогой друг.*

Отвечаю Вам той же монетою, ищите переводчика.

За присланную книгу сердечное спасибо. Два искренних друга

A. Ф.-Ф.
Е. Д.

Capisco un poco! C. D.**

---

* Текст открытки в оригинале — по-русски.

** Немного понимаю! Е. Д. (ut.)

❖ 20 ❖

20 декабря [1953 г.]

Многоуважаемый, дорогой господин Чезапа.

Увы! (евреи говорят: «о горе мне!») — что Вы думаете о русском воспитании? Вы были так милы, так добры, так любезны, так щедры, что прислали нам очень интересную книжечку с древнерусскими церковными песнопениями, которая доставила нам большое удовольствие, и в благодарность, как плохо воспитанный ребенок, я выразила Вам свою *действительно* сердечную благодарность по-русски, на языке, на котором вы не можете читать, так же, как я по-итальянски; это была месть Вам за чудесную открытку из Лугано (по секрету: которую мы все же сумели прощать). Вы, я надеюсь, христианки, так что простили мне, особенно в преддверии Рождества Христова. От души мы обе желаем Вам радостно встретить Рождество в добром здравии, в хорошую погоду, с многочисленными подарками и приятными сюрпризами, — как мы по-русски говорим, чтоб было что взять на зуб и чем промочить горло. Хотела бы я присутствовать при этом.

С серединой октября у нас стоит прекрасная весенняя погода. Синее небо, бирюзовое море, солнце тебе улыбается, тепло чувствуется так сильно, что очень часто приходится искать тень на другой стороне улицы, утром +12 — 15°, сегодня +17°; днем на солнце до +45°. Отчего Вы предпочли Лугано Ментоне? Но Вы знаете так же хорошо, как и я, что человек никогда не бывает доволен. Я так люблю запах гниющих опавших листьев, так приятно пахнет грибами в лесу, в его пестром, чудесном багряно-желто-буром паряде. Когда-то я делала такие красивые букеты из разноцветных

осенних листьев. Природа в ее угасании, перед зимним сном, совсем не печалит меня, только сердце немного щемит. Здесь мы также лишены поэтического, исполненного нежности пробуждения природы. Перед глазами вечно зеленая растительность. Если б Вы видели наши степи с бескрайними горизонтами в апреле месяце! Вся степь мерцает красными и желтыми тюльпанами, голубыми, лиловыми, желтыми крокусами. Немного позже появляется волнующееся, серебряное море ковыля. В высокой траве дрофы, не умирающие маленькие дрофы, куропатки. Это была древняя степь, которая никогда не вспахивалась. Как все, она погрузилась в вечность. Теперь обрабатывается каждый малюсенький клочок земли. Кажется, бедный Советский Союз имеет слишком мало земли, чтобы накормить свое население. Я не верю своим глазам, думаю, что схожу с ума, когда читаю, что они поставляют несправедливым капиталистам свое золото за валюту, на которую они покупают мясо, масло, яйца!!! кожу, даже муку! За 36 лет из богатейшей в Европе страны создать нищую, для этого нужно особое искусство. Это грубая реальность советской экономики. А Запад остается глухим и слепым, особенно Франция.

З декабря я «праздновала» свои именины — Анны — весьма своеобразно, не могу сказать, что этому можно позавидовать. Дважды в месяц мы купаемся. Это был как раз банный день, дважды, до и после ванны, мы должны вымыть пол. К счастью, никто в доме, кроме нашей кузинки⁹⁹, не знал об именинах. Она пришла в 3 часа, и мы вместо кофе выпили по стаканчику вина, с пирожными. В 5 часов пошли в церковь: на следующий день, в пятницу, был церковный праздник — Введение во храм Богородицы. В 7 часов мы вернулись из церкви, и сестра должна была мыться. Таким образом, я снова два раза вымыла ванну плюс пол. После ужина, поскольку это был удачный день, — наконец была горячая вода до 11 вече-

ра, — я постирала наше белье. Немного иначе, чем в прежние времена. А вот с именинами сестры, Екатерины, по вашему стилю 7 декабря, вышло несколько лучше. Без содрогания мы не могли вспоминать о прошлых именинах. Пришло 59 человек! Сестра совсем охрипла, мы были едва живые. Это стоило 1200 фр[анков]. Теперь мы решили потратить пусть немного больше денег, но, по крайней мере, провести приятный, спокойный день. 5-го, в субботу, мы в 2 часа поехали в Ниццу, остановились в маленькой скромной гостинице напротив вокзала. Там шел ремонт, так что ресторана не было. В 5 мы пошли в замечательную церковь, которую построил царь Александр II. Хор был прекрасен. В воскресенье мы исповедались, приняли святое причастие. После службы мы пошли к русским инвалидам, где нас пакормили очень вкусным обедом, удивительно дешево: суп, жаркое, яблочное пюре — за *двоих* мы заплатили 270 фр[анков]. В самом скромном ресторане обед на одного стоит 350 фр[анков]. После обеда мы пошли к одногодичной нашей подруге в соседний дом, к княжне Оболенской, в настоящее время она медицинская сестра в Красном Кресте.¹⁰⁰ А в 4 часа мы пошли на российское торжество. Отмечали 250-летний юбилей Санкт-Петербурга, прекраснейшей европейской столицы с ее царственной Невой в гранитных берегах, где можно видеть длинный ряд чудесных мраморных дворцов; с величественными соборами Казацким и Исаакиевским, с прямым, как шнур, длиною в 5 километров, Невским проспектом. Там мы родились, там мы провели счастливейшие годы нашей жизни. В первом отделении один российский профессор говорил о Петре Великом, о самом городе, его зданиях, окрестностях. Дамы выступали со стихами Пушкина и других поэтов о Петербурге. Так как я наполовину глухая, то у меня был еще и послеобеденный обычный сон, чего никогда не бывает. Однако второе отделение — это было уже печально для меня. Три русские оперные певицы с чудесными голо-

сами исполняли романсы и арии из русских опер. Известный русский пианист играл отрывки из произведений русских композиторов. Никогда ранее мы не слышали поктюри Скрябина только для левой руки. В половине восьмого мы были в гостинице. У нас было столько плацов на следующий день, на понедельник, именины сестры. В соборе должны были отслужить Te-Deum* в честь святой Екатерины. Потом мы хотели снова пойти к инвалидам пообедать, побродить по городу до отъезда в шесть тридцать. И все наши плацы рухнули, не *au figure***, а на самом деле ушли под воду. Когда мы встали, то увидели не улицы, а реки, невозможно было высунуть нос на улицу. Я не могла даже сходить за угол, чтобы принести что-нибудь поесть. Таких «сухих» имений у сестры никогда не было. Утром кофе с круассаном. Повторение в 1 час. Маленькая вариация в 5 часов: чашка шоколада с круассаном. Ни одного пирожного. К счастью, около шести часов проливной дождь и ураган стихли, так что мы могли без пакидок добраться до вокзала. Когда мы уже сидели в поезде, я подумала, что мы сели не на тот поезд. Никогда мы в таком III классе здесь не ездили. Мягкие кресла обиты зеленым кожзамомителем, вагон отапливается, хотя на улице и так тепло. Было светло, тепло, уютно. У меня было только одно желание — ехать еще, по крайней мере, три дня, чтобы не возвращаться так скоро в осенное гнездо. Осенное гнездо — этим сказано не слишком много. Думаю, я вам писала, что какая-то оса полетела к так называемому священнику и сказала ему, что моя сестра бегает в 7 часов утра на рынок и продает для своей выгоды вещи, которые *ее* знакомые, по *ее* просьбе, присыпают в *ее* распоряжение для раздачи. Встаётывается имя Достоевского в грязь. Осы укусили. Теперь пришел новый экопом. Очень

* Начало и название католической благодарственной молитвы: «Te Deum [laudāmus]» (лат.) — «Тебя, Бога, [хвалим]».

** фигулярно, иносказательно (фр.).

образован, хорошо воспитан, из нашего общества, интересуется литературой, искусством, — не meno и сплетнями. Хорошо одет. Вот где собака зарыта. Только агенты НКВД хорошо одеты. Шпион, которого послали, чтобы следить за нами. Слишком смешно: что за опасные мы люди здесь для Советов? Осы укусили. У одной пожилой дамы внезапно парализовало ноги. Быть одной в этом доме страшно. Никого, кто бы помог. Ни одной санитарки. Медсестра только лечит, слишком важная, чтобы помогать. Больница не принимает хроников. Одна из более молодых дам прониклась сочувствием к ней, взяла на себя самую тяжелую работу. Спит рядом с ней, полдня находится при ней, хотя у самой есть муж. Все ясно. У большой дамы есть деньги. Следовательно, эта дама хочет сейчас или почью, когда та умрет, обокрасть ее. Осы укололи, укусили.

Не знаю, читали ли Вы в ваших газетах о явлении чудотворной Мадонны на Сицилии, в Сиракузах? Здесь все газеты и еженедельники кричали об этом. Я передаю так, как об этом читала. Двое бедняков поженились. Оп атеист, она наполовину верующая. Жена ожидала ребенка, чувствовала себя очень плохо, должна была лежать в постели. Муж разгневался, стал ругаться, почему жена больше не работает, хотел разбить керамическую Мадонну, которую им подарили на свадьбу, потому что жена молилась перед ней. 29 августа этого года он ругался еще больше, чем всегда, жена плакала, повернула голову к Мадонне и вдруг увидела, что из глаз у нее катятся слезы. Это увидели муж, вошедшие мать и сестра. Они побежали к соседям, те к следующим, через полчаса весь город стоял перед маленьким, бедным домишком. Мадонну положили на окно на подушке, которая вся промокла от слез. Побежали за священником. Мгновенно на площади соорудили постамент, на который священник установил Мадонну. Она плакала три дня,

8 литров слез собрали. Химики сделали анализы, все верно, совпадает с человеческими слезами. И тотчас начались исцеления. Берется клочок ваты, погружается в слезу, трется болевое место, и тут же боль проходит. Первой вылечилась владелица Мадонны. Вторым стал мальчик с парализованными ногами, который сразу же начал ходить. Третьей — старая женщина, которая не видела 18 лет, — стала видеть. Больные раком, туберкулезом, немые, слепые, глухие, парализованные полностью излечивались. За пять дней было зарегистрировано 300 полных исцелений. На площади, напротив, в ратуше, сидят врачи, администрация, полиция. Исцелившегося ведут туда. Врачи его обследуют. Часами спрашивают его самого, его родственников, друзей, знакомых, соседей. Приехал архиепископ, отслужил мессу на площади перед Мадонной, взял книгу учета исцелений и улетел в Рим к Папе. Часть площади окружили оградой, чтобы запускать туда тяжелобольных и парализованных. Вызвали полицию из других городов, чтобы обеспечить порядок. Добавили много поездов. Билеты на самолеты заказывают за несколько месяцев вперед. Машины сутками стоят в пробках перед въездом в город. Каждый день из разных частей света прибывает примерно 70 000 человек. Люди доволны, если удается найти для почлега сарай или курятник, а пет — почуют в поле. Конечно, город с каждым днем становится богаче. Один монах стоит возле Мадонны и принимает деньги, драгоценности, которые приносят. Собрали так много денег, что тотчас стали строить церковь на этом месте. Мадонну называют «la Vierge aux Larmes»*. В каждом, может быть, не только во мне, есть что-то от Фомы Неверующего. Я бы так хотела собственными глазами увидеть эти исцеления. Но обман все же исключен, при этом присутствовал архиепископ, а ведь в противном случае он не

* «Мадонной со слезами (фр.).

полетел бы к Папе. Когда я читала, еще совершалось в день по 2—5 исцелений. На вашем месте, поскольку у вас есть машина, я бы поехала летом в Сиракузы. Существует так много такого, что не может вместить человеческий разум. Например, в последнее время — *soucoupes volantes**. В «Фигаро» полно статей о них. В Америке и Канаде над ними отнюдь не смеются, их воспринимают абсолютно серьезно. Они не миф, а реальность, есть сотни разных снимков. В Канаде основали институт для исследования этих явлений. Ученые воспринимают их как реальность, не будучи в состоянии хоть как-нибудь их объяснить.

Чтобы не сглазить, слава Богу, моя дорогая половина чувствует себя немножко бодрее от сознания, что она могла поехать в Ниццу и там подолгу бродить. Было так прекрасно хоть немножко вынырнуть из нашего болота и глотнуть свежего воздуха. Пустой чайник на плечах на какое-то время начал наполняться чем-то похожим на то, что должно быть в интеллигентной голове. К сожалению, на слишком короткое время. Я уверена, что витамины, которые посылают сестре из Америки — и из Берна от доктора Зутермейстера, — ей очень помогли.

У Вас, наверно, много работы перед Рождеством. С одной стороны, устаешь, но зато больше денег попадает в кубышку. Пожалуйста, передайте самый сердечный привет от нас обеих Вашей милой супруге и поздравления с Новым годом! — Встречая его шампанским (не Советским), дай Бог, чтобы у вас всех был радостный, счастливый Новый год, пусть уходящий старый заберет с собой все болезни.

Пребывающие в постоянной дружбе с Вами две преданные Вам подруги.

Анна Фальц-Фейн
и преданная Вам Е. Достоевская.

* летающие блюда (фр.).

⇒ 21 ⇐

[31 декабря 1953 г.]

Многоуважаемый, дорогой
господин Чезана.

Хотя у нас есть обычай по большим праздникам целоваться, но все же, чтобы ни Вас, ни меня не компрометировать, — а я мысленно целую Вас! — никому об этом не говорите, пожалуйста! Вы гадаете, за что? За томительно прекрасный, запятивший укромнейший уголок моей души календарь, одни из последнейших моих притяжений. Сегодня в полночь мои мысли поспешат к вам обоим и к пенящемуся бокалу в Вашей руке. Не сомневаюсь: Вы были в хорошем настроении у милого дедушки. Его пристрастие к превосходным винам из собственного погреба я от души разделяю!!

С Новым годом!

Обе поздравляем.

Благодарные и преданные Вам

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

7 января 1954 г.

Две божьи коровки* пьют за Ваше здоровье, дорогой господин Чезапа, из венецианского стекла крюшон из шампанского, рейнского, клубники, апашаса. Они чувствуют себя в средневековые, наслаждаясь еще базельскими лакомствами. Наши усики низко склоняются в знак благодарности перед Вашей добротой...

Я, моя голова и кошелек истощены. 16 писем и 19 открыток на варварских языках... 14 писем и 10 открыток на родном языке.

Ваши

*божья коровка Анна Ф.-Ф.,
божья коровка Екатерина Д.*

---

* Здесь обыгрывается рисунок на обороте открытки: пирующие за новогодним праздничным столом две божьи коровки.

→ 23 ←

11 апреля [1954 г.]

Многоуважаемые, дорогие друзья.

Давно я Вам не писала и от Вас получила только одну открытку с дороги. Что ни день, Вы в пути. Когда очередь дойдет до Ментоны? Сейчас самое время, если Вы хотите нас повидать. Каждый день у нас за два. Весна пришла и к Вам, и мы надеемся, что Вы хорошо пережили эту суровую зиму, радуетесь пробуждению природы,нежным подснежникам, крокусам, тюльпанам, гиацинтам, чего нам так страшно не хватает на Ривьере. Вокруг только вечнозеленая растительность. Даже в эту холодную зиму цвели гвоздики, левкои, розы. Меньше чем +1° у нас не было. В нашем имении Гавриловка весной в большом парке я с удовольствием, с радостью занималась хозяйством сама. Кроме акции и терна (говорят, из его шипов был сделан венец для Иисуса Христа), из-за сухого климата никакие другие деревья не растут. Но поскольку парк имел прекрасную ирригацию,¹⁰¹ то у нас были маленькие рощицы — сосновые, березовые, кленовые. Длинная аллея из высоких густых сосен вела к большому озеру. Из различных садоводств у нас образовались богатые коллекции цветущих кустарников и роз, была даже одна совсем зеленая роза, она выглядела отвратительно. В Регенсбурге мы встретили агропома, который посетил наши владения: все деревья и кустарники были острижены, только в одном месте осталось несколько кустов сирени. Одни только чудесный парк в главном имении Аскания-Нова вандалы пощадили, так как основали там опытную станцию. Что говорить о флоре, когда весь род Фальц-Фейнов начиная с 1753 года,

когда Фальц-Фейны переселились из Германии в Россию, был вытащен из склепа, гробы были разбиты, — это значило, что им нужен был материал, — и все кости были выброшены на помойку.¹⁰² До сих пор я радуюсь, что мой единственный, любимый 22-летний сын, герой Первой мировой войны, был по моему желанию похоронен возле церкви. Церковь превратили в кинотеатр и клуб, кладбище уничтожили, но я надеюсь, что его кости остались в земле.

Весьма на Ривьере некрасива. Одно из двух: мрачное небо, почти каждый день дождь либо голубое небо, сверкающее солнце и холодный, резкий ураганный ветер. Это еще хуже. На знаменитый карнавал в этом году приехало намного меньше туристов. Но маскарады следовали один за другим. Вход 5 тысяч фр[анков], souper* без вина 10 тысяч.

В Каннах сейчас, так сказать, «экзамен» фильмов со всего света. Советы тоже там. На фотоснимках очень хорошо одетые, я хочу уже в это верить, радостно улыбающиеся, по моде показывающие все 32 зуба.

Многое происходит в СССР. К сожалению для нас, Маленков намного умнее Сталина, он реалист. Сталин был одержим своей *idée fixe***, не видел опасности для режима. Вы помните, когда Ноев ковчег причалил к Арапату, первое, что Ной сделал, он выпустил маленькую птичку, и всем стало легче дышать. Это делает Маленков. Он понял, что дальше так продолжаться не может, что терпение народа однажды может лопнуть, что народу надо бросить кость. Его политика внутренняя — наше выражение — с лицом, обращенным к народу. В серьезной газете «Монд» мы прочли 13 статей журналиста Шапиро. Он провел в СССР 9 лет. В настоящее время он находится в

* ужин (*фр.*).

** навязчивой идеей (*фр.*).

Америке, где читает лекции в разных штатах. Все, что он пишет, граничит с чудом (не получает ли он за это деньги?). Ворота Кремля широко открыты для любого, без всяких пропусков. Можно осмотреть церкви, предметы старины, парадные залы. Кажется, что Маленков совсем не опасается за свою жизнь. Он ходит по улицам без охраны, стоит в очередях у магазинов, заходит внутрь, слушает, что говорят люди, чем они недовольны, примечает и пытается что-то изменить. Море размыло берег у финской границы, он поехал туда инкогнито, смешался с рабочими, снова слушал, что говорят. Его узнали. Тогда он расспросил рабочих об их жизни, нуждах, бюджете. Инкогнито поехал в Киев, посетил несколько колхозов. Сумел разговаривать так, что крестьяне были с ним совершенно откровенны, не боялись критиковать. Его называют Гарун-аль-Рашид. Его популярность растет с каждым днем. Это была «дамская революция»: «Мы хотим косметику из-за границы, красивые шелковые ткани, модельные шляпы».

Когда Шапиро был еще в Москве, прибыл транспорт с косметикой, духами. Я читала собственными глазами, в «Фигаро», что СССР заказал в Лионе 800 тыс. метров лучшего шелка. В «Матч» были помещены снимки баламаскарада в Кремле под Новый год. Было разослано две тысячи приглашений, половина студентам, рабочим, крестьянам. Сейчас кроме правящей элиты образовалось абсолютно явственно три *класса*. Аристократия, имеющая собственные квартиры и дачи, загородные автомобили, чудесные меха, бриллианты. Они устраивают *soirées**, *five o-clock tea***, *soupers**** с шампанским. Вторая категория — ученые и профессора во всех областях знаний,

* вечера (*фр.*).

** пятничесовой чай (*англ.*).

*** ужины (*фр.*).

художники, артисты, инженеры, врачи. И третья категория — мелкие служащие, рабочие, крестьяне. Всё как и раньше. Всё возвращается. В «Лайф» мы прочли статью об одном американском журналисте, который немного говорит по-русски. У него все время делались круглыми глаза. Ни на границе, ни в Москве у него не спросили паспорта. Но что больше всего его удивило: как будто люди утратили всякий страх, чувствуют себя свободными. В ресторане, в метро, на улице никто его не избегал, напротив, с ним охотно и свободно разговаривали, расспрашивали. Термидор? Революция в революции? Шапиро пишет, что, если только не произойдет чего-нибудь непредвиденного, еще долгие годы войны не будет. Сначала нужно внутри страны все привести в порядок, по возможности дать народу уровень жизни Запада. Для этого нужны многие-многие годы. И армия не вызывает полного доверия. Может быть, народ и будет иметь более легкую и счастливую жизнь. Но для нас новая линия весьма печальна. Был момент при жизни Сталина, когда казалось, что конец большевизма не за горами. Сейчас кажется, что он будет держаться долго, до тех пор, пока сам собой не превратится в другую, смягченную форму, — изнутри страны, конечно; — и вместо России навсегда останется СССР. Во внешних отношениях политическая линия остается неизменной — долой капитализм! — коммунизм во всем мире! Работа Советов приносит плоды. Вы читаете, что происходит во Франции? Вчера в Париже был большой скандал, когда правительство принесло венок погибшим в Индокитае. Манифестанты кричали: «Долой правительство, долой Плевена!», — били их кулаками, оскорбляли, — 25 минут немногочисленная полиция не могла освободить президента и правительство. Они кричали: «Vive le Marechal Juin»*, так как тот против объедине-

---

* «Да здравствует маршал Жюэн» (фр.).

ния европейской армии, как она сейчас называется, требует изменить пакт, выступил с большой речью без разрешения Даниэля. Теперь ему, вероятнее всего, придется подать в отставку. Кто знает, что даст утверждение этого вопроса, и среди больших людей есть много противников. Америка, однако, теряет терпение.

В конце февраля — начале марта мы пережили трудные дни. У сестры было пять сердечных приступов, один за другим. 28 февраля я думала, что потеряю ее. Вызвала врача. Он не пришел, разрешил сестре сделать укол, о чем я ее все время умоляла. Она не хотела этого делать без разрешения врача. Когда-нибудь сестра умрет от страха. У нее просто не будет больше сил выдерживать такие приступы, когда она не может вздохнуть, и которые делятся полтора-два часа. 19 марта у нее был день рождения — 79 лет. Все само собой разумеется, все нормально, но от этого мне не легче. Я от души благодарила Господа Бога за то, что мы еще раз вместе смогли провести этот день.

Утром пришла телеграмма от братьев Зутермайстер. Много очень милых пакетиков. Одна дама из Берна прислала большой альбом с великолепными репродукциями наших икон. В этот день сестре было, слава Богу, хорошо. Она пригласила нашу кузину с подругой, одного милого нового знакомого и одну новую супружескую пару на чай. Супруг — большой артист, чудесно играет на скрипке. Он был профессором консерватории в Петербурге, а после революции — в Праге.¹⁰³ Принес своего Страдивариуса, и у нас был чудесный концерт. Время быстро пролетело, — было очень уютно. Позавчера у нас был большой церковный праздник, Благовещение, — 25 марта. У нас говорят, что ласточки в этот день не строят гнезд. В Симферополе, хотя это были уже большевистские времена, крестьяне сидели сложа руки на коленях, ни за какие деньги не

хотели даже рвать цветы. Это было мое поколение. Молодежь забыла или ей следует забыть старые добрые традиции. Скоро никто об этом ничего не будет помнить.

Пасха, самый красивый праздник в России, скоро грядет. Можно, мы вам обоим, каждому из вас, пошлем три сестринских поцелуя со словами: «Христос воскресе!»

Будем надеяться, что погода в уписоп с колоколами и весенними днями будет радовать душу. Не последнюю роль играет вкус множества красивых тортов и — и жизнепетворной красной и белой родниковой воды...

Желаем Вам после работы прекрасного, веселого пасхального отдыха, чтобы Вы могли подарить семье побольше свободных часов.

Неизменно — Ваши — искренние преданные

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

27 апреля [1954 г.]

Дорогой, многоуважаемый господин Чезана.

Ваше длишнее интересное письмо от 14/IV мы получили, и я восхищаюсь Вами. Вы пишете: Вы радуетесь, как язычник, выкуривая свою первую сигарету после поста. Язычник? Это относится ко мне, а не к Вам. Правда, я не курю, но шоколад заменяет мне сигару и... и... как христианке мне следовало бы воздерживаться от него во все время поста, а... а... я этого не делала только последние три дня! Итак, кто язычник? А Вы в моих глазах очень выросли.

Я с Вами абсолютно согласна, что время летит, как самые быстрые *souscoures volantes**¹, поэтому, я надеюсь, Вы нас извините за то, что я только сегодня благодарю Вас от всей души за Ваше чудесное пасхальное поздравление. Эта познавательная книга со множеством интересных рисунков очень для нас полезна. 22 года за решеткой, отрезанные от всего мира — между нами и остальным миром пролегла пропасть, — мы почти что ничего не знали о новых писателях. Едва ли пять знакомых мне набралось в книге.

Вы жалуетесь на погоду. Мы присоединяемся. Наши зимние пальто продолжают нам служить, и я сомневаюсь, что они скоро отправятся на летний отдых. Лазурный берег превратился в Печальный берег. В пасхальные дни солнце вместе с нами отмечало великий праздник, и Ривьера блестала своей пестрой красотой. Hélas!**²

* летающие блюда (*фр.*).

** Увы! (*фр.*)

Всего лишь один единственный день! Я от души жалею бедных туристов, которые потратили столько денег и сидят в своих отелях. Наверняка, эксперименты с бомбами про-дырявили небеса. Очень жаль, что зимой вы так часто имели дело с лазаретом. Вы все так страшно молоды, и вам должно быть стыдно. Ваш катар горла я сейчас же вылечу. Чайную ложку соды, чайную ложку соли растворить в стакане воды и несколько раз в день прополоскать горло, два-три раза, по-возможности лучше теплой водой.

Поскольку ко всем вам я хорошо отношусь, то вели-кодушно дам еще один совет, как скорее оправиться после болезни и вообще помочь организму оставаться в здоровом состоянии. Натощак принимать сок половины лимона с чайной ложкой меда и в течение дня еще всего лишь две чайные ложки меда. Сейчас это настоятельно рекоменду-ют врачи в Германии, особенно детям. Вы ведь, наверное, знаете, что мед содержит в большом количестве все вита-мины. Одна наша хорошая знакомая, пашего возраста, думала, что не выживет. Она пишет, что это лечение сде-лало чудо, она снова может дышать, двигаться и в хоро-шем настроении. Вы скажете, что Вакх Вам милее, охотно Вам верю, но не могу с Вами согласиться.

Вы восхищаетесь *conférences** отца Рике. Вы забываете, что я глухая и радио для меня не существует. Но не-сколько статей я прочла в «Фигаро» и посылаю Вам вче-рашиню.

Уже поздно, так что спокойной ночи, приятных снови-дений. Самые сердечные приветы шлют две Ваших ста-рых подруги, которые надеются, что Ментона в конце кон-цов Вас привлечет. Чтобы Вы при виде нас не очень

---

* выступлениями, беседами (*фр.*).

испугались, посылаем Вам из предосторожности эти маленькие фото, которые один господин сделал в этом месяце.* Он их увеличил, и мы выглядим точно так, как здесь. Меньше ростом, с палочкой — моя сестра.¹⁰⁴

Искренне преданные Вам

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

28 апреля.

P. S. Сегодня бастуют все пекарни. Я сейчас иду на почути, но говорят, что она тоже бастует.

---

* На обороте одной из фотографий надпись: «Дорогому другу господину Чезана. В залог знакомства! Анна Фальц-Фейн. Род. в 1870. Екатерина Достоевская. Род. в 1875. Ментона. Апрель 1954 года».

22 июня [1954 г.]

Не милые, не добрые, никакие не друзья.

Вы предатель... Кто-то писал, что на Троицу мы получим удовольствие, познакомившись с одним милым господином и одной очаровательной дамой, перестав переписываться с незнакомцами. Отчего Адриатика возымела большую притягательную силу, чем Средиземноморье? У Вас будет отпуск только в следующем году, следовательно, мы останемся не знакомы, так как каждый день у нас идет за десять, через две недели мне будет 84 года, произведите умножение...

Мы действительно огорчены, не Вы... что не увидим Вашей новой машины. — *Месть.*

На Вашей красивой открытке не видно голубей. Верю ли, что они все вымерли от какой-то эпидемии? Для нас животные не подыхают, а умирают, ибо я не сомневаюсь, что у некоторых из них есть душа, но только не у немилосердных москитов. Пожалейте нас, уже три почки, как мы не спим, и всего несколько дней, как погода стала соответствовать календарю. А то мы думали, что на дворе октябрь, и чрезвычайно радовались этому. Трудная задача у Господа Бога — сделать всех людей довольными. Огородники были счастливы, что им не нужно поливать — с зимы дождь лил почти каждый день. В «Фигаро» на днях были помещены веселые картишки:

«La fortune».* Молодой человек с букетом в руке просит руки дочери. Отец спрашивает: «Vous me demandes

* «Фортуна» (фр.).

la main de ma fille? Quelles espérances avez Vous?» — «J'ai un oncle qui est marchand de parapluies»*.

Владельцы гостиниц и магазинов в отчаянии — нет туристов. Зерну нужно солице. Одна семья под Ментоной почти разорена, несчастная. У них очень много пчелиных ульев. Во время цветения каждый день шел дождь, пчелы не могли собрать пектар, у людей нет меда на продажу. А наше желание, чтобы горы исчезли из виду, а мы бы продолжали носить свои демисезонные пальто.

Такие в мире дела.

Только счастливые книготорговцы не зависят от погоды.

Мы получили фотографии двух новобрачных — г-жи Ульрики фон Путткамер и ее мужа.¹⁰⁵ Оба очаровательны, в высшей степени милы. Счастливые, сияющие лица. Я писала, что взаимное понимание еще важнее, чем любовь, которая с годами превращается в любовь-дружбу. Я как раз прочла письмо Гюго к его самому близкому другу Морису и переписала эти несколько строчек: «Se comprendre c'est la raison suprême de s'aimer. Votre esprit et le mien se touchent et se rechauffent, et mêlent leurs ailes comme deux oiseaux dans le même nid. Il y a dans votre âme le même ciel que dans la mienne»**. Не чудесно ли это сказано? Госпожа Ульрика сожалеет, что госпожа Пипер из-за слабого здоровья не может посетить ее гнездышко в Берлине. Берлин! Сколько воспоминаний вызывает это слово! Несколько лет мы проводили зиму в Берлине. Наша 12-комнатная великолепная квартира в аристократическом доме романского стиля, напротив цер-

* «Вы просите руки моей дочери? Какие надежды мы можем связывать с вами?» — «У меня есть дядя — торговец зонтиками» (фр.).

** «Понимать друг друга — это высший способ любить друг друга. Ваш дух и мой соприкасаются и согревают друг друга, и соединяют свои крылья, как две птицы в одном гнезде. В Вашей душе то же небо, что и в моей» (фр.).

кви памяти императора Вильгельма, на Курфюрстендамм, была всего лишь в нескольких шагах от зоологического сада. Тайный советник профессор Гекк, директор, и его семья, были нашими добрыми друзьями.¹⁰⁶ Профессор четыре раза был в Аскании. Во время оккупации его старший сын и наследник Лутц тоже был два раза в Аскании. Он забрал всех животных в Берлин, где они и погибли под бомбами. В их семье было две дочери: Кэт, которая умерла совсем молодой, и Грета, которая вышла замуж за Сименса, и двое сыновей Лутц и Хейнц. Все были такие же маленькие, как мои дети, и почти каждый день приходили к нам и посились по просторным комнатам сколько душе угодно. Домик в зоосаду, где жила их семья, был маленький и комнаты очень тесные. Вот вспоминается большой прием, который мы устраивали у себя. Потолок в столовой представлял собой шатер из цветов. Среди многочисленных гостей был молодой офицер, граф Бисмарк, племянник или внук великого человека. Я видела Лутца в Симферополе. Он произвел на меня очень неприятное впечатление. Страшно высокомерный, гордый, важный, «персона». Убежденный нацист — и я, бедный библиотекарь и библиограф... Он смотрел на меня свысока...

Господин Чезапи! Господин Чезапи! Обращаюсь к вам с колосса-а-альной просьбой! Спасите мою сестру от волнения! Спасите меня от страха, что она заболеет. Вы были так добры, прислав ей книжечку. Она высоко это ценит, книжечка ей очень дорога. Одна из нас дала ее почтить кому-то в Доме, уже давно. Она бесследно исчезла. Сестра *не знает этого*. Я заходила во все комнаты, спрашивала у всех и каждого — ни у кого нет. Если сестра узнает, — она дрожит над каждой книгой, ей принадлежащей, — эта ей особенно дорога, — Боже сохрани, я не знаю, что тогда будет. Я прошу Вас всей душой, сделайте мне подарок ко

дни рождения, будьте так добры и любезны, пришлите нам эту книжечку. Автора я забыла, название звучит так: «L'Europe Russe annoncée par Dostoievsky»*.¹⁰⁷ Только, если Вы сочтете это возможным, надо послать не на наши имена, — сестра не должна знать, — а на имя нашей кузинки:

Frau Valerie Prianischnicoff, Maison Russe
Chambre 12, Menton A. M.**

Не бесстыдство ли это с моей стороны? Я надеялась, что Вы приедете и тогда я смогу Вам отдать деньги, чтобы оплатить книгу, но Вы не приехали... Пожалуйста, извините меня. Мы обе шлем вам обоим самые сердечные приветы. Храните вас всех Господь. Будьте здоровы! К сожалению, не знакомая с Вами Ваша

Анна Фальц-Фейн.

Вы не будете обращать внимания на ошибки. Моя грамматика за Гималаями, а я не сэр Джон Хант, овладевший Эверестом, или Хиллари.

---

* «Русская Европа, предвосхищенная Достоевским» (фр.).

** Госпоже Валерии Прянишниковой. Русский Дом. Комната 12. Ментона. [Приморские Альпы].¹⁰⁸

- 26 -

13 июля [1954 г.]

Вы истиинный, настоящий, добрый друг, многоуважаемый
и дорогой господин Чезана!

Вы не можете себе представить, какой груз свалился с моей души. Благодарю Вас от всей души за этот драгоценный подарок ко дню рождения. Теперь у меня не будет колотиться сердце, когда сестра что-то ищет среди своих книг. Мы судим по себе, и слишком глупо было доверять людям в этом Доме. На днях я пережила нечто очень неприятное. Мой личный кошелек всегда пуст. Мы получаем в Доме 50 фр[анков] карманных денег ежемесячно и 300 фр[анков] на белье, которое я, однако, стираю сама, мы отдаем только простыни. Это небольшие личные финанссы. Но друзья посыпают мне иногда один-два доллара или немецкие марки. 5 июля был мой день рождения¹⁰⁹, и один милый немецкий друг прислал мне 20 марок = 1600 франков. Во время оккупации он со своей частью был в Симферополе в том же доме, что и мы, и павещал нас почти каждый день.¹¹⁰ Моя умная сестра сказала: «Убери деньги». Я этого не сделала, деньги были в кошельке. Была суббота неделю тому назад. Я пошла в церковь и хотела из собственных денег взять немного на свечи. Ужас! Вместо 300 фр[анков] осталось только 200, и 20 марок исчезли. Я сообщила эконому; он сказал, что я сама виновата. И это верно. Иногда, когда сестра ходит гулять, я иду к одной из трех дам, у которых мы только и бываем, сижу минут 10 – 15 с отсутствующим видом или иду вниз за едой; до сих пор я никогда не закрывала

комнату, хотя мы уже замечали, что не хватает ста фр[анков] или почтовых марок, в шкафу — большой коробки с печеньем, которую сестре прислали из Парижа. Мы уверены, что воровка — личность, которая в нашем коридоре делит комнату с баронессой Врангель.¹¹¹ Она бедна; бесстыдно выкачивает деньги из баронессы, позавчера у той пропали 5000 фр[анков]. Купила блузу за 1400 фр[анков], заказала себе красивое платье. Кроме нее есть еще один господин, с виду представительный министр, и одна хитрая, фальшивая чешка, которые не чувствуют отвращения к чужим вещам — пожицам, фруктам, почтовым маркам и тому подобному. И именно нашему коридору досталось это счастье. Извините, если я представлю Вам картину: что же происходит в доме престарелых. Вы писатель, историк, следовательно, все стороны жизни должны Вас интересовать. Недавно выпошу ведро. В коридоре безумный смех. Господин и дама помирают со смеху. И что я вижу? «Господин» — простите, пожалуйста, — тянет за груди обеими руками эту личность — эту воровку — по коридору, и оба смеются, как ненормальные. Сцена из публичного дома, как я это себе представляю. Не удивительно, что большинство не может нас терпеть, мы ни с кем, кроме этих трех дам, не общаемся, ни к кому не ходим, ни с кем не разговариваем. Теперь Вы можете понять, как мы обе завидуем людям, которые живут самостоятельно, ничего не знают о коммунальной жизни, которую мы с таким трудом выносим. Теперь Вы можете себе представить мой ужас остаться здесь одной в таком доме, делить комнату с какой-нибудь кумушкой, извините, публичной девкой или даже воровкой. Выхода нет. Только смерть. Никакой опоры в священнике! Он не священник. Как можно его уважать? Умер один мужчина. Полтора года он тяжко страдал, прикованный к постели. Ни разу, ни разу к нему не при-

шел священник, ни разу не сказал слова утешения. И это называется священник? Насколько иной была наша жизнь в любезном приюте в Регенсбурге у милых монашечек, которые были нам как родные.¹¹² Каждый день я жалею о том, что нам пришлось покинуть Германию. Иначе было нельзя. Сестра шефствовала над 1600 несчастными власовцами за колючей проволокой.¹¹³ Вы ведь знаете, генерал Власов создал маленькую русскую армию, которая вместе с немцами воевала против Красной армии. После сатанинского договора с Рузвельтом все военнопленные должны были быть переданы большевикам, я надеюсь, Господь Бог не простит этого кровавого греха Рузвельту.¹¹⁴ Сестра навещала этих несчастных, утешала, собирала для них подарки. Тогда американцы предупредили сестру, что большевики следят за ней и что не исключено, что ее увезут в Советский Союз. Так что лучше было уехать. Американцы поступили ужасно. Однажды — мы были еще там — они пришли, чтобы отправить 1600 человек в Советский Союз. Сестре позвонили. Она пришла слишком поздно. Собственными глазами она видела 210 уже мертвых людей, которые вскрыли себе вены стеклом. 201 выбросился из окон поезда. Тогда американцы такого не ожидали и на окнах не было решеток. До сих пор Запад не верит, что лучше смерть, чем советский режим. Я хотела, чтобы каждый из великих мира сего смог в течение года пожить там, в качестве советского раба, тогда не было бы колебаний в политике. Преступные колебания, принесшие 210 миллионам смерть или адскую жизнь. Была бы я главнокомандующим на Западе, так это бедствие закончилось бы в 1919 году. С 1917 года в России господствовала полная апартияды, ни следа «военной» дисциплины и, самое главное, страшный голод. Если бы Запад послал во все порты России корабли с зерном, хлебом, продуктами питания, они бы

взяли всю Россию голыми руками. Но Запад, особенно Англия, был чрезвычайно рад падению сильного, опасного, непавистного Северного Медведя. Также и Германия, пославшая в пломбированном вагоне Ленина, чтобы он организовал революцию. Если бы они могли, они бы еще помогли, и вот что мы сейчас имеем.

Лично мы очень довольны погодой, так как очень тяжело переносим жару. Холодная зима и весна, частые дожди. Лета нет до сих пор. Прохладные дни, почти холодные ночи — одно удовольствие для нас. Утром от +12 до +15°, днем +23 — 25°. Голубое небо, холодная вода в море. Владельцы отелей и магазинов в отчаянии, очень мало туристов. Я думаю, не только погода виновата в этом, но и высокие цены. Туристы предпочитают ездить в Австрию, Швейцарию, Италию, где жизнь, говорят, самая дешевая. Совершенно очевидно, что в природе происходит что-то ненормальное. Люди считают, что причиной всему эксперименты с бомбами. Моя собственная теория совсем иная!!! Вы, вероятно, читали, что зимой в Арктике и Северном Ледовитом океане некоторое время было много теплее +4°, тогда как в Европе стояли сильные морозы. Уже давно замечают, что слой льда в Ледовитом океане становится все тоньше, что в Арктике сейчас есть заливы,годные для навигации, которые еще совсем недавно были недоступными. Таким образом, мне представляется, что орбита Земли получила легкое отклонение, сместились, поэтому мы немножко приблизились к Солнцу и его теплу, может быть также, что Солнце тому виной, на котором какие-то « пятна» или «декфты».

Хотя очень прохладно, все же есть муха, которой Вы не знаете, — это москиты и каждое утро нашествие миллионов крошечных муравьев; говорят, их импортировали из Аргентины. Двигаясь прямо, как по стрелке, они тысячами

проникают в комнату, все время их нужно травить порошком. У них феноменальное чутье. Мы живем на четвертом этаже. Когда на стол ставят сахар, сладости или мясо, спи-зу поднимаются миллионы. Нельзя садиться на землю, тотчас тебя покрывают муравьи, они торчат, как иголки. Вся Ривьера от них страдает, особенно плодовые деревья.

Меня совершенно захватила книга, любезно присланная нам господином К. Пипером, — «Дама летит на Дальний Восток»* Элизабет Шухт. Она, должно быть, чрезвычайно умна и образована, вообще очаровательная женщина, и, если можно так выразиться, у нее «легкое» перо, кажется, что ее рассказы слушаешь. Если Вы не читали этой книги, я Вам ее рекомендую. В ней так много рассказывается об искусстве Дальнего Востока и о странах, — книга вышла в 1942 году, — о которых теперь сплошь и рядом пишут на страницах газет.

Слава Богу, здоровье сестры, как здесь говорят, «подвигается». Она глотает витамины, которые ей присылают подруга из Америки и совсем незнакомый врач из Швейцарии. Ее желудок стал несколько разумнее. У меня очень высокое давление, врач, который приходит к нам в Дом, борется с ним самыми разными средствами, которые не помогают. От этого я еще хуже слышу. В Доме, как обычно, ссоры, сплетни, нелюбезные замечания, администрация «гавкает» на нас.

Так как Вы избегаете Ментоны, я посылаю Вашей милой супруге этот платочек, чтобы она, по крайней мере, увидела ментонский национальный паряд.

Еще раз, добрый друг, тысячекратное сердечное спасибо, спасибо за присылку книги, Вашу доброту и предупредительность.

---

* «Eine Frau fliegt nach Fernost» (нем.).¹¹⁵

Мы обе желаем вам всем здоровья, летнего тепла, детям хорошего отдыха после учебной нагрузки, веселых каникул, милым родителям много радости и покоя, богатого сезона.

Две старые преданные Вам подруги

Анна Ф.-Фейн, Е. Д.

Получили ли Вы наши маленькие фотографии?¹¹⁶ Я очень переживаю из-за паводков в Баварии, которую я так люблю.

25 июля [1954 г.]

Дорогой, добрый друг, господин Чезапа.

Мы говорим «протянуть ноги», когда кто-либо отправляется в последний путь на тот свет — вниз (очень часто) или наверх (очень редко). С нами чуть было это не произошло, когда к нам в комнату вошел почтальон с двумя пакетами! Волнение! сердцебиение! потому что мы вовсе не хотели быть ответственны за то, что отец разорит свою семью. В придачу дорогостоящая по весу и числу страниц книга, которая, должно быть, в десять раз дороже по содержанию.

Господин Чезапа, дорогой господин Чезапа! И без этих чудесных подарков я никогда не сомневалась, что у Вас доброе, сострадательное сердце. Вы это доказывали уже достаточно часто. Удивительно то, что Вы проявляете столько любви и участия к двум совершенно незнакомым существам, которые, быть может, совсем не заслужили этого. Прежде чем забрасывать нас такими расточителью дорогими подарками, Вам с Вашим острым умом, который я чувствую, следовало бы самому лично убедиться, с кем Вы имеете дело.

Если бы Вы видели нас в тот момент, когда мы вскрывали пакетики, Вы бы подумали, что видите двух маленьких детей, которые с радостью и интересом осматривали каждую бумажку, обертку. Абсолютно серьезно: мы обнаружили столько интересного, пока добрались до единственного прекрасного базельского лакомства. История Базеля, которой мы не знали, многочисленные маленькие карти-

ки, панорама Швейцарии, которую мы прикрепили к стене, прекрасная корова с букетом цветов между рогами. На один день благодаря Вам мы оказались далеко, далеко от этого Дома. Мы обе очень любим Швейцарию, а у меня так много воспоминаний с ней связано.

Моя дочь, четырнадцати лет, была в Женеве в пансионе мадам Бюге. Я жила поблизости. От скуки я слушала в университете лекции по истории и литературе. Там я приобрела неприятный опыт. У меня были очаровательные, красной эмали с бриллиантами маленькие часы работы Фаберже, величайшего петербургского ювелира. Я хотела отнести их к часовому мастеру, и они были у меня в сумочке. Когда я хотела выйти из аудитории, то заметила, что часы исчезли, возможно, я их уронила, когда вынимала карандаш. Поискала под скамейками. Ничего не нашла. Тогда я сообщила об этом секретарю. Знаете, что он сказал? — «Несколько лет тому назад я бы вернул вам часы, но с тех пор как ваши соотечественники евреи (увы! увы!) посещают университет, сомневаюсь, чтобы мне привнесли часы». Больше я их никогда не видела.

Моему сыну было тогда 12 лет¹¹⁷, он был кадетом и приехал к нам из России на каникулы. Фирма Аккерман составила для нас 6-недельный пешеходный тур. У меня был одометр* (если я не перепутала название), мы ежедневно проходили по 20–25 км. В руках только «Бедекер»**, трость, шоколад, хлеб, лимоны. Рюкзак перевозила альпийская почта, туда, где мы должны были заочевать. Санкт-Мориц или Мортегратглетчер, Ронеглетчер, Сен-Готар и многие другие названия близки моему сердцу. Это было

* Счетчик пройденного пути.

** Популярный путеводитель, многократно переиздававшийся; автор Карл Бедекер.

самое прекрасное время в моей жизни. В виде исключения за эти полтора месяца ни разу не шел дождь. Дорогой господин Чезапа, Вы в самом деле трогательны, и пам не хватает слов, чтобы высказать Вам, как глубоко нас трогает Ваша доброта. Примите нашу тысячекратную искреннюю благодарность.

Погода (к нашему сожалению) стала памного теплее, в комнате + 26°.

Мир не принес радости французам. Они болезненно переживают утрату территориальных владений, но говорят, однако, о «почетном мире», с чем я не вполне согласна. Ясно одно, что коммунисты, так же как и в Корее, победили и ликуют по этому поводу. Я думаю, что лозунг: «Азия — азиатам» — скоро станет фактом. Мне кажется, Ваши познания в географии не особенно велики, потому что обратный путь из Лондона был бы кратчайшим через Ментону. Жаль, что Вы с пами не посоветовались, только мы хотели бы видеть Вас не solo*. Я была глубоко тронута тем, что Вы за мое здоровье выпили три стаканчика вина. Меня интересует, кому Ваш тест принес больше всего здоровья. Я думаю — Вам, так как я чувствую себя не совсем хорошо и собираюсь пойти к врачу (хотя я их не панижу и всегда избегала), ибо врач, который приходит к нам, кажется, не в состоянии мне помочь.

У всех детей во всем мире каникулы, так что, вероятно, у Вас весело. Собственно, мы не знаем точно, сколько у Вас детей, я думаю, четверо? две дочери и двое сыновей? в каком возрасте? Я думаю, одна из дочерей стала уже взрослой девушкой.

Самые искренние, сердечные приветы Вашей очаровательной супруге и Вам, милый добрый друг, — от нас обеих.

---

* одного (*ит.*).

Желаем Вам насладиться летом и весело провести его.
Две преданные Вам и благодарные подруги

Анна Фалыц-Фейн, Екатерина Достоевская.

После той критики воспоминаний Курциуса, которую мы нашли на конверте, они, должно быть, представляют собой нечто совершенно захватывающее и доставят нам большое удовольствие.

-❀ 28 ❀-

28 июля [1954 г.], увы!!

Открытка № 1.*

Милостивый государь.

Вы действительно трогательны, когда думаете о нас, приезжая в Берлин. Случайно ли то, что на открытке как раз винный погребок?

Открытка № 2.

Мы рады, что Вы укрылись в Лондоне. Только великие люди никогда не испытывают волнения в поднебесных сферах.

Я посетила Британский музей, где обнаружила пустой небольшой зал. Я спросила, какой в этом резон. Смотритель объяснил мне, что здесь был саркофаг прекрасной, но ужасно злой и мстительной Египетской принцессы. С каждым, кто только бросал на нее взгляд, происходил несчастный случай. В последний раз двое джентльменов в один и тот же день поскользнулись неподалеку от нее на паркете и сломали себе ноги. Слух разнесся по всему Лондону, и администрация решила поместить ее в подвал.

Я очень люблю королеву, и меня постоянно преследует желание написать ей, чтобы она, если желает счастливого правления, отослала бы эту ужасную принцессу домой. Я уверена, что она этого хочет.

---

* Письмо построено в виде двух открыток: № 1 на французском, № 2 на английском языке.

Вы советуете мне написать ей? Может быть, она пришлет мне милое письмечко или еще что-нибудь.

Я чувствую, у нас много общего. После посещения музея я как паяву увидела, как Вы направились в ресторан, чтобы восстановить мои силы стаканом вина. Я думаю, симпатия к Бахусу связала нас. Не воображайте, что я буду писать Вам каждый день, у меня нет желания разориться!

С дружеским приветом искренне Ваша

Анна Фальц-Фейн.

P. S. Сестра очень, очень благодарна за редкую немецкую марку.

⊕ **29** ⊕

9 сентября 1954 г.

С радостным днем рождения! — Да здравствует он! и пусть живет богато! И на здоровье пусть выпьет одну из этих радующих душу бутылочек, к тому же съест кусочек великолепного праздничного торта с ? разноцветными свечками*, который собственноручно испекла дорогому мужу любящая жена. Две тесно связанные с дорогим по-внорожденным, господином Чезапа, преданные старые подруги, желающие всевозможного счастья,

А. Ф.-Ф., Е. Д.

---

* Под вопросом количество свечей, соответствующее возрасту именинника.

17 декабря [1954 г.]

Высокочтимые, милые, юные друзья.

Слова уже на пороге, как быстро, прекрасный рождественский праздник. От всей души желаем вам всем радостного Рождества в кругу всей вашей семьи. В канун Рождества я увижу вас у пахнущей хвоей, сверкающей елки, услышу ликование детей, радующихся красивым подаркам, почувствую манящий аромат пряников и печенья. Будем надеяться, что погода тоже будет благоприятствовать.

Долгое время мы друг о друге ничего не слышали, но, как я уже не раз писала, вы близки нашим сердцам.

О нас не могу сказать ничего особенного хорошего, что само собой разумеется. Слава Богу, у сестры (не сглазить бы) в последнее время нет сердечных приступов, но с каждым днем она все слабее, даже не хочет выходить на прогулку. Обе мы страдаем от сильного колита, хотя и придерживаемся строгой диеты, это очень выматывает. Думаю, мы проглотили все французские лекарства и выпили все желудочные чаи, ничего не помогает. Кроме того, у меня очень высокое давление. Длительное, месяцами, лечение тоже не помогает. Теперь врач хочет взять у меня кровь. Но мы благодарим Бога за то, что все наши болезни протекают без сильных болей, а это невыразимое счастье.

Как всегда, во Франции беспорядки, особенно политические. Никакого согласия между партиями, одни споры. Боюсь, что глупые французы слова не ратифицируют Парижский договор. Советы делают все, что в их силах, чтобы помешать этому, и число противников с каждым днем

растет. У них один только страх — перед объединением Европы и армий, потому что им труднее попытаться взять в свои руки всю Европу. Идиоты французы боятся 12 будущих немецких дивизий и, кажется, совершение не задумываются над тем, что $4\frac{1}{2}$ млн. + $2\frac{1}{2}$ [млн.] сателлитов каждый день могут наводнить Европу. Добавьте сюда $7\frac{1}{2}$ млн. новых друзей — из Китая. Кайзер Вильгельм II был прорицателем. Вы, пожалуйста, помните его картигу, которую он нарисовал после своего путешествия в Китай, — «желтая опасность», как выражаются газеты. Это вообще вся Азия и Северная Африка. Самые маленькие народы — лилипуты — под руководством Советов хотят стать самостоятельными. Куда только они ни посмотрят — тут правит сатана.

Но весь мир не долго будет страдать. Один аптекарь с Сицилии говорит совершение серьезно, что примерно через 20–25 лет наша планета взорвется. Его размышления кажутся не такими глупыми. Он пишет: «Из-за многочисленных взрывов бомб, реактивных самолетов, радаров распадается огромное множество тяжелых радиоактивных изотопов и проникает с поверхности Земли концентрически в глубь ее, до самой сердцевины, состоящей из железа, никеля и кобальта, и число их будет увеличиваться, и эта сердцевина превратится в гигантский pile atomique*. Когда изотопы с поверхности дойдут туда, — по его подсчетам через 20–25 лет, — будет гигантский взрыв и весь мир превратится в порошок. Он нашел и в Библии пророчество пророка Исаии о том, что примерно около двухтысячного года наступит конец света. Я жалею, что до этого не доживу, как прекрасно было бы внезапно, в одно мгновение покинуть эту обитель печали. Каждый уважающий себя журнал публикует под Рождество страшную сказку. Таким образом, Вы обслужены.

Пока мы не можем жаловаться на погоду, хотя довольно

---

* атомный котел, реактор (*фр.*).

часто идут дожди, по утрам меньше чем +15° у нас не было, последнее время +10°, па солице, как сегодня, +35°, чувствуешь его тепло. Небо и море синие. Целые поля гвоздик радуют глаз. Сообщения о погоде тоже подобают приличному письму. Ментона стала большой деревней, владельцы отелей и магазинов жалуются, что этим летом у них очень плохо шли дела. Ни у кого ни па что не хватает денег.

3 декабря были мои именины, великомученицы Анны. Этот день я провела еще хуже, чем обычно. Был непа-вицкий, утомительный башний день. Четырежды, до и после сестры и себя, мыть ванну, пол дважды! в мои 84 года! А вот именины сестры 7 декабря мы провели очень приятно. Мы не можем забыть, как три года назад пришло 59 человек. Теперь же, если здоровье и погода позволяют, мы едем по приглашению в Монте-Карло. С 2 до 5 мы пили чай у графини Полье,¹¹⁸ русской, а с 5 до 8 были в гостях у наших дорогих друзей, баронов Врангелей. Был прекрасный, душевный вечер. Спустя год, паконец-то, перемена в нашем пустом, однообразном существовании.

Обе, мы шлем Вам самые сердечные поздравления и надеемся, что Вы или Ваша милая супруга напишете четыре длинных листа. Будьте милосердны, письма — единственная наша радость, по крайней мере, издали отчасти разделить жизнь других людей, жить их интересами. Вы не можете себе представить, как ужасно жить в коммунальном доме и притом с собственными соотечественниками.

Еще раз всего хорошего — преданные Вам

Анна Фальц-Фейн, Екатерина Достоевская.

Простите нам эти страшные каракули, не показывайте Вашим детям, а то они мне скажут, что я заслуживаю круглый пуль. Я разучилась писать по-немецки. Я учила грамматику 74 года назад.

- 31 -

28 декабря [1954 г.]

Милые, добрые друзья.

Если книга оформлена красиво, то у нас говорят «как конфетка». Так выглядит Ваша восхитительная книжечка. Поскольку мы принадлежим к XIX столетию, то прослезились, увидев дам в криполинах, господ в красных сюртуках с кружевными жабо, старишую карету, кучера с длинным кнутом... Счастливые, они могли спать спокойно, без черных мыслей. Никаких автомобилей!! им не нужен был, как в Париже, никакой *Préfet de Police*, помимо «Le Silencieux»*, чтобы спасать людей от «depression nerveuse»**, как следствия столпотворения, шума и гама.

Но я не знала, что Вам доставляет удовольствие поддразнить меня. Сто раз я писала, что страстью моей жизни являются путешествия. И вот теперь Вы меня дразните этой милой книжечкой, которая для меня — воплощение басни Крылова «Лиса и виноград». С тоской я буду читать о знакомых европейских столицах. Все теперь от нас обеих так далеко, так недостижимо...

Вы действительно добры, одаривая нас такими рождественскими подарками, и мы от души благодарны Вам за это. Сожалеем только, что мы с Вами знакомы лишь на бумаге.

Еще раз счастливого Нового года. Преданная Вам

A. Фальц-Файн.

Надеемся, что Вы все от души повеселились у Вашего дорогого дедушки и оценили его винный погребок.

---

* префект полиции по прозвищу «Молчальник» (*фр.*).

** «нервной подавленности, депрессии» (*фр.*).

[31 декабря 1954 г.]

Бом! Бом! Бом!
Часы бьют 12!
С Новым годом!

Я получаю удовольствие, видя Вас в этой веселой компании, так же как и Вашу очаровательную черноглазую супругу в центре... Обе, мы желаем Вам от всего сердца, чтобы это стало залогом на весь 1955 год.

Преданные Вам

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

- 33 -

21 января [1955 г.]

Многоуважаемый господин Чезана,
милый, добрый друг.

Ваш манускрипт со средневековым почерком, подобным зернышкам мака, мы получили. Я спрашиваю себя, не пользуетесь ли Вы кисточкой, как японцы или китайцы? Одно мне ясно. Не зря я провела 22 года у большевиков, где, отвечая на сто вопросов анкеты, пускала пыль в глаза. Происхождение? — Из крестьян. Образование? — Три класса начальной школы, и т. д. Так что все Ваши титулы на Вашем почтовом листе ни о чем мне не говорят. Теперь я точно знаю, что Вы не историк, не мастер какого-либо цеха, не книготорговец и т. д., а учитель чистописания в начальной школе. И отнюдь не лучший, так как каждый ребенок должен иметь лупу, чтобы разобрать загадочные буквы, которые Вы изображаете. Думаю, что я уже сто раз писала, что я старомодна, мыслю по-старому, но кое-что в этом бессмыслицном времени я все же ценю, например, пишущую машинку. Это — *en passant**.

После этого вступления я должна сказать, что мы были глубоко тронуты тем, что Вы — когда хлопали пробки и пепна через край бокала скатывалась золотыми жемчужными каплями вниз, — думали о нас и желали нам здоровья, что для нас — высшее счастье. Это было действительно очень мило с Вашей стороны кроме самых близких, родственников, друзей вспомнить двух старых бабушек, которые Вам сердечно благодарны за базельские лакомства, доставляющие нам большое удовольствие.

---

* между прочим, мимоходом (*фр.*).

Мы получили по меньшей мере 25 писем, в которых нам желаю радостного Рождества. Если бы! Одни треволгения и бабские дела. За пять дней до нашего Рождества сестра пошла, как обычно вечером, кормить свою кошку, кота. Это не кот, а собака. Он следует за ней, когда она выходит на прогулку. Когда идет в церковь, он ждет ее полтора часа на заборе напротив. Недавно сестре пришлось погрозить ему палкой — он хотел войти вместе с ней в церковь. Все прохожие на улицах удивляются, что кошка идет следом, как собака. Очень трогательна эта привязанность. Итак, сестра пошла кормить кошку. К счастью, шел дождь, и они остановились возле дома. Вдруг у нее началось сильное кровотечение изо рта и из носа сгустками крови. Она едва смогла подняться наверх, лифт был опять «болен». Компрессы, капли. Почти полчаса она все еще плевалась кровью. Она сразу же очень ослабла. В Доме живет одна русская дама, которая вышла замуж за французского врача. Он сказал, что мы должны благодарить Бога за великую милость. Вероятно, у сестры кровь поднялась к голове, и если бы не это кровотечение изо рта, могло бы произойти ужасное — кровоизлияние в мозг. На следующий день у нее еще немного шла кровь из носа. Это было наше 20 декабря. 22 декабря в 9 часов вечера я пошла к почтовому ящику. Когда я возвращалась обратно, я прошла дальше, мимо двери, миновав еще 5 дверей, к одной очень милой даме, единственной в Доме, с которой мы подружились. Она единственная нас любила. Она была не очень образована, но у нее было золотое сердце, тихая, спокойная, ко всем доброжелательная, мы никогда не слышали от нее дурного слова ни о ком в Доме. Я хотела ей пожелать «спокойной ночи». Она встала, сказала своей очень несимпатичной сожительнице: «Меня восхищает работоспособность госпожи Фальц-Фейн». Лицо было спо-

койным, улыбающимся. В 10 часов она легли спать. В 11 она вскочила и поспешила сама к медсестре Красного Креста, которая привела ее в комнату почти без сознания. До 5 часов — нашего 23 декабря — она пыталась вместе с еще одной сестрой спасти ей жизнь. У нас «чудесный» врач. Он *не* пришел, сказал только, что нужно делать. Я понимаю его. Чего ради портить себе почь? Не все ли равно, днем меньше или днем больше мы живем. В 5 часов дама спокойно уснула навсегда. Она все время была без сознания. Прекрасная смерть, которой можно только завидовать. Когда нам в 8 часов сказали, что она умерла, это было для нас ударом. Мы были глубоко потрясены. У моей сестры исключительно от волнения пошла кровь посом. Позвонили единственному сыну этой дамы в Тупис. Он нежно любил свою мать, два раза приезжал к ней. Он попросил подождать с погребением, 24-го — в наш сочельник, в 12 он приехал. Сидел у нас и рыдал, как малый ребенок. В 2 часа священник, три человека из хора, сын, одна дама, потерявшая своего мужа, и я поехали на кладбище. Похороны произвели на меня тяжелое впечатление. Дождь лил ручьями, мы стояли в воде. После короткой службы (заупокойную молитву прочли в комнате), едва спустили гроб, все побежали прочь, не дожидаясь, пока гроб засыплют землей. Красивые цветы, которые принес сын, вероятно, положили могильщики. Я не могла даже, по нашему обычанию, бросить горсть земли, — вязкая глина по колено.

Только после ужина мы начали прибирать свою комнату к празднику и украшать маленькую, очаровательную сосенку, которую один господин срубил на нашей горе. Это был наш сочельник. 25-го, в Рождество, сын сидел у нас и плакал. Так что Вы можете себе представить, каким «радостным» было для нас Рождество. Уже много-много

лет я испытываю страх перед Рождеством и не люблю рождественскую елку. Слишком тяжкие воспоминания связаны с этими днями.

Мы были в Гавриловке. Моеей дочери было 6 лет. 25 декабря — в Рождество — мы, мой муж и я, поехали в 5 часов к соседям. Когда вернулись обратно, взволнованный фельдшер сказал нам, что у моей дочери температура 40. Дифтерия. А врач жил в 45 км от нас. Можете себе представить, что я пережила, пока он не приехал, — она задыхалась. Я тотчас велела перевести ее из детских комнат на втором этаже вниз, в мою спальню, чтобы уберечь сына от заражения. За пять дней дочь выздоровела. Она скучала. Тогда я велела перенести большую елку из залы в спальню. Игрушки сняли, и она сама уложила их в вату, в коробки, которые убрали на чердак. У нас говорят: «Если Господь Бог захочет кого-нибудь наказать, он отнимает у него рассудок». К ужасу всей прислуги (господа сошли с ума) я распорядилась все сжечь — ковры, подушки, белье и т. д. А этот хлам сохранился. Проходит год.¹¹⁹ 23 декабря. Впервые дети помогают украшать елку. 24 декабря, в наш сочельник, заболевает дифтерией мой сын. Зараза осталась в вате. Проходит год. Мы всей семьей в Вене. 24 декабря, сочельник. Рождественская елка ярко освещена. Много гостей приглашено на ужин. Они пришли. Мы сидим за столом. Мне протягивают телеграмму из Симферополя. Наш любимый, редкостный отец 24-го утром умер..¹²⁰ Теперь Вы понимаете, что с тех пор я каждый год со страхом жду Рождества. А теперь чуть не случилось несчастья с сестрой. И смерть нашей единственной подруги в этом Доме.

Но мы радуемся тому, что Вы могли встретить веселый, приятный праздник вместе со своими родными, что на Крещение Вы провели такой «превосходный», как Вы пи-

шете, вечер. У меня такое впечатление, что Ваша жизнь складывается очень благоприятно. Любимый дедушка, вокруг которого собираются все члены Вашей семьи, это ведь большая радость. Вы путешествуете, можете любоваться самыми красивыми уголками на земле, зимой в горах занимаетесь спортом. Работа, возможно, требует напряжения и порой приносит огорчения, — но у кого в этой обители печали все гладко? Нельзя слишком много требовать. Я только советую Вам, будучи в гостях у Вакха, который очень плохо на многих влияет, если даже у Вас сильная жажда, лучше думать о лимонаде, а не о вине.

Очень, очень жаль, что Вашей юной дочери пришлось подвергнуться второй операции, бедняжечка! — так говорят у нас, она не должна чувствовать себя обиженной, — у нас это ласковое слово. Надеемся, что теперь она будет совсем здорова.

О себе могу сообщить, что со мной произошло чудо. Уже две недели, как курс моего гомеопатического лечения закончился, — не слазить бы, не слазить бы — пика-кого колита! После двух лет диеты я уже попробовала съесть сырое яблоко без плохих последствий. До сих пор меня лечили паллиативными средствами, а этот курс оказался результивным. Думаю, что это лечение повлияло и на мое давление, потому что голова больше не кружится, шум в ушах стал значительно меньше. В целом я чувствую себя лучше. Вчера мы заказали в аптеке этот курс повторно, хочу, чтобы сестра тоже провела этот курс.

У нас стало холоднее, утром было +6°, по днем довольно тепло — un hiver printanier*, как пишут газеты. Но три дня у нас был сильный ураганный ветер, 120 км в час. Душа болит, когда читаешь о страшных наводнениях.

---

* весенняя зима (фр.).

Бедные, бедные люди возвращаются в промокшие пасквиль дома, все пожитки под водой. Как они в такой сырости должны оставаться здоровыми?!

Еще раз благодарю за то, что Вы, с Вашим добрым сердцем, всегда готовы доставить нам радость. Пряники очень красивые, но мы ценим Ваше сердце уже совсем по-другому. А ведь Вы нас никогда не видели.

Много, много самых сердечных приветов Вашей милой супруге от нас обеих. Будьте все здоровы и пусть хранит Вас Господь. Этого Вам от всей души желают две старые подруги

*Анна Фальц-Фейн,
преданная Вам Екатерина Достоевская.*

8 апреля [1955 г.]

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!*
Христос воскресе!

Обе, мы желаем Вам от души радостью Пасхи, при хорошем самочувствии, ясной солнечной погоде. Вы уже достаточно насторпелись от плохой погоды. Позвольте Вас и Вашу милую супругу, каждого из вас, трижды от души расцеловать, по нашему старишому обычанию. Ведь мы все сестры и братья во Христе. Надеюсь, что Вы имеете удовольствие видеть всех своих детей дома. Тогда вдвойне весело. Собираетесь ли Вы опять куда-нибудь отлучиться? Из серых городских стен выберетесь на природу? Особенно весной поет сердце, тоскует по Родине. Я вспоминаю о первых скромных подснежниках, маргаритках, примулах, о божественном чуде, потрясающем пробуждении природы, которое каждый год наблюдаешь с удивлением, с восхищением. Эта театрально-великолепная природа нам абсолютно чужда... Зима была очень мягкой, розы цвели, никакой разницы с весной, все вечнозеленое. Только очень часто шел дождь. Пишу это слово и вспоминаю о том, чего мы ни разу ни в одном приюте в Германии не переживали. Шел дождь. Мы отправились в церковь. Когда мы вышли оттуда, дождь перестал. Чтобы помочь сестре, я взяла ее зонтик под мышку. Мы прошли через маленький церковный садик, три ступени на улицу, три шага по улице. Сестра остановилась у ограды, перекрестилась. Спрашивает меня: «Мой зонтик у тебя?» Я подтвердила. Гля-

* В тексте оригинала написано по-русски.

жу, зонтика нет, вероятно, он выскользнул у меня из-под мышки. Все поиски оказались напрасными. Зонтик сказал «прощай» навсегда... Заметьте, люди выходили из церкви, где они все-таки молились...

19 марта сестре исполнилось 80 лет. Думали ли Вы о том, насколько дольше живут теперь люди? Наши бабушки и дедушки, даже родители уже в 40–50 лет были стариками. Дамы носили чепчики, тихо, уютно сидели с вязанием в руках. Господа курили папиросы, никуда не собираясь бежать. А сейчас я зинаю дам, которые в свои 70–75 лет в декольте до зари весело танцуют. До самой смерти большинство остаются «молодыми». В мои почти 85 лет я (не слазить бы) тоже остаюсь «молодой». Не смейтесь, я чувствую себя совсем не старой. Это чудо совершила медицина, санитарные условия. Читали ли Вы, что в СССР слишком «мало людей для грандиозных планов»? Скоро там люди будут жить 150 лет. По приказу? По желанию нового диктатора Сталина–Хрущева — все должны жениться в 16–18 лет, — это касается молодежи: из патриотизма каждая семья должна иметь по крайней мере троих детей... Новое испытание. Слишком много разных служащих. По приказу тысячи людей были уволены с работы и посланы в Сибирь осваивать новые, целинные земли. Людей, которые никогда не имели дела с землей, никогда не держали в руках лопаты. Условия жизни адские, палатки, слишком мало и передко никаких продуктов питания. Даже комсомольцы бастуют, ропщут, убегают оттуда. Читали ли Вы также, что все иностранцы, посетившие СССР, как и выслаанный из Москвы amer[иканский] католический священник, утверждают, что религиозный подъем среди населения очевиден. Даже солдаты, молодежь, комсомольцы посещают церкви, исповедуются, венчаются, крестят детей. Большевикам не удалось уничтожить душу народа.

У нас был чудовищный ураган, итальянская Ривьера пострадала еще больше, чем французская, особенно порт Генуи. В Ментоне разрушена большая часть бульвара. В Ницце вода покрыла Английский бульвар на 35 см выше тротуара. Волны были 15 м высотой. У нас, т. е. как раз в Ментоне, было два маленьких толчка, которых мы не заметили, все думали, звук идет от взрыва.

Как видите, мы еще живы. Но с Нового года у нас одни огорчения и неприятности. Я прочла, что один из американских миллиардеров ежедневно имеет 1000 долларов, и подумала, что бы ему или им стоило ежемесячно посыпать нам по 150 д[олларов], с тем чтобы мы хоть напоследок смогли обрести покой и убежать из этого — уже не осипого гнезда, а от ядовитых змей. Скоро это наступит, 2 места ждут нас на кладбище. Сестра очень слаба. Дважды ей становилось очень плохо. Сердце, давление были в норме. Врач говорит, что она, так сказать, умирает от голода, ослабленности. Не удивительно. Годами картошка, макароны, рис, постные супы. Ни фруктов, ни овощей, ни молока, ни яиц и т. д. Из-за желудка она боится есть, организм совсем не получает витаминов. К сожалению, те, что мы получили из Америки, кончились. Само собой разумеется, наша главная болезнь — наш преклонный возраст.

Вчера у нас был большой праздник — Благовещение, когда ласточка не строит гнезд. Раньше крестьяне в этот день сидели, сложа руки на коленях, никто не продавал даже цветка, никто не готовил. После службы в церкви целый день женщины пели, в деревнях все сидели на завалинке возле своей избы.

Мы обе шлем Вам тысячу самых сердечных приветов и пожеланий, сожалеем, что не можем этого сказать Вам на словах, почему Вы избегаете Ментону? Замки во Франции ведь тоже очень интересны.

Храни Вас всех Господь. Мы надеемся, что Ваша бедная старшая дочь теперь совсем здорова. Две преданные и никогда не забывающие Вас старые подруги

*A. Фальц-Фейн
и Екатерина Достоевская.*

[Без даты]

Не хлебом единым...

Человек жив не хлебом единым, по
красотой и гармонией, правдой и добротой,
трудом и досугом, любовью и дружбой,
стремлением и усердием.

Не хлебом единым, по блеском звезд
ночного небосвода, сияньем утренней зари,
смешением красок на палитре заката,
нежной красотой магнолий, великолепием гор.

Не хлебом единым, по величию воли океана,
отражением лунного света в тихих глазах озер,
серебряным бегом стремительного горного потока,
изящной конфигурацией спекинок среди зимы.

Не хлебом единым, по тихим щебетом птиц,
шелестом ветра в ветках деревьев, волшебными
звуками скрипки, грандиозной торжественностью
собора, освещенного мягким светом.

Не хлебом единым, по благоуханием роз,
ароматом померанцевых цветов, запахом свежего сена,
рукопожатием друга, нежным поцелуем матери.

Не хлебом единым, по лиризмом поэтов,
мудростью философов, набожностью святых,
примером великих душ.

Не хлебом единым, по товариществом и опасными
приключениями, поисками и открытиями, взаимной
помощью и взаимной привязанностью.

Нет, человек жив не хлебом единим, по преданностью
в молитве послушания Святому Духу и исполнением
Божественной Воли отныне и во веки веков.

У.П.

Я уверена, что Вы оцените эту чудесную поэзию, паш
дорогой друг! Что сказать о нас? Сестра чувствует себя
неплохо. Внезапный сердечный приступ посреди улицы в
Ментоне. Я чуть было не упала в обморок под машины.
Переутомление. Я слишком много тружусь физически.
Без конца. Мое протестующее сердце говорит мне: отдох-
ни под голубыми небесами. А я не осмеливаюсь. Я, веро-
ятно, переживу сестру, у которой чрезмерная слабость.
Будьте любезны, не зевайте во весь рот. Когда Вам будет
85 лет, Вы нас поймете. Мы надеемся, что у Вас все будет
хорошо, что весна, тепло справятся со всеми болезнями.
От всего сердца — всяческих успехов Вашей славной дип-
ломированной Сестре Милосердия. Я бы охотно пошла на
ее место на любых условиях. С глубокой привязанностью
к Вам и Вашей милой супруге. Преданная Вам — до ка-
ких пор? —

Анна Фальц-Фейн.*

---

* В оригинале текст письма — по-французски.

→ 36 ←

9 сентября. 1955 г.

Сегодня, насколько я помню, Ваш день рождения!
наш дорогой, не будучи знакомым, друг.

Мы обе искренне сожалеем, что не можем поздравить Вас лично и, чокнувшись с Вами, выпить бокал шампанского за Ваше здоровье. Пожелать Вам долгих лет жизни при отменном здоровье. Всегда возникает этот проклятый денежный вопрос. Возраст, хотя и библейский, не помешал бы нам на самолете прилететь к Вам и Вашей милой супруге.

Наконец-то, я думаю, впервые могу сообщить нечто радостное. Месяц тому назад моя сестра получила собственноручное письмо от ее сына Андрея из Ленинграда. Мы не могли поверить своим глазам, когда увидели его почерк и подпись. Правда, письмо адресовано не ей, по это все равно. Он писал в Оксфорд мистеру Спэлдингу,^[21] который умер два года тому назад. Его вдова вместе со своим письмом переслала письмо Андрея, очень коротенькое. Он спрашивает, знает ли мистер С[пэлдинг], где находится его мать; если он знает ее местожительство, то просьба переслать ей эти строки с тем, чтобы она написала ему. За долгие годы он получил от нее только одну почтовую открытку из Парижа. (Сестра посыпала письмо, три открытки, я — две. Так как ни разу не получили ответа, мы перестали писать, из опасения навредить ему.) Какое счастье, что Андрей сохранил адрес мистера Спэлдинга! Какое счастье, что сестра смогла при жизни узнать, что ее сын жив. Если в самом главном — завоевать Европу и построить коммунизм во всем мире — ничего не измени-

лось и, пока существуют большевики, эта цель навсегда останется твердой и неизменной, — в мелочах железный занавес все же приподнялся. Письмо Андрея — тому доказательство. Кажется, что он больше не боится, что его примут за шпиона, потому что он завязывает отношения с заграницей.¹²² В «Фигаро» мы прочли, что Интурист приглашает любителей охоты из-за границы для охоты за Уралом. В настоящее время Интурист организует для советских рабов поездки в Польшу. Чуть позже — в Финляндию и Швецию. Еще позднее — во все страны. Конечно, эти «советские туристы» будут коммунистами или прореволюционными людьми, не такими, как Андрей, но уже счастье — знать, что он жив. Сестра написала ему в осторожных выражениях о нас, нашей жизни, природе. Только одно мы изменили: вместо «Maison Russe»* мы написали «Maison des Vieux»** и дали такой адрес. Пусть они там думают, что мы живем во французском доме. Ведь мы здесь контрреволюционеры, предатели, змеиное гнездо. Раз Андрей написал, мы должны ему посыпать только простые письма, не заказные и не авиа, я боюсь, что его письмо из-за советских марок потеряется. Ведь советские марки никогда не купишь, это ценная девиза. Но что меня глубоко потрясло, так это та роль, которую играет в жизни сестры мистер Спэлдинг. Они никогда не виделись. Она только знала через него и нашу подругу проф. Елизабет Хилл в Кембридже¹²³, что он большой почитатель Достоевского. Исключительный человек. Его душа обнимает человечество. Можно насчитать сотни и сотни тех, кому он протянул свою готовую к помощи руку, — людей и организаций. Когда кончилась война, сестра написала ему, чтобы он помог ей найти Андрея. Полтора года он его искал

* «Русский Дом» (фр.).

** «Дом престарелых» (фр.).

через посольство Англии в Ленинграде — и нашел. Мистер Спэлдинг написал ему и получил в ответ длинное письмо. Это было единственное письмо Андрея, которое дошло. Он писал, что его мобилизовали¹²⁴, 3 года он защищал Ленинград¹²⁵ и закончил войну в Мукдене. Как чудо, нашел свою жену и дочурку¹²⁶, которые были эвакуированы из Ленинграда, на Волге¹²⁷. Живет в Ленинграде, в прежней своей квартире.¹²⁸ Там же было фото его дочери Татьяны, винтики моей сестры, хорошенькой девочки. Мы высчитали, что сейчас ей 15 лет. И вот — *во второй раз* — из далеких, высоких небесных сфер мистер Спэлдинг опять отыскал Андрея. Ведь письмо было адресовано на его имя. Проф. Карташев, наш ближайший друг, знал мистера Спэлдинга лично, бывал у него, говорит, что это был праведный, настоящий христианин. И я не сомневаюсь, что он молил Бога, чтобы моя сестра получила это известие, успокоившее ее. Знаю, что Вы будете радоваться за нас.

Сестра чувствует себя относительно довольно хорошо. К сожалению, не могу сказать этого о себе. Неудивительно, ведь 5 июля мне исполнилось 85 лет. Так сказать, юбилейная дата. Этот день я буду долго помнить. В 8 часов, большая редкость, я получила телеграмму от одной милой швейцарки из Берна, чуть позже дружескую бандерольку со множеством сладостей. Но это еще не «le clou» — гвоздь программы, как мы говорим. Едва я вымылась, делаю одно быстрое движение — веселый перезвон! Литровая бутылка алкоголя, которую я купила только вечером, — вдребезги, на тысячу осколков... Ползаем обе, собираем крошечные осколочки. А потом литром алкоголя я вымыла весь пол, от окна до двери... В голове легкий шум — опьянение... Повар сказал, что это к счастью — разбить что-либо в день рождения. Как жаль, что эти строчки придут с опозданием и Вы упустите возможность разбить что-

либо, например, бутылку шампанского. Вы думаете: это все? В обед я варила машную кашу с шоколадом. Стою. Мешаю. Входит наша кузина. Стоим. Беседуем. Она уходит. Я возвращаюсь к моей каше. О ужас! Большой мраморный умывальник — наш кухонный стол, стена, потолок на два метра вокруг заболели черной оспой. Все покрыто клейкими, сладкими коричневыми пятнами! Вероятно, каша была обижена, что я ею пренебрегаю, и старательно плевалась. Я думаю, потолок (плюс умывальник и стена) были тоже не в восторге, что через три часа мне пришлось их спаса побеспокоить. Думаете, у нас испортилось настроение? Уже давно мы так не смеялись. К сожалению, однако, дождь (тоже хорошая примета) разрушил все наши планы. Карташевы пригласили нас на ужин. Там нужно было есть что-то несусветное, какого-то зверя, они называли его курицей. Мы забыли, что это такое. Я могла только вспомнить, что в Советском Союзе по праву говорили, что жизнь курицы в тысячу раз дороже, чем человеческая. Это была чистая правда.

С 12 августа стало очень, очень жарко. Мы больше не можем выносить жару. Нечем дышать. Невозможно уснуть. С отвращением (извините за отвратительное слово) косимся на еду.

Сезон был посредственным, как и туристы. В большинстве своем немцы. Владельцы магазинов несчастны. У всех хватает денег только на дорогу, покупок никто не делает. Владельцы гостиниц и пансионатов жалуются, что новая мода — camping* — приносит большие убытки.

С тоской я ожидаю прохладных осенних дней. Собственно говоря, осень — самое лучшее и приятнейшее время года на Ривьере, которое вы оба, к сожалению, к сожалению, избегаете.

---

* кемпинг, лагерь для автотуристов (*фр.*).

Надо надеяться, у вас у всех все хорошо, все были здоровы и у каждого были прекрасные, по душе, каникулы. Поскольку вы все молоды, то это само собой разумеется. Мы обе от души поздравляем новорожденного. Всех благ и всяческого счастья до следующего года желаю Вам две Ваши старые-престарые русские подруги.

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

Мы уже давно не получали ни писем, ни даже открыток от милой госпожи Пипер¹²⁹ и боимся, что она совсем больна.

16 октября 1955 г.

Многоуважаемый, дорогой друг,
господин Чезан.

Мы от всей души радуемся, что наконец-то будем дружить лично. Надо надеяться! Но одно условие. У Вас в Базеле, совершило определенно, есть этнографический или исторический музей. Пожалуйста, сходите туда. Разыщите зал, где находится мумия. Посмотрите на нее. Запомните черты. Это непременно нужно. Наше честолюбие очень бы пострадало, если б мы увидели, после того, как вы вошли в комнату, что Вы делаете два шага назад... на 150 лет.

Потом я должна Вас предупредить. Вы едва ли услышите мой голос. После недавнего гриппа слух у меня много ухудшился. Я могу говорить только на бумаге. В качестве компенсации сестра покажет Вам все фотографии Дост[оевского] и даст пояснения.¹³⁰ И еще одно. Мы начиная с 4 часов visible*. Утром, до обеда, так много работы!! После обеда до 3 часов сестра, которая очень слаба, спит в кресле. Несколько дней тому назад нас посетила одна очень милая гостья. Еще в прошлом году нас павестила очаровательная дама, швейцарка, она живет в Санкт-Галлене, а теперь она снова приезжала — не мило ли это? Чтобы повидать двух таких старых дам, она провела пять дней в Ментоне, и каждый день, два раза в день, обременяла себя!! У нас прекрасная погода, утром +17°, на солнце до +48°, небо синее, на солнечной стороне солнце даже слишком жаркое.

---

* принимаем гостей (фр.).

Недавно в «Фигаро Литерер» была статья: «A Leningrad chez Raskolnikov»*, в которой пишут об Андрее, сыне моей сестры. Он повел французов в дом, где жил Достоевский, и показывал им город.¹³¹ Еще там было написано: «maigre, pâle, une veste bien fatiguée»**... Потом сестра получила большое письмо от него. Оно шло всего десять дней, это ответ на ее письмо. Лучше, много лучше было бы, если бы она ничего о нем не слыхала. Она уже привыкла ничего о нем не знать. Содержание письма нас потрясло. Сначала 5 лет на фронте в тяжелых боях танкистом.¹³² В 1942 году он был ранен.¹³³ Наследственность Достоевского в Андрее развилась в крайнюю первозданность. 5 лет войны. Лишения, усталость, вообще с детства хрупкое здоровье. После войны, которую он закончил в Мукдене, получил на первой почве язву желудка. Худо-бедно, кажется, язву вылечили. И вдруг в прошлом году с ним случился удар... левую сторону парализовало. А ему только 47 лет! Пришлось оставить фабрику, где он работал инженером-конструктором, он стал педагогом.¹³⁴ Этим летом он провел отпуск в лесу. Охота с двумя любимыми собаками доставила ему много радости.¹³⁵ Но, поскольку мы понимаем, здоровье его подорвано. Вы отец, так что можете себе представить, как у нас болит душа.

Вы так добры, что спрашиваете, не нужно ли нам чего-либо из лекарств. Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы привезли нам опий. Наш запас из Германии скоро кончается, а во Франции врачи не хотят его выписывать.

Итак, дорогой господин Чезана, до скорого свидания? Надеюсь — и с Вашей милой супружкой. Мы уже заранее радуемся. Снова луч света в нашем пустом бытии.

* «В Ленинграде у Раскольникова» (фр.).

** «худой, бледный, в сильно поношенной куртке» (фр.).

Мы живем на самом верху, комната № 42, последняя комната перед лестницей справа. Наш квартал называется Cornales, *Chemin Gorbio* (не *Route** Gorbio), недалеко от гостиницы «Александра». ¹³⁶

Множество сердечных приветов всей вашей семье.

Преданная Вам

A. Фальц-Фейн.

---

* *Chemin, Route* — дорога (фр.), близкие синонимы.

- 38 -

Отель «Орлепок»
Ментона

15 ноября 1955 г.

Моя дорогая, я провожу восхитительный вечер здесь в «Орленке» в обществе г-жи Фальц и г-жи Достоевск[ой]. Жаль, что я тебя с трудом попимал по телефону, но я счастлив, что <прзб.> до возвращения. Тысяча милых приветов.*

Мы глубоко тронуты тем, что Ваш милый, душевный муж проделал этот длинный, утомительный путь, чтобы увидеть двух престарелых дам. Но были страшно разочарованы тем, что не имели огромного удовольствия познакомиться лично с Вами, дорогая госпожа Чезана, и от души обнять Вас.

Искренне преданные Вам

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

---

* Эта часть текста на открытке, адресованной г-же Мете Чезана, написана рукой А. Чезана. Последующий текст — рукой А. Н. Фальц-Фейн.

Суббота. 19 ноября [1955 г.]

Многоуважаемая, дорогая госпожа Чезана.

Я охотно сказала бы Вам «дорогая фрау Мета», но я этого не люблю. После чудесного, освежающего визита Вашего очаровательного супруга мне представляется, что Вы нам стали намного ближе. Когда я увидела, я повторяю, Вашего очаровательного мужа, первые слова были: «А Ваша супруга?» В этот момент я забыла, что у Вас два маленьких мальчика, Андрей и Эдмунд? или другое имя? — которых Вы не могли оставить.

Хорошо, что нам не 18 лет, а то мы собрали бы весь свой *charme** и попытались бы завоевать Вашего мужа, — конечно, каждая для себя, — но... но... труд был бы напрасен. Его сердце, его мысли каждую минуту с Вами. Теплота, с которой он говорил о Вас, многочисленные телефонные звонки — уже тому доказательство. Господин Чезана — редкий супруг. К сожалению, я пишу это, исходя из нашего опыта.¹³⁷

Словами мы не можем верно передать свои чувства. Выражение: «это было трогательно», что ваш муж предпринял такое ужасное путешествие, чтобы доставить огромную радость двум незнакомым старым дамам, — звучит слишком слабо. Это был согревающий луч солница, дуновение ветра из другого мира.

Ваш милый супруг был сама доброта. Он был так заботлив, так внимателен, особенно по отношению к моей сестре, что я стала почти ревновать. Но это мой жребий с

---

* шарм, очарование (*фр.*).

тех пор, как я оглохла в результате взрыва бомбы. Сестра может беседовать, я совсем не могу, потому что не слышу ответа. К сожалению, я стала статистом в жизни и могу Вас заверить, что это не доставляет удовольствия, когда каждый, возможно, думает: «Как она глупа». Мы никогда не забудем приятный, как в незапамятные времена, вечер в «Орлеке». Всякий раз, когда мы будем проходить мимо этого дома, мы будем вспоминать об этих часах из прежней жизни, далекой от современности. Это был след прошлого. Говоря совершение откровенно, мы испытывали сильные угрызения совести из-за того, что Ваш дорогой супруг потратил так много денег, эта мысль нам очень неприятна, особенно ввиду ужасного, утомительного путешествия. Что мы можем сказать о «базельской плитке шоколада»? В Петербурге был знаменитый шоколадный магазин Крафта,¹³⁸ по ничего подобного по вкусу там не было. А еще больше пришлись нам по вкусу лекарства, которые Ваш муж привез — был так добр — моей сестре. Думаю, что только витамины и поддерживают ее.

Светит солнце, море, небо бирюзово-синие, но стало довольно холодно, сегодня утром только +4°, при этом пропизывающий северный ветер.

Милый, добрый друг, господин Чезана, мы Вам от души благодарны за ту огромную радость, которую Вы нам доставили, и ту доброту, которую Вы проявили по отношению к нам. Для нас это был настоящий праздник — познакомиться с Вами и почувствовать в Вас человека с добрым сердцем, душевного, искреннего. Пусть хранит вас всех Господь и пусть подарит вам много счастливых лет жизни в добром здравии.

Преданная Вам и благодарная старая подруга

Анна Фальц-Фейн.

[19 ноября 1955 г.]

Многоуважаемый, дорогой господин Чезан!

Вы доставили нам своим милым визитом необычайную радость! Мы сердечно Вас благодарим и будем помнить это Ваше пребывание у нас, к сожалению слишком короткое, — как и чудесный вечер в «Орленке»!

Печально, однако, что мы живем так далеко друг от друга! Сомнительно, что Вы еще раз павестите нас, возможно, только в том случае, если Ваша очаровательная супруга захотела бы посетить Ментону?

Мы уже так стары — каждый месяц идет за год!

Надеюсь, Вы благополучно добрались домой и нашли всех своих близких здоровыми?!

С самыми искренними пожеланиями и самыми сердечными приветами вам обоим — преданная Вам и благодарная

Екатерина Достоевская.

21 декабря 1955 г.

Многоуважаемые, милые, добрые друзья.

Уже пахнет королевой праздника — стройной, прекрасной елкой, медовыми пряниками... дети в приподнятом настроении, бедная, милая хозяйка дома не знает, за что взяться... Рождество стоит на пороге. В сочельник наши мысли будут витать над вами и смотреть на ярко освещенную рождественскую елку (падо надеяться, будут гореть свечи, а не ужасные электрические лампочки), — видеть радость детей, нашедших под елкой то, что им принес младенец Христос... почти напрасно мы желаем вам радостного Рождества, это само собой разумеется, когда вокруг веселье и смех, на душе становится тепло и радуешься, как ребенок. Но на пороге и серьезный таинственный праздник — Новый год, который всегда винушает беспокойство, хотя с бокалами шампанского в руках пытаются смотреть на мир через розовые очки. Главное, чтобы — дай Бог — все вы были здоровы и бодры, чтобы желания ваши исполнялись (мои 85 лет учат меня тому, что падо быть скромнее в желаниях, чтобы не испытывать разочарований). Пусть Новый год принесет миру покой ?!? Верится с трудом. Мощный колосс не стоит больше на глиняных ногах, но на прочном пьедестале из стали и гранита. Запад даже не будет пытаться сбросить его. Наш добрый друг, проф. Карташев, пишет: «Ужасно — кролик загипнотизирован боа, у него нет сил защищаться, даже шевельнуться». Другой друг пишет: «Мы летим в пропасть». Не смейтесь. Для меня в «х» году останутся только три силы — Америка, СССР, Китай.

Огромное спасибо за милые письма от вас обоих. Надеюсь, что оба малыша уже хорошо отдохнули. На Рождество всякое недомогание, даже чихание запрещено.

Господин Чезана!! Когда мы читали описание Вашего обратного пути, — у нас волосы вставали дыбом! Я была уверена, что Вы опытный путешественник, избороздивший весь мир, теперь я больше так не думаю. У нас были три брата Зутермейстер, господин Ruetsche¹³⁹ и совершенно спокойно вернулись домой. Думаю, Вы выбрали не самый правильный путь. В самом деле, я не могу поверить, что для того, чтобы из Ментона добраться до Базеля, нужно потерять несколько килограммов и хорошее расположение духа, посмотреть фильм, подкрепить свои силы, провести бессонные ночи... Поскольку все это Вы перенесли ради нас, мы очень сконфужены и ставим Вас в один ряд с рыцарями из старых, добрых времен... с одной лишь маленькой разницей — тогда рыцари сражались за красивые глаза дам, а Вы, чтобы увидеть двух безобразных библейского возраста бабушек, претерпели столько неприятностей, так что Ваше преимущество как рыцаря и налицо. Служащие воздушных пассажирских линий уже второй месяц бастуют. «Фигаро» пишет, что миллиарды, потерянные Эр Франс, лежат в чужих карманах. Что Вы скажете о двух цирковых клоунах, поживающих лавры? Я уверена, что Юлий Цезарь никогда не имел такого грандиозного приема...¹⁴⁰ Но, по слава тоже грандиозная. Я остаюсь при своем мнении, что все эти крестьянчики в Кремле умнее, чем весь Запад, вместе взятый. Эти еще держатся за принципы, а те — простите за выражение — пллюют на все, что мешает им и их непреходящим целям.

Сестра получила второе письмо от сына. Оно шло всего 6 дней. Слава Богу, его здоровье, кажется, поправилось и он уже не такой безнадежный.¹⁴¹ Он пишет о грандиоз-

ных приготовлениях к 75-летию со дня смерти Достоевского.¹⁴² Союз писателей создал комиссию из 35 человек, которая должна разработать программу торжеств. Председатель — поэт Сурков, писатель, академик, публицист, критик, профессор, заместитель министра образования и культуры и т. д.¹⁴³ Кроме того, созвали коллегию из докторов филологии, писателей, критиков, представителей государственного издательства «Гослитиздат», а также театров — Малого и Маяковского, Художественного и т. д. Они должны подготовить к печати 10–12 томов. В книжных магазинах *огромная* очередь желающих подписатьсь на это собрание сочинений Достоевского.¹⁴⁴ Отдельными изданиями уже вышли «Братья Карамазовы», «Бедные люди», «Подросток», «Преступление и наказание» (не знаю, как по-немецки название)*, которые разошлись за несколько дней. Издание? Издательство? Не знаю этого слова** — был 200 тыс.¹⁴⁵ Музей Достоевского в Москве, который основала Аниша Григорьевна, — тогда она собрала 5½ тыс. экспонатов, — расширили, «чтобы наш народ и туристы могли поближе познакомиться с великим писателем»¹⁴⁶. Улицу, на которой находится музей, переименовали в улицу Достоевского.¹⁴⁷ Памятник ему работы великого скульптора Меркулова*** реставрируется.¹⁴⁸ Для театра перерабатывают в драму «Идиота», инсценируют «Игрока» и «Дядюшкин сон».¹⁴⁹ В Ленинграде Академия художеств устанавливает две мемориальные доски. Одна на доме, где Достоевский умер, другая — на доме, откуда его увезли в Петропавловскую крепость и сослали в Сибирь.¹⁵⁰ Московский музей поручил Андрею, — ведь он единственный

* В оригинале письма: «Verbrechen und Strafe»; общепринятый перевод на нем. яз: «Schuld und Sühne».

** Тираж.

*** В тексте ошибка: Merkulov. Правильно — Меркуров.

пый внук, — осмотреть все места, связанные с Достоевским, и его могилу в Александро-Невской лавре и, если нужно, произвести ремонт.¹⁵¹ Андрей получил приглашение от музея приехать на юбилейные торжества и выступить с докладом. Он пишет, что если здоровье позволит, он поедет и будет говорить об Ане Григорьевне как о жене, помощнице и верном друге¹⁵²... Мы называем это «чудеса в решете». Я называю это: Достоевский воскрес после 37 лет остракизма. Когда я работала в Центральной библиотеке в Симферополе, Достоевский был в «карантине» — в чулане. Когда кто-либо спрашивал его произведения, я должна была испросить разрешение у начальства. В читальном зале стояли бюсты разных писателей, за исключением Достоевского. Нигде нельзя было увидеть или купить его портрет.¹⁵³ Кремль не имеет ничего общего с этим «воскресением», его там ненавидят за религиозные взгляды. Все происходит от общественного — всеобщего мнения, так же, как еще многое другое. Люди устали задыхаться. Как при звуках дальнего, дальнего грома. Они хотят сделать глоток свежего воздуха. В страшном концлагере в Воркуте заключенные подняли восстание, которое было зверски подавлено. Но кровь лилась не напрасно. Кремль испугался. С тех пор многое в лагерях изменилось к лучшему. Я не верю в возможность войны. Кремль и советская аристократия живут как цари и князья, любое желание исполняется, им слишком хорошо живется, чтобы они не боялись все потерять. Они абсолютно точно знают, что война уничтожит и их тоже.

Мне Вас поддразнить? Утром у нас от +9 до +13°, па солнце до +38°. Великолепно цветет мимоза, так же как и розы. Небо, море бирюзовые. Появилось уже несколько туристов, прибывших на Рождество. Большие приготовления к карнавалу в Ницце... Да, хорошо иметь солнце на

Лазурном берегу, если только твой «дорогой» ближний не отравляет тебе жизнь.

Но кончаю.

С Новым годом!

Полную чашу счастья желаю!

Мы очень рады, что познакомились с Вами, дорогой друг, господин Чезана, надеемся, однако, получить возможность и огромное удовольствие принять у себя и Вашу очаровательную супругу. Две старые, искренне привязанные к Вам подруги

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

Прошу Вас, в дальнейшем печатайте, пожалуйста, письма на машинке.

Рождество. 1955 г.

Дед Мороз пайдет к Тебе дорогу, он паверняка не забыл Тебя, дорогой Чезапа младший. У него и прекрасные кни-
ги для Тебя, ибо Ты уже ученый маленький человек. Будь так добр, передай эту маленькую книжину закладку доб-
рой, милой маме. Тебя от души целуют из дальней дали
две старые бабушки.

Анна и Катя.

Рождество. 1955 г.

Дорогой Андрей,

Смотри! Ангел выбирает Тебе красивые подарки и Ты будешь весьма рад, когда обнаружишь их под чудесной рождественской елкой.

Две бабушки целуют Твои красивые щечки.

Анна и Катя.

24 декабря 1955 г.

Огромное спасибо за очень красивые снимки, дорогой друг, господин Чезана. Мы обе выглядим вполне оживленно. А теперь большая просьба! Мы пошлем две из четырех фотографий — те, где каждая сидит отдельно, большие, Андрею в Ленинград, а так хотелось бы иметь еще две — каждой из нас, одна для нас, другая — она умоляет об этом — нашей кузине.¹⁵⁴ В этом нет никакой спешки, если у Вас будет время после всех праздников, пожалуйста, только большие. Надеемся, Вы сдержите слово и выпьете один глоток сегодня, в сочельник, за наше здоровье. Вам придется немножко подождать, мы выпьем за здоровье всей Вашей семьи только 7 января, это наше Рождество. *Dinde du Reveillon** уже на столе перед Вами.

Множество приветов и пожеланий вам обоим Ваша

A. Ф.-Ф.

Сердечные спасибо за чудесные фотографии! Преданная Вам

Екатерина Достоевская.

---

* Рождественская индейка (*фр.*).

3 января 1956 г.

Многоуважаемый, дорогой друг, господин Чезана.

От всей души благодарю за исполнение моего рождественского желания! Художественный календарь доставил мне много, много радости. Этот год високосный. От него нельзя ожидать ничего хорошего. Но я надеюсь, что прежде чем отсылать его вам, Вы своим добрым сердцем над ним поколдовали. Не так ли? Мы также надеемся, что из этой бутылки* Вы выпьете глоток вина за наше здоровье. Мы ответим Вам взаимностью 1/14 января. Так как мы принадлежим к XIX столетию, это будет наш Новый год...

От всей души многократно приветствует вас обоих преданная Вам

A. Фальц-Фейн.

P. S. Получили ли дети нашу посыпочку?

---

* Обыгрывается рисунок на обороте открытки.

- 46 -

5/18 января [1956 г.]

Многоуважаемый господин Чезана.

Мы очень радовались фотографиям, и очень Вам благодарны за труды. Мы, и не только мы, находим, что мы выглядим вполне живо.

На этой открытке Вы можете узнать наше местопребывание — Cornales. На первом плане католическая церковь св. Жозефа. Немного подальше, возле санатория, слева, можно различить купол нашей церквушки. Большое белое здание, отель «Александра», Вы ведь знаете, находится недалеко от нас.

Сегодня вечером большая праздничная служба, завтра день Богоявления. После литургии в церкви освящают воду, — каждый уносит с собой бутылку до следующего года, а потом приходит в дом священник с хором и опрыскивает каждую комнату святой водой. С благодарностью преданная Вам старая подруга

Анна Фальц-Фейн.

Я совсем разучилась писать по-немецки.

[Без даты]

Многоуважаемая, дорогая госпожа Чезана!

Вы настолько подробно описали, как вы отмечали Рождество, что мы его отметили вместе с вами и прямо-таки видели блестящие глаза детей. Если Вы или Ваш дорогой супруг будете нам писать, пришлите нам стихотворение о младенце Христе. Мы наш Новый год, как и подобает нашему возрасту, встретили в благочестии. До 12 читали из Евангелия молитвы. Постарались накрыть на стол так, чтобы он выглядел как рог изобилия, чтобы, по крайней мере, в этом отношении было не хуже. Справа стояли фотографии наших покойных близких, каждый год в эту почту они с нами на нашем столике; слева — живые — только один Андрей. Больше у нас нет никого в целом свете.¹⁵⁵ У нас замечательный ликер, — мы его тоже пили за Ваше здоровье, — нам его прислала из Регенсбурга добросердечная начальница, не трогательно ли это? Мы уехали из ее дома еще в 1947 году.¹⁵⁶ Будем надеяться, что Н[овый] г[од] будет для всех нас благоприятным.

Со множеством искренних пожеланий Ваша

A. Ф.-Ф.

21 марта 1956 г.

Христос воскресе! милые, добрые друзья.

Примите самые искренние наши поздравления к радостному празднику Пасхи. Надо надеяться, этот день порадует вас солицем и теплом. Мы потеряли надежду, что дождемся весны. Холодно, очень ветрено, каждый день идет дождь.

До сих пор удивляюсь, как вы вспомнили, что у сестры был день рождения. Это было очень мило с вашей стороны — доставить ей радость, такое бывает печасто. Напротив, в этом Доме, который мы теперь еще большие непавидим, у нас были совершенно особые, тяжелые, удушающие неприятности. Настроение схоже с погодой. От Андрея ни строчки, хотя он обещал тотчас же описать торжества, посвященные Д[остоевскому].¹⁵⁷ Сестра думает, что ему запретили ей писать. Все возможно, как падение Сталина и его изгнание из Мавзолея. Надеемся, что вы все здоровы, и большие и маленькие будут радоваться каникулам, только у бедной доброй мамы будет полно работы. Всем шлю три сердечных поцелуя по нашему обычай.

Ваша старая подруга

А. Ф.-Ф.

[21 марта 1956 г.]

Мой драгоценный и добрый друг!

Я не могла поверить своим глазам, что Вы, будучи таким занятым, не забыли о моем дне рождения!! Ваши драгоценные поздравления дали мне возможность надеяться, что в мой следующий, 82-й, день рождения я буду иметь огромное удовольствие видеть Вас здесь — в Ментоне!!? Как хорошо, что Вы видели Ментону в ее блеске, но если бы Вы приехали в декабре или январе (в этом году), Вы были бы разочарованы: снег покрыл все цветы, особенно огороды бедняков пострадали. Кто бы не пришел в отчаяние, если бы погибли все его овощи! Сейчас стало теплее, но иногда мы вынуждены надевать теплые пальто и платья, а наша грелка для головы — «Смириофф» — должна была хорошо согревать, когда нам случалось совсем замерзнуть. С наилучшими пожеланиями Вашей милой супруге и Вам

Ваша старая подруга

E. Достоевская.*

---

* В оригинале письмо написано по-английски.

Суббота. 7 июля [1956 г.]

Дорогой, верный друг, господин Чезана.

Это нечто!! Путешествующий по всему миру, восхищающийся сотнями белых, желтых, черных красот, он все-таки вспомнил о старой, уродливой бабушке!! Вы унаследовали галантность кавалеров XVIII столетия, которые, не показывая вида, любезно наклонялись над желтыми, жесткими, костлявыми руками, чтобы их поцеловать, как если бы это были нежные, розовые пальчики. Ваша телеграмма явилась как гром среди ясного неба, так же как и две красивые открытки, и они глубоко нас тронули. Своей памятью Вы меня «переплюнули» (советское выражение). Было так мило то, что Вы прислали нам — к тому же почью!! — привет с берегов Ментоны. Вы не представляете — сестра таскает в сумочке открытку с большим красивым пароходом и показывает ее не только знакомым, но и в каждом магазине, и — к моему ужасу — даже кассиру в банке! Вы не можете себе представить, какие глаза он при этом сделал. Облегченное «Ах!» выдохнула я всей грудью, когда на телеграмме увидела обозначение «Базель», потому что у меня в мозгу застрял, как кошмар, этот диалог белого туриста с черной поварихой, — может, с Ямайки? или из Колумбии?

« — Как вас зовут? — спросила она.

— Зачем вам мое имя? — спрашивает он.

— Затем, что я должна поставить имя в меню».

Я уже хотела написать Вашей милой жене и спросить, есть ли у нее в сотой телеграмме или в телефонном разговоре хорошие вести от Вас.

К сожалению, мы не можем обойти отель «Орленок», и всякий раз мы грустим о том, что наша очная дружба была такой короткой и что повторение висит в воздухе как сон, как мечта. Две старых подруги шлют вам обоим самые сердечные приветы, старшая завидует Вашему чудесному путешествию, о котором мы хотели бы узнать подробности.

Ваша Анна Фальц-Фейн.

6 сентября 1956 г.

Гип! Гип! Ура! Да здравствует дорогой господин Чезана! Да здравствует господин Чезана с женой и детьми!

Пожелание к дню рождения от двух старых подруг.

Мы уверены, что многие дружеские визиты, подарки, изысканная еда и столетия, покрытая пылью бутылка из винного погреба папы создадут блестящее настроение. Жаль, что нас нет рядом.

Душевно Ваши

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

14 декабря [1956 г.]

Многоуважаемый, дорогой друг.

Всего хорошего и доброго в грядущий прекрасный рождественский праздник и в загадочном Новом году Вам и всему Вашему милому семейству — здоровья, чтобы Вы забыли дорогу к больничной постели и не отягощали заботами свою любимую жену.¹⁵⁸ Я надеюсь, поскольку у Вас всегда так много работы перед праздниками, что Вы находитесь уже в книжном магазине. Мы можем протянуть друг другу руки. Со здоровьем у моей сестры неплохо, но, к сожалению, из-за склероза сосудов мозга она совсем потеряла память. Есть такая притча. Начался ураган. Мощный, сильный, солидный дуб сломался. Нежная, слабая береза уцелела. Относится это к нам?

У меня давление — 24. Думаю, у Вас говорят 240. Это очень много и опасно. Два врача меня предупредили, что я в любой момент могу получить удар, кровоизлияние в мозг. Много крови у меня откачали. Страха смерти у меня нет ни малейшего. Но из-за сестры на душе груз в сто пудов. Я живу как в кошмаре. Такая беспомощная, какая она есть, без меня она пропадет. Я должна поторопиться послать ее сыну в Лен[инград] документы, портреты, фотографии Д[остоевского], несколько книг о нем. Это могу сделать только я одна.¹⁵⁹ Из-за легкого гриппа я уже десять дней в постели, для давления это хорошо. Конечно, моя тяжелая физическая работа годами — стирать все наше белье, мыть пол, окно, все прибрать, вычистить, побегать по лестнице (лифт почти всегда «болен»), то есть в день пройти примерно 900–920 ступенек и еще сделать сто

других дел: 4 раза привести еду, вынести ведро и т. д. — все это в моем возрасте (сейчас мне 86 с половиной лет) чересчур. А со слабым здоровьем сестры ничего нельзя было и сейчас невозможно поделать. Никто в Доме не может помочь. Сейчас одна женщина за деньги приносит еду, моет посуду, выносит ведро. Сестра подметает пол, я, конечно, встаю помочь возле кровати, варию для нее каши. Так у нас обстоят дела. Не удивляйтесь, что я Вашу милую фотографию отсылаю обратно. Так я делаю со всеми фотографиями наших друзей. Я не хочу, чтобы они попали в чужие руки. Уже три месяца, как я написала адреса на открытках, наклеила марки и передала нашей кузине здесь, в Доме, чтобы в случае моей смерти она всех оповестила.¹⁶⁰ На всякий случай даю Вам ее адрес. Возможно, Вы захотите узнать, что стало с м[оей] бедной с[естрой]: Frau Valerie Prianischnikoff. Maison Russe, Ch.14, Menton, A. M., France*. В Доме две сенсации. Одна милый господин, очень тихий, деликатный, он во всем помогал священнику в алтаре, на прошлой неделе вдруг сошел с ума. Вторая сенсация. Новая дама жила в Ницце. Она довольно часто ездит туда продавать свои вещи. Вчера у нее кто-то ?? украл 3 тыс. фр[анков] — и сегодня 5 тыс. фр[анков]. Из сумки, она лежала на столе, 8 тыс. фр[анков]!! Дама хотела вызвать полицию с собакой, священник-директор не разрешил: позор для Дома!! Не сомневаюсь, что вор тот же самый, который украл у меня из сумки 20 немецких марок и немного позже тысячу фр[анков]. Рассказывают, что он служил в ГПУ, был шпионом. Ничего удивительного, что у него масса дорогих, очень красивых рубашек. В Ницце, в отеле, он убирал комнату. Полагают, он имеет связи с Союзом. Да! Союз на высоте!

* Госпоже Валерии Прянишниковой. Русский Дом, комн. 14, Ментона, Провинции Альпы, Франция (фр.).

Наш народный поэт Некрасов написал поэму: «Кому на Руси жить хорошо». Я несколько изменил название: «Кому в целом мире живется хорошо?» Только двоим: Булганину и Хрущеву. Все великие мира сего проводят бессонные ночи, не знают, как им нужно ласкать, ублажать кровожадного зверя, чтобы он не проглотил их, делают реверансы вместе с ООН, не знают, что им делать, — а те двое — после обильного ужина с водкой — спят спокойно, как новорожденные младенцы. Они знают, что никто не отважится напасть на них. В случае, если кто-нибудь поднимет мизинец, — в мгновение ока Европа и не только Европа — все будет как червяк растоптано. Проф. Карташев каждый день повторяет: сатана правит миром. Во Франции, возможно Вы читаете и французские газеты, я думаю, и в Англии не павидят Эйзенхауэра. Его обвиняют в Суэцкой истории. Оба государства на следующий день после национализации хотели высадить туда войска. Эйзенхауэр был против. Тогда не было бы Суэцкой истории с нефтью и бензином. Но ведь возмущались, — и я еще как!! — когда он на большом заседании ООН отдал свой голос врагам — СССР, Египту и т. д.!! Они правы — не хочешь идти со своими Allies* — молчи, но не голосуй все-таки против них.

Лето было не слишком жарким, только один авг[уст] мес-сяц. Я думала, не выдержу. Осень была чудесной, солнечной, теплой, безветренной. Уже много дней как погода у нас фе-номенальная: утром +12°, днем на нашем подоконнике до +40°, да, +40°. Во всех садах цветут розы. Очень, очень тепло... Топят в Доме каждый день, но только вечером — с 6 до 10. При такой погоде тепло, но в прохладные дни мы уже дрожали. Мазута у Франции нет — импорт. Много по-вых людей, но мы ни с кем не общаемся. Наше настроение черно, как ночь. Да и как может быть иначе?

* союзниками (фр.).

А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевская
с румынским лейтенантом Монтенуано.
Симферополь. 1942

Е. П. Достоевская с портретом сына Андрея.
Симферополь. 1942

А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевская
с немецким лейтенантом Банером.
Симферополь. 1942

A. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевская.
Ментона. Апрель 1954.
Эта фотография была послана А. Чезана
в письме от 27 апреля 1954 г.

Е. П. Достоевская и А. П. Фальц-Фейн в парке.
Ментона. Сентябрь 1954

Екатерина Петровна Достоевская.
Ментона. 15 ноября 1955
Фото А. Чезана

Анна Петровна Фальц-Фейн
Ментона. 15 ноября 1955.
Фото А. Чезана

А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевская с неизвестной
около подсобного корпуса *Maison Russe*. 1955

N. 3167

ANNE

CATHERINE

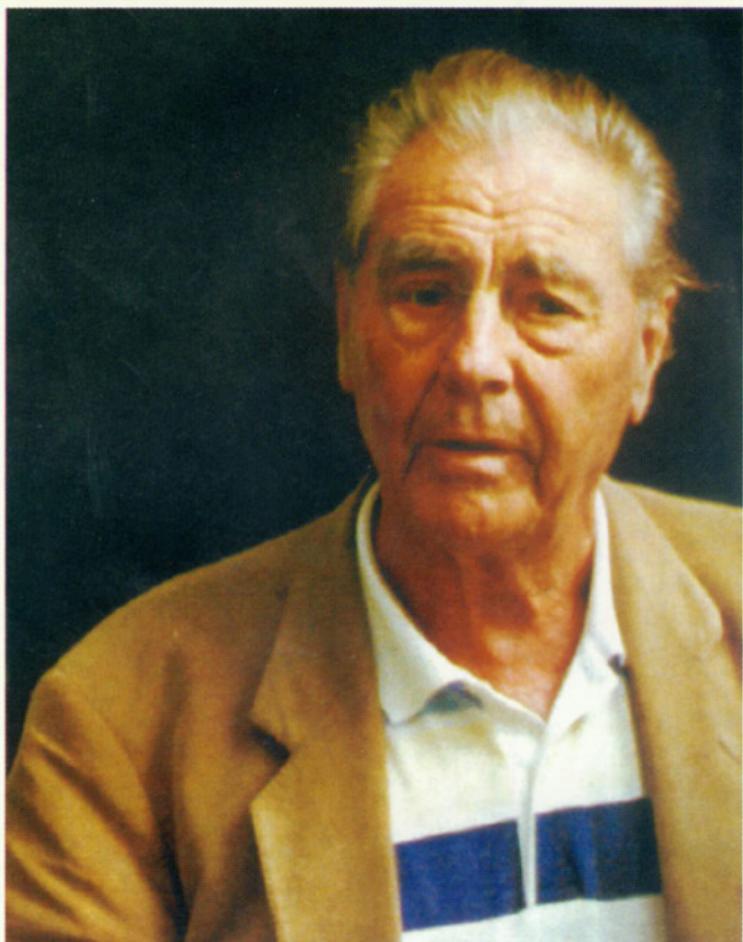
DE FALZ-FEIN

DE DOSTOEVSKY

22.6.1870 - 15.5.1958

6.3.1875 - 3.5.1958

Надгробие А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевской
на городском кладбище в Ментоне

Барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн

Памятник на могиле летчика-героя Первой мировой войны
А. А. Фальц-Фейна в Аскании-Нова, поставленный в 1996 г.
его младшим братом Э. А. Фальц-Фейном

Могила Любови Федоровны Достоевской, дочери писателя,
на кладбище в Больцано (Италия)

Барон Э. А. Фальц-Фейн
и Д. А. Достоевский, правнук писателя,
на вилле Аскания-Нова (Вадуц, Лихтенштейн). 1990

Барон Э. А. Фальц-Фейн и Н. Т. Ашимбаева,
директор Музея Ф. М. Достоевского в Петербурге. 1997

*В. Г. Безносов берет интервью у барона Э. А. Фальц-Фейна.
Санкт-Петербург. 1997*

Барон Э. А. Фальц-Фейн знакомится с работой
по подготовке книги "Письма из Maison Russe".
Слева директор издательства "Акрополь" Л. Е. Миллер,
справа Б. Н. Тихомиров. 1998

Перед глазами — картина. Одна дама, 61 год, две недели назад утром месила тесто. Вдруг руку и ногу парализовало. Ее перевели в больницу. Через два дня она, не приходя в сознание, умерла. Как же мне не торопиться со всеми делами? Еще много, много самых искренних пожеланий здоровья, всегда быть веселыми, деятельными, не много подзабыть вкус вина.

Не говорите детям, что я их милые рисунки вернула. И еще раз: побольше счастья в Новом году. Мы обе приветствуем вас обоих от всего сердца.

Две старые подруги

A. Ф.-Ф. и Е. Д.

11 января [1957 г.]

Милый, добрый друг.

Мы из-за Вас обеспокоены, потому что Вы не написали, что у Вас болит и по какому поводу Вас должны оперировать? Мы просим Вашу милую супругу сообщать нам о Вашем состоянии. Прошло 9 дней после операции, и, надеемся, скоро Вы будете дома совсем здоровым. Этого мы обе желаем Вам от всей души. Мое давление, после того как у меня взяли столько крови, упало с 24 до 19. Чувствую себя, слава Богу, лучше, но моя бедная сестра уже три дня в постели, сердце не хочет работать. Большое, большое спасибо за милую бандерольку. Швейцарский шоколад великолепен. Солице светит, очень тепло, розы и мимозы в полном цвету. Вам следовало бы на пару недель приехать сюда, чтобы основательно отдохнуть. Для нас это было бы большой радостью.

Самые сердечные пожелания от двух подруг

A. Ф.-Ф., Е. Д.

Этот готический собор прекрасен, весь как будто кружевной.*

---

* Принеска на обороте открытки с изображением собора Санкт-Петер в Регенсбурге.

18 февраля [1957 г.]

Многоуважаемые, дорогие супруги.

Ваше письмо от 16/I меня искренно обрадовало и нас обеих успокоило, дорогая госпожа Чезана. Слава Богу, что неожиданная операция прошла так хорошо и что дни беспокойства и страданий позади. Надеемся, что теперь Ваш дорогой супруг чувствует себя совсем хорошо, снова деятелен и радуется жизни и наступающей весне и в основном снова здоров. Операция была пелегкой, по господину Чезана должен радоваться, что освободился от своих камней — где он их столько набрал? Теперь вы оба должны приехать отдохнуть на Ривьеру, скоро наступят веселые дни карнавала. Из-за недостатка топлива Господь сжался над нами. До сих пор у нас не было ни одного зимнего дня, следом за осенью пришла весна, очень тепло. Дни солнечные, меньше +8° по утрам у нас не было, и очень часто термометр на нашем подоконнике показывал +40°.

Розы, апельсины, нарциссы и другие цветы в полном цвету. Золотые купола мимоз чудесно смотрятся на фоне голубого неба. Да, Господь подарил человечеству так много прекрасного, но, к сожалению, все народы и каждый отдельный человек всегда стараются отравить жизнь своему — «дорогому» — ближнему. К сожалению, я пишу, исходя из нашего опыта. Никто из тех, кто живет отдельно, не может себе представить, как это трудно — жить в коммунальном доме.

Обеим нам не очень хорошо. Само собой разумеется, в связи с нашим преклонным возрастом. Сестра моя очень

слаба, та же история с желудком. Она не выходит больше на прогулку. У меня высокое давление, голова кружится, особенно утром, очень часто. У меня взяли много крови. Хороших вестей из Ленинграда от сына моей сестры тоже не имеем. Ему не вылечили желудок и язву 12-перстной кишки, и у него опять сильные боли. Мы переписываемся очень часто, он присыпает иллюстрированные журналы — одна пропаганда и ложь.

Маленькая просьба, дорогой господин Чезапа. Может быть, у Вас остался лишний художественный календарь, теперь его уже никто больше не купит, а нам Вы доставили бы большую радость, если бы были бы так добры прислать его нам. Картинки такие красивые, и с каждым днем становишься умнее.

Надеемся, у всех детей, маленьких и больших, все идет хорошо. Я так хорошо понимаю, дорогая госпожа Чезапа, что Вы по пальцам считали дни, когда Ваш муж вернется из больницы обратно домой. Самые сердечные приветы и наилучшие пожелания больше никогда не заходить ни к врачу, ни в аптеку шлют обе преданные Вам старые подруги

Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская.

17 марта [1957 г.]

Милый, добрый друг, господин Чезана.

Вы нас очень обрадовали, и мы сердечно благодарны за желанный прекрасный подарок. Как жаль, что Вы с Вашей супругой не вручили его нам лично. В душе мы всегда надеялись, что после тяжелой операции Вы позволите себе отдохнуть в этом мягком климате. Солнце, тепло — лучшие доктора, а в этом году у нас была редкая зима, вообще не было зимы, была весна с буйством цветов. Это было из-за недостатка топлива, т. е. мазута, настоящей Божией милостью. Много туристов прибыло на карнавал в Ниццу, и никто не может пожаловаться, что потратил зря деньги.

Мы надеемся, что Вы такой же здоровый, веселый и полный жизни, каким мы узнали Вас при знакомстве. Мы так часто думали о Вашей любимой и любящей жене: какие тяжелые дни ей пришлось пережить! Вы оба действительно голубиная парочка. О нас ничего хорошего сказать не могу. Главная болезнь — это наш преклонный возраст. Послезавтра сестре исполняется 82 года. Так что нужно только быть благодарным Богу, что (не сглазить бы) у нас нет страшных болезней.

Одна из моих личных болезней — политика — до сердце-биения. Я бы сама охотно застрелила господина «Х» и Эйзенхауэра. Оба ведут нас к третьей — и последней войне. Как я могу быть спокойной при этой кричащей несправедливости? Да! Я буду «кипеть» до последнего вздоха.

Пожалуйста, пришлите хотя бы открытку, как здоровье у всех вас, включая милых маленьких художников.

Многочисленные самые сердечные пожелания благополучия шлет очень преданная Вам

Анна Фальц-Фейн.

[Без даты]

Многоуважаемый, дорогой друг, господин Чезапа!

А ведь это был милый сюрприз — Ваши искренние и добрые пожелания к моему дню рождения! Я благодарю Вас и очень тронута, что Вы вместе с Вашей милой супругой таким образом подумали обо мне. Надеюсь, что у вас всех все в полном порядке и вы хорошо себя чувствуете?! С лучшими пожеланиями и приветами от нас обеих.

Преданная Вам

E. Достоевская.

13 апреля 1957 г.

Радостной Пасхи, доброго здоровья, приподнятого настроения и теплой погоды от души желаем мы обе малым и большим и по нашему обычаю сердечно целуем всех трижды. Открытка абсолютно русская. Во время 12-часового почного богослужения вокруг церкви трижды обходит такая процессия*. Хор поет торжествующими радостными голосами «Христос воскресе». На столе наша традиционная «баба» с барашком и розами и из творога, сметаны, масла, яиц, сахара «сырная пасха». Только воспоминание об этом на открытке. У нас совсем не было зимы, с лета все время весенние дни. Со здоровьем у моей бедной сестры пухорошо, и это тяжелым грузом лежит у меня на сердце. Мысли наши часто с Вами, дорогой друг, господин Чезапа. Да защитит вас всех Господь.

Ваши искренние старые подруги

*Анна Фальц-Фейн,
Екатерина Достоевская.*

---

* На обороте открытки с надписью «Христос воскресе!» изображены пасхальный крестный ход и пасхальный стол.

29 апреля [1957 г.]

Милая, добрая, заботливая голубиная парочка.

Очень трогательно было спросить, чего бы мы хотели? У вас обоих столько забот, и все же вы находите время подумать о своих верных, старых — в мафусаиловом возрасте — друзьях. Это действительно бесподобно! Что нам ответить? Вы ведь знаете, как невыносимо капризен диктатор — желудок моей бедной сестры, как она слаба. Всегда только что-нибудь легонькое, питательное. Может быть, какао? Говорят, какао питательно. Или легкое печенье, наподобие мини-бисквита. Ничего жирного или шоколада с орехами и миндалем, как нам иногда посылают. Но лучше всего было бы летом увидеть вас снова — на этот раз вас обоих. К сожалению, мы не в СССР, где, как кажется, изобрели эликсир жизни и люди будут жить теперь до 150 лет. Alas!* Здесь у нас нет таких средств, так что долго ждать вашего желанного приятного визита мы не можем. В последнее время у моей бедной сестры иногда непонятные приступы, лицо становится белым как мел, она вся холодаает. Плохо с сердцем при таких приступах не бывает, но всякий раз я думаю, что она умирает, и сердце обливается кровью, особенно когда она уже дважды едва слышным голосом со слезами пропищала: «Моя бедная, бедная, я тебя покидаю». Вы легко можете себе представить, что я чувствую. Последний раз она сказала, что это идет от желудка. Конечно, нет. Мое твердое убеждение — она постепенно умирает от голода. Ни один орга-

* Увы! (англ.)

низм не может выдержать такой многолетней голодной диеты: тапиока, рисовая каша, картошка, один сухарь в день, немного постного супа. Более 25 лет она не ела ни фруктов, ни овощей. Я даю ей витамины, которые нам прислали из Америки: 18 ампул для питья. Печень, лошадиные гормоны, железо. Я их приняла и, слава Богу, чувствую себя много бодрее, а особенно сейчас мне нужно намного больше сил, с тех пор как она часто остается в постели. Слава Богу, что она не страдает, -- не сглазить бы, -- что у нее нет никакой страшной болезни -- нет худа без добра. Такие у нас дела, дорогие друзья. Нудовавая тяжесть у меня на душе. Все, однако, нормально, вполне понятно, но причиняет боль.

Все-таки нам стыдно, что вы просите написать, что хотела бы иметь моя сестра. Бесстыдство?

До Вознесения мы говорим «Христос воскресе» и трижды целуем своих добрых друзей. Это мы обе делаем с любовью. Хранят вас Господь, будьте все, все здоровы, этого вам желают от всего сердца

*Е. Достоевская,
Ваша верная А. Фальц-Фейн.*

К сожалению, к сожалению, я только о Вас, дорогой господин Чезана, могу думать и только Вас так искренне благодарить!! Я же хочу надеяться, что приятный момент все-таки наступит, когда я буду так счастлива??!

Вам обоим я шлю самые сердечные приветствия, лучшие, добрые пожелания!

Е. Достоевская.

26 мая [1957 г.]

Многоуважаемый, дорогой друг, господин Чезана.

Это был, однако, сюрприз! Такой сюрприз! Лучше, чем шоколад и печенье всей Швейцарии!

Во-первых. Сестра глубоко тронута и сердечно благодарит Вас, поскольку Вы были так добры, что подумали о ее здоровье, хотите помочь ей продлить жизнь витаминами. Я уверена, что она черпает силы — саму жизнь из витаминов, поэтому я тоже от души Вас благодарю.

Во-вторых. Я знала, что Вы любите лакомиться. Но то, что Вы можете так ужасно лакомиться, об этом я не подозревала.

Покойный поп (он для нас не был священником) оставил много долгов. Администрации нужно было их каким-то образом покрыть. Жертвой стали мы. Экономят за наш счет. Последний сорт мяса. Кот моей сестры не может разжевать такое мясо. Раньше мы очень часто получали фрукты, теперь очень редко, они очень дорогие. Вместо фруктов четыре раза в неделю мы получаем кисель. В кипящее молоко с сахаром добавляют разбавленную картофельную муку. Или виноградный кисель: вода — виноградный сахар — крахмал. Раньше после вечерней службы в субботу нам всегда давали фрукты. И в воскресенье тоже. Теперь один большой пуль. А Вы присыдаете мне эту великолепную книгу, где на каждой странице я вижу тяжело нагруженные подносы с десятками блюд, бутылки с золотыми или кроваво-красными напитками и к тому же бокалы, украшенные гербами. Извините... мой желу-

док начал урчать... Ночью я грезила о временах мини-зингеров. Разумеется, я была принцессой, и мне, преклонив колена, подавали божественные лакомые куски. Но я скромна. Я была бы уже довольна биргерским праздничным ужином. За что такое наказание? Ведь я не растранирила свое добро, как не виновата и в потере сына. Большевики виноваты в том, что у меня пустой желудок. В мире нет справедливости. Те — бесы — едят на золотых тарелках и запихивают в себя икру и водку. Водкой я могу пренебречь, но не царской закуской...

Благодарю, благодарю, добрый, верный друг! Увидимся ли мы еще «здесь»? Весьма сомнительно. Неужели у меня опять высокое давление? Во всяком случае, чувствую я себя нехорошо. Ничего удивительного. В июле мне будет 87 лет. Радует, что сестра теперь снова совершает прогулки. Погода довольно прохладная и очень дождливая. К сожалению, здесь не «чувствуется» весны, нет пробуждения природы. Воздух пахнет цветами померанцевых деревьев. С беседок и со стен свисают целые гирлянды роз. С ужасом думаю о жаре. Обе мы шлем вам обоим, нашим дорогим и любимым, самую глубокую благодарность и желаем летом хорошенько отдохнуть, набраться сил на зиму, долгие счастливые годы оставаться жизнерадостными и веселыми, в добром здравии.

Старые преданные Вам подруги

*Анна Фальц-Фейн,
Е. Достоевская.*

17 ноября [1957 г.]

Милые, добрые друзья.

Да! Дольше месяца я не писала.¹⁶¹ Моя свяченница¹⁶² пишет, что упала с лестницы, ничего не сломала, но вынуждена была два месяца провести в больнице. Я ей написала: «Ты *счастлива*, как я тебе завидую!» Они втроем перенесли тяжелый азиат[ский] грипп. Слава Богу, отдохнули. Как им повезло, что заболели они *только* гриппом. Что все это в сравнении с нашим ужасом? Если на самом деле существует ад с его муками, то я его переживаю здесь, на земле. Полтора года я пыталась скрыть от «домашних» состояние своей несчастной сестры, у которой сильный склероз сосудов головного мозга¹⁶³. Но она сама себя выдает. Бегает по комнате, кричит, что не может больше жить «с отвратительной, ужасной девушкой-служанкой, которую ей прислали из Парижа». Или в другой раз, я — ее сестра: кричит, что у меня «длинные руки», т. е. я краду ее деньги, потому что я дочь еврея. Или бегает, кричит, что я хочу ее отравить. Все бы ничего, но она никому не дает покоя. Люди идут спать, окна открыты, и как раз вечером онагонит меня прочь из комнаты и выкрикивает при этом страшнейшие ругательства. Пожаловались директору, потребовали выслать ее из Дома. Директор пришел к ней, сказал, что комната принадлежит нам обеим, но она совсем потеряла память, не узнает людей, все забывает через минуту. Одна дама сказала ей: «Попробуйте мирно жить со своей сестрой». Она ответила, что у нее нет никакой сестры. Когда я показала ей наши *Cartes** из полиции: Е. Н. Достоевская, урож-

* удостоверения (фр.).

дешная Цугаловская; А. Н. Фальц-Фейн, урожденная Цуг[аловская]: «Так как же я не твоя сестра?» — «Все знают, что ты делаешь фальшивки»... Весь дом видит мои синяки, кровоподтеки, царапины, когда она, как кошка, царапает меня ногтями. Или бьет меня кулаком. Сейчас она стала очень сильной. Ее *idée fixe** — деньги, которые все, и я первая, крадут у нее. Не только деньги, которые она по несколько раз пересчитывает в кошельке, и всегда их недостает. Хватает мой посовой платок с моими инициалами — «украла!» Отдает обратно: «Воровка!..» Или хватает рубашку, которая на мне, — то же самое. В комнате хаос. Она собирает все: бумагу, мешочки, пузырьки из-под лекарств, все цветные обертки из-под конфет; если я штотаю и выбрасываю порванные лоскутки, она их подбирает и хранит. Но самое плохое — деньги. Как-то она пересчитывала деньги: «было 3 тысячи, осталось две: воровка, змея, отдай»... Мне дали совет попытаться стукнуть кулаком по столу, топнуть ногой и крикнуть «замолчи». Это было ошибкой. Никогда, никогда она не могла терпеть, чтобы кто-то ей что-то приказывал. Она вскочила и стала бить меня. Я схватила ее за обе руки и сказала, что связу ее. Она вырвалась. Самое лучшее — быстро вы из комнаты. Я побежала к двери. К несчастью, споткнулась о паркет у двери, упала, сильно ушибла сломанную руку о кресло. К несчастью, немного вскрикнула. Тут же сбежались медицинская сестра, соседи, еще люди. Медсестре показалось, что она держит меня за шею. Это было не так. Когда она увидела, что я упала, она остановилась. Все стали кричать, грозить кулаками, она закричала громче всех, погнала всех вы. Ад. Ужас. Тогда стали требовать тотчас же отослать ее вы из Дома. Один мужчина поехал к нашему врачу, это было утром, поговорил с ним,

* навязчивая идея (фр.).

днем я тоже была у него. На этот раз удалось оставить ее Дома. Если бы она была действительно сумасшедшей. Но это не тот случай. Часами, иногда целыми днями она почти нормальная, только все время очень возбужденная. Один милый немецкий друг моей свояченицы Марии Фальц-Фейц, сын сестры Андрей — все пишут, что я должна ее отправить. Я не могу этого сделать, пока это зависит от меня. Для меня невыносима мысль, что она, кого все эти годы, которые мы жили вместе, я так страшно баловала, с ее сотнями привычек, фокусов, фантазий, с ее 7 подушками и пуховым одеялом, со всеми кашами, которые я ей каждый день варю, — окажется в лечебнице, заведении, где — мы все знаем, — как с такими болезнеными обращается персонал. Уж лучше все терпеть от нее: это было бы для меня еще большей мукой. Слава Богу, то, о чем я пишу, пока в прошлом. Это были два страшных месяца. Врач дал ей успокоительные таблетки. Они действуют. Она стала спокойнее, не кричит больше, лишь случайно может меня удариТЬ. Я только стала «идиоткой», «дурой». Вбила себе в голову, что в Париже только ей дали разрешение приехать в Ментону. Как будто бы она на коленях умоляла, чтобы и я с ней поехала. Поэтому комната принадлежит только ей, она может в любую минуту меня выкинуть, что она часто и делает. Когда она и сейчас кричит: «Я дама, госпожа, а ты моя служанка», — она абсолютно права. Я ее рабыня, я потеряла себя, свою свободу, я во всем должна ее слушаться, иначе — скандал. Вместо того чтобы из-за моего сердца, высокого давления не спеша ходить по магазинам, делая покупки, я бегаю, не смотрю ни на одну витрину, только быстрее домой. Я так страшно устала вечно внутренне дрожать: «сейчас это начнется!» Едва встав и пока не ляжет спать — целый день она «пилит» меня как пила. Упреки, выговоры — все, что я делаю, плохо. Чаще всего она что-

то выдумывает, так как почти совсем потеряла память. Три дня мы обе искали одно письмо, адресованное ей. Она стелила постель. Письмо завалилось за матрац. Каждую минуту она теряет свою палку — я ее «специально спрятала». Спрашивает меня, какие деньги она зашила в подушки. Я не имела понятия об этом. У меня нет ни минуты покоя. Это так страшно утомительно и тяжело 24 часа находиться с ненормальным человеком. Не знаю, как долго я смогу это выдержать. Я молю Бога: «Дай мне покой, даже если это будет кладбищенский покой». И потом опять: «Нет, нет, дай мне пережить ее, несчастную, только на один день». В случае, если я сегодня умру, завтра ее отправят вон из Дома. С тех пор, как она стала спокойнее, только два раза были своего рода приступы. Вдруг она встала в 6 часов. Значит, внутри кипит. Подходит ко мне: «Сейчас же встать и убрать комнату». Отвечаю: «Ты знаешь, что я больна, очень слаба, я встану, как всегда, в половине восьмого и уберу комнату». Удар по спине. Уходит. Через минуту возвращается. «Ты слышала, что я тебе сказала, сейчас же встать». Я молчу. У нее в руках была щетка, которой подметают пол. Я едва успела отбить ее руку, она хотела ударить меня щеткой в лицо. В другой раз. В зале должны были совершить богослужение за упокоих усопших. Она не переносит ни солнечного луча, ни света; окна выходят на юго-запад. У всех все открыто. У нас она закрывает с утра не только жалюзи, но и запавшивает окно занавесками, а потом я встаю на стул и еще сверху вешаю газеты. Могила. Две наружные стены покрыты грибком и гнилью, совершенство черные. Страшная сырость. Теперь еще хуже: после ливня вода попала в комнату, не только потолок мокрый, но и половина стены над моей кроватью. Ведь у нас нет крыши, наша крыша — это солярий. Когда нам нужно было спуститься

вниз к обедне, я открыла жалюзи и сказала, что, пока нас нет, пусть все же солнце хоть немножко прогреет комнату. Она рванулась и закрыла жалюзи, сказала, что ее кактусы погибнут. Я ответила, что за четверть часа или 20 минут ничего не случится. Она рванула жалюзи вверх, стала меня бить, кровь поплыла из руки. Две недели мне пришлось ходить с повязкой. Мне пишут: «Вы погибнете». Возможно. Мне ведь 87 лет. Но кому я нужна? Кому я дорога? Самое большое, Вы и другие скажете: «Эта бедная госпожа Фальц-Фейн» — и через два дня забудете меня. Нашему доктору пришлось по возрасту оставить свою работу. Новый обследовал нас обеих. Сказал, что я больна пампого серьезнее, чем она. У нее давление 17, а у меня 24. Собственно говоря, у нее, кроме частых расстройств желудка, которые ничего опасного в себе не таят, ничего больше и нет. То, что мы считали сердечными приступами, три врача сказали, — одного в 11 часов вечера вызывали, — что сердце почти нормальное, — это истерические припадки. Ей кажется, что сердце останавливается, ей нечем дышать, так как истерические спазмы сдавливают ей горло. И этих припадков у нее уже давно не было. Она стала пампого сильнее, здоровее, крепче. Говорят, когда голова больна, организм становится крепче. А я недавно была 2 мес[яца] больна. Каждый день в 4 часа озноб, потом мне становилось жарко, почью я страшно потела, сильно ослабла, очень кружилась голова. Малярия? Потом врач решил — сухой плеврит. Без конца горчичники. Я почти совсем уверена, что это было первое потрясение, первый шок, когда я жила с почти сумасшедней. Сейчас получше, хотя голова кружится и я еще довольно слаба. Я буду Вам от души признателна, если Вы будете так добры и пришлете мне витамины, сейчас они нужны мне больше, чем ей. Она ведь совсем ничего не делает. Когда я болела,

я все время выполняла свою работу, лишь иногда я ложилась одетой во время работы. Только однажды я себе позволяла: одна милая дама 2 месяца приносила еду с кухни и мыла посуду. За это она получала полторы тысячи в месяц. Больше я не могу себе позволить эти расходы. После болезни, теперь, после того как я закончу всю утреннюю работу, выстираю ее белье, я отдаю свое прачке, она не разрешает, готовит кофе и пьет — с 11 — 11.30 до обеда я иду в сад или, если погода плохая, в зал. И еще раз после обеда, с 2 до 4 — пока она там в могиле спит в кресле. Это немного помогает. Немного покоя для первов, которые так страшно напряжены целый день. И это еще не все. 3 года назад ее сын Андрей, мой бедный племянник, заболел язвой желудка. Меня удивляет, что он в начале заболевания не решился на операцию. 3 года страшных болей. Пищевод, язва кишечки. В прошлом году 2 мес[яца] клиники, 2 мес[яца] курортного лечения водами. Ничего не помогло. Теперь он снова был 2 мес[яца] в больнице и 2 мес[яца] в Хирургической клинике Военно-медицинской академии. Его обследовал известный рентгенолог, еще более известный хирург, который только что вернулся из Копенгагена и Парижа, где он делал доклад о своей работе. Итак: срочно операция.¹⁶⁴ Они сказали ему, что операция тяжелая, сложная, будет длиться 4 с половиной — 5 часов и испугали тем, что от 3-летней голодной диеты он страшно ослаб, худой, как скелет. Сердце у меня день и ночь обливалось кровью: он ни за что не выдержит операции. Слава Богу, она прошла удачно. Ему вырезали $\frac{3}{4}$ желудка и кусок 12-перстной кишечки. Операция продолжалась 3 часа. Сначала нужно было пробиться сквозь «панцирь» — его слово — спаек на желудке и 12-перстной кишке. Боялись, что он получит воспаление легких, но, к счастью, до этого не дошло. На 9-й день после операции он сам написал коротень-

кое письмо. 12 октября мы получили более длишнее — последнее. Я ужасно беспокоюсь, волнуюсь, никогда не было таких длинных перерывов. Его оперировали 21 сент[ября]. Я так боюсь, что ему плохо, может быть осложнение. Нет ответа и от его жены на все мои письма и открытки. До сих пор он все всегда получал — письма, журналы, фотографии, бандероль.¹⁶⁵ Если бы Вы знали, как мне это больно. Я читаю ей, как Андрей тяжело болеет. Через минуту она спрашивает: «Значит, у него все в порядке?» Ничего не доходит до ее сознания, ни то, что ее сын был на краю могилы, ни то, что его спасли. Иногда — у нее и не было сына Андрея. В другой раз — она его не плавит, потому что он «украл все мои серебряные ложки и выбросил их в окно». Ее муж тоже украл у нее деньги и драгоценное колье, которого у нее никогда не было. Ужасно! Я оглядываюсь вокруг. Во всех комнатах небольшое недомогание, маленькие неприятности, по смех, болтовня, играют в карты, ходят в кино. Только у нас — беспроблемная, темная ночь. В Доме меня называют мученицей. За что? Что мы такое преступили? За что нам такое жестокое наказание? Мы всегда, особенно сестра, старались помогать людям. Совсем недавно у меня были душевые силы. Но сейчас, когда я думаю, что этот ужас может продолжаться месяцы, может быть, год, меня охватывает полное отчаяние, бессилие — так-то. Такого Вы не ожидали. Я пишу это письмо уже несколько дней...

Только июль, август были очень жаркими. С тех пор чудесная, солнечная, теплая весна. Феноменальная погода для нас и ужасная для садовников и цветочных плантаций. Три с половиной мес[яца] ни капли дождя. Но на прошлой неделе — 8 дней — был потоп, наводнение. Три дня спустя прекрасная, теплая погода. Только после ужина, вымыв посуду, я взялась за газету. Во Франции хаос,

финансовый крах. Как может быть иначе? — Англия, Ам[ерика], Герм[ания] имеют две партии, а здесь 16. Ни одна из них не думает о благе Родины, только о собственной партии, о собственном кошельке. Возмущение Ам[ерикой] и Англией из-за военных поставок Тунису пытче очень велико. Трещина между союзниками. Как это используют Советы! Все же я горжусь тем, что русский народ, который ничего не имеет общего с клоуном Хрущевым, показал, на что он способен.

Надеюсь, у Вас сейчас все в порядке. От всей души я Вам этого желаю и еще — веселой зимы. Храните Вас Господь.

Ваша верная

Анна Фальц-Фейн.

Пожалуйста, прошу больше никогда не писать на наш адрес, я могу быть в отсутствии, а она может разорвать письмо или, например, спрятать витамины. Пишите, пожалуйста, на адрес нашей кузинки, она была в течение 25 лет директрисой этого дома:

Madame Valérie Prianischnikoff, Maison Russe. Ch. 14.
Menton. A.M., France.

Pour M-me Anne de Falz-Fein.*

---

* Для г-жи Анны Фальц-Фейн (фр.).

• 61 •

13 декабря 1957 г.

Вероятно, в последний раз я желаю Вам от всего сердца очень веселых рождественских праздников, доброго здоровья и хорошего настроения. Пусть у Ваших милых детей будет много радости. Получили ли Вы мое очень длинное письмо с описанием нашего несчастья? Я сама чувствую себя так плохо, что Вы мне простите, что я не пишу письма. Не могу даже выйти, чтобы купить красивую открытку. Целый день страшно кружится голова. Всей милой семье самые сердечные поздравления.

Преданная Вам верная подруга

A. Ф.-Ф.

- ♫ 62 ♫ -

1 января [1958 г.]

Я действительно очень беспокоюсь, дорогой друг, не получив от Вас ни строчки, никакого ответа на наше тяжелое испытание. Не заболели ли Вы опять? Или кто-нибудь из Вашей семьи? Надеюсь, что Ваше молчание объясняется тем, что у вас было очень много работы перед праздниками. Быстро бросьте открытку. Еще раз самые сердечные пожелания к Новому году.

Преданная Вам

A. Ф.-Ф.

12 января [1958 г.]

Многоуважаемый и дорогой друг, господин Чезана.

Утром я получила Ваши иероглифы и только хотела написать, что мы не получили от Вас посыочки, как вечер принес нам Ваш рождественский подарок. Вы не могли подарить ничего лучшего, в тысячу раз лучше, чем все сладости. Сквозь пространство я хотела бы Вас, дорогой друг, благодарю обнять. Я счастлива, что у моей бедной сестры теперь снова есть витамины. Книга ценная. К сожалению, к сожалению, сейчас у меня есть время основательно просмотреть все картишки. Еще одно malheur*! Мои ноги — мое самое большое богатство. Без них — никаких иллюзий — мы пропали. Думаю, я писала, что они отекли. О да! Вчера, в субботу, я была в церкви. Нога, которую четыре года тому назад переехал мотоциclist, болит. О ужас! Маленькая рана. Я должна была бы лежать, лежать. Нечего и думать. Моя бедная сестра ничего не может попытать, помочь, беспомощна как ребенок. Как всегда, я должна была убирать компанию, был постный суп — я должна была его улучшать. Были свиные котлеты, она их не может есть, значит, яичница-болтунья с картошкой, еще я должна была варить ей кашу — почти час это длилось. Мой обед замерзал. Вчера я ей говорю: «Дай мне стакан воды принять порошок». Она не могла найти стакан, не знает, что в шкафу он стоит уже 8 лет на одном месте! Я в полном отчаянии. Мне следовало бы пойти в больницу, полежать, чтобы рана зажила, — нечего и ду-

* несчастье (фр.).

мать. Я не могу ее оставить одну даже на час. Самое настоящее божье наказание. Я теряю голову: что же мне делать? Одна дама уже три месяца из-за моих ног приносит 4 раза еду с кухни, моет посуду. А теперь еще это! Лучше у нас не стало. Скорее хуже. Она почти совсем спокойная, я бы сказала, почти нормальная, но не может ничего понять, обдумывать. Теперь я стала ее матерью или сиделкой. Она бегает за мной как ребенок. Едва я вышла, она уже бегает по комнате, ищет меня. Одна только единственная радость — вести от Андрея. Слава Богу, он чувствует себя хорошо, никаких болей, прибавляет в весе, он уже многое может есть. 30 ноября он уехал до февраля на дачу к своему другу, в 130 километрах от Ленинграда.¹⁶⁶ Друг построил деревянный домик из трех комнат. Вокруг настоящие дремучие леса, снег до пояса. Оба пошли в лес, принесли 4-метровой высоты красавицу елку к Новому году. Колхоз вблизи, — немцы его сожгли, — теперь прекрасно восстановлен, очень много скота, единственный магазин набит всякой всячиной. Колхозники занимаются лесоповалом и транспортировкой леса. Стая волков сожрала всех собак в колхозе. Андрей боится за свою любимицу охотничью собаку. Ночью волки ходят вокруг дома. Вечером, когда он выпускает собаку, он с ней выходит с топором и фонариком. Он большой любитель охоты, но врачи запретили ему в течение года стрелять. Власти платят за застреленного волка 500 рублей, а за забитого и умерщвленного 100 рублей за шкуру. Андрей пишет, что, если бы мог стрелять, разбогател бы. Он привез из Ленинграда много сильного спиртного, волк сразу же засыпает на том же месте на 24 часа. Но Андрей в полном отчаянии: он не может найти в колхозе никакой дохлятины в качестве приманки. Он в восхищении от воздуха, от тишины — ни радио, ни телевизора. Он не хочет ездить

на службу, хочет посвятить себя литературе. Кажется, я писала, с одним писателем и прозаиком, втроем они написали книгу «Музей Достоевского».¹⁶⁷ Теперь он пишет книгу об Анне Григорьевне¹⁶⁸: он может хорошо ее помнить и он был как раз ее самым любимым внуком¹⁶⁹. Он надеется писательством заработать довольно много, он умный, одаренный. Возможно, его попросят поработать в архивах Ленинграда и Москвы в связи с Анной Григорьевной, до сих пор их не привели еще в порядок.¹⁷⁰ Это было бы печально для меня. С детства книги были моей страстью, поэтому, когда я все потеряла, я окончила курсы библиотекарей и получила свидетельство, что я научный библиограф. В качестве такового я 10 лет работала на плодово-ягодной опытной станции и последние 12 лет в Институте защиты растений.

Странное Рождество — 25 дек[абря] — 7 января у нас было. Горячий штурм, сирокко из Африки, утром +17°, днем на солнце +39°. Сейчас стало холоднее, два дня дождь, но утром еще +4°. В зале стоит чудесная большая богато украшенная елка. Уже все собрались, раздавали крюшон, печенье, шоколад, конфеты. Я не плачу, что лежу. Не разрешила идти сестре.

Надеюсь, Вы и Ваши близкие здоровы, радости встретили праздник, надеюсь, что после Вашей операции под Новый год Вы почти забыли Бахуса.

Пишу в постели, отсюда такой «красивый» почерк. Еще раз — здоровья на весь год и во всем успеха.

Душевно преданная Вам

Анна Фальц-Фейн.

11 апреля 1958 г.

Вам всем радостного праздника, Пасхи. У нас черная почь. Мы уже не на краю пропасти, а глубоко в нее погрузились. Моя сестра превратилась в полную идиотку, последние проблески сознания исчезли. Я больше не могу этого выдерживать. Сначала два года жить с ненормальной, а теперь со слабоумной. Я сама тяжело больна, меня направляют в больницу. К тому же со своими слоновыми ногами свалилась со стула, разбила себе голову — глубокая рана на виске. Уже две недели лежу в постели: голова, грипп, сильный бронхит, очень плохое сердце. Je suis au désespoir*, я не могу больше молиться. Не ждите писем. Как она может оставаться одна без меня?

Вам всем всего доброго, приятного.

Ваша подвергшаяся тяжелому испытанию

Анна Фальц-Фейн.

---

* Я в отчаянии (фр.).

Ментона, 4 июня 1958 г.

Многоуважаемый господин Чезапа.

Сожалею, что вынуждена сообщить Вам печальное известие о смерти обеих своих кузин — госпожи Достоевской и госпожи Фальц-Фейн. Сначала они обе заболели в конце марта гриппом с высокой температурой. Госпожа Достоевская, которая уже прежде страдала психическим расстройством, так возбудилась, что ее пришлось отправить в специальную клинику в Ницце. Она умерла там 3-го мая и там же была похоронена.¹⁷¹ Что касается госпожи Фальц-Фейн, то она не смогла пережить смерти своей сестры. Она умерла внезапно, совсем неожиданно 14-го мая.¹⁷² У нее было время купить место для двоих на кладбище в Ментоне, в надежде впоследствии перезахоронить свою сестру.¹⁷³ Этую открытку госпожа Фальц-Фейн подготовила сама на случай своей смерти.¹⁷⁴

С глубоким уважением

Валерия Прянишникова.

Приложения

Приложение 1

Письма к Г. В. Коган

Приложение 2

Письмо к А. Ф. Достоевскому

Приложение 3

**Родословные
Достоевских и Фальц-Фейнов**

Письма к Г. В. Коган¹

1

Catherine de Dostojewskij

10 – 15 сентября² 1957 г.*

Многоуважаемая Галина Владимировна!

Нет слов выразить Вам, как глубоко Вы тронули меня Вашим сердечным письмом и особенно растущим его [Достоевского] значением, радостным для меня, [члена] семьи Достоевского, и для всякого любящего ценителя произведений нашего великого, всемирного писателя! — Моим желанием [является] идти навстречу со всеми.** Глубоко благодарю Вас за присланное: за присланные снимки, — иллюстрации, которые мне не приходилось видеть. Как они глубоки и художественны! Что касается бюста Федора Михайловича из дерева, пахожу его превосходным! Жалею очень, что не могу воочию подробно ознакомиться с Вашей кропотливой и трудной работой, — как и всего коллектива, — по собиранию новых материалов, в которую вы все вложили столько любви и знания! Не сомневаюсь, что под Вашим просвещенным руководством Музей Федора Михайловича станет в самом ближайшем времени одним из самых значительных в мире!⁴ В ближайшем будущем — по железной дороге — вышлилю нашу

* Около даты приписки: 1) «старый стиль»; 2) «очень долго писала» (заключено в скобки)

** Данный фрагмент письма печатается в редакции публикаторов. Оригинальный текст и комментарий к нему см. в Примечаниях.³

семейную группу, о которой писала.⁵ К сожалению, с упаковкой — вес ее слишком большой для почтового отправления. Одновременно вышло и пояснение. Вероятно, Андрей сообщил Вам и переслал собственноручное письмо Федора Михайловича, писанное брату Михаилу из Петропавловской крепости — всего час спустя после помилования его на эшафоте, — его мысли и переживания!⁶ Сейчас мне пришлось пережить очень тревожные дни [в беспокойстве] об Андрее!! Сейчас мне пришлось пережить очень тревожные дни, — пишу это вторично, по, к великому счастию, он благополучно перенес очень сложную и тяжелую операцию!! Надеюсь, что он сможет зажить жизнью нормального человека; самое болезненное, надеюсь, осталось совсем позади!!⁷ Простите, что я все же поделюсь с Вами, многоуважаемая Галина Владимировна, моими сердечными переживаниями; ведь я тяжко переживала и тяжкую болезнь сына, и мою собственную сердечную болезнь. Но сердцем я всегда на нашей любимой Родине, а кругом — все чуждое!! Искренне уважающая и преданная

Екатерина Достоевская.

P. S. Буду искренно радоваться, если Вы, дорогая Галина Владимировна, напишете хоть несколько слов! Простите мою просьбу. Очень прошу Вас, дорогая Галина Владимировна, разорвать это письмо, — оно написано в тяжелые часы!

Надеюсь, что будущее будет хоть немножко лучше?! Не могу отвести свои глаза от присланных фотографий, — конечно, конечно, оттого, что это касается Федора Михайловича, — особенно от «задумавшегося», скульптора С.Т.Коненкова (56 год)⁸, и от «разговора» — фотографии, где все трое «полны беседы»!⁹ А «Настасья Филипповна» в «Иди-оте»? — живой человек!! Не могу оторвать глаза!!¹⁰

(Е.Д.)

9 декабря [1957 г.]

Глубокоуважаемая и дорогая Галина Владимировна!

Вы не можете себе представить, какая канитель с отправкой нашей семейной группы, которую Вы так любезно согласились принять для Музея Ф. М. Достоевского. По закону во Франции необходимо получить лицензию на отправку картины или портретов масляными красками, хотя бы они были без подписи художника. Написала прошение в Académie des Beaux-Arts*. Не их компетенция. Дали адрес Académie des Arts et Lettres**. Та же история. Прислали адрес Musée des Arts-Nice***. И вот они только дали адрес, куда мне следует обратиться. L'Office des Changes 8 à 12 Rue de la Tour de Dames Paris 9-me. Получили от них пять (!!?) экземпляров для заполнения. Но новые затруднения. Они требуют Вашего согласия на принятие этого дара. Большая просьба! Будьте так добры прислать на наш адрес: M-me Catherina de Dostoievsky, Maison Russe, Menton, A. M., France****. Ваше согласие, если возможно, — на французском языке. В заголовок напишите L'Office des Changes, что — je donne mon consentement d'accepter le don du portrait de la famille de M-me C. de Dost[oievsky] au Musée de Fiodor Dostoievsky*****, — что-нибудь в таком роде. Очень просим прислать Ваше согласие par Avion. Мы обе так стары, что каждый день на счету. Надеюсь, что Вы исполните нашу

---

* Академию художеств (*фр.*).

** Академии искусств и литературы (*фр.*).

*** Музея изящных искусств в Ницце (*фр.*).

**** Г-же Екатерине Достоевской, Русский Дом, Ментона, Приморские Альпы], Франция (*фр.*).

***** я даю свое согласие принять в дар портрет семьи г-жи Е. Достоевской для музея Федора Достоевского (*фр.*).

просьбу. Пишу я, сестра Ек[атерины] Петр[овны] Анна Петровна, т[ак] к[ак] Е. П. все время болына. Живя в Симферополе, я окончила библиотечные курсы и получила удостоверение научного библиографа. В качестве такового 10 лет прослужила на Опытной плодо[во]-ягодной станции в Салгирке, а последние 12 лет в Ин[ституте]те защиты растений от болезней и вредителей. Завела переписку с опытными станциями в Англии и Америке, получала массу брошюр по нашим темам, кот[орые] и переводила сотрудникам. А Ек[атерина] Н[етровна] давала уроки англ[ийского] я[зыка] специалистам: у нее были химик, архитектор, два доктора, плодовод, с кот[орыми] она читала получаемые ими книги по их специальностям и их переводила. Материально жилось трудно, но жизнь наша была полна интереса, после работы, за обедом, обменивались теми интересными и новыми для нас сведениями, кот[орые] вычитали. Большая радость. Андрей благополучно перенес тяжелую операцию, вырезали $\frac{3}{4}$ желудка и часть 12-перст[ной] кишки. Все идет нормально, прибавляет в весе, может осторожно разнообразить пищу. К счастью, болей не чувствует. 30-го ноября до февраля он поехал к своему другу в деревню. Очень надеемся, что там он окончательно понравится и станет снова работоспособным. Его мечта — окончить начатую им книгу об Анне Гр[игорьевне], этой умнейшей и светлейшей личности, кот[орую] мне когда-либо приходилось встречать¹¹. Погода продолжает нас баловать, очень солнечно, по утрам и вечерам +10°, а на солнце темп[ература] доходит до +35°. В этом смысле благодатный край, по столь во всем чужой! Вероятно, Вы читаете, что Франция — накануне финансового краха, жизнь ежедневно дорожает безумно. В Англии, Америке, Германии и т. д. две политических партии, здесь 16! Какой может быть толк, по пословице: «у семи пядек дитя без глазу». На первом

плане не благо их Родины, а своя партия. Простите, что отняла от Вас столько ценнего времени. Примите наши самые сердечные и наилучшие пожелания. Всего, всего доброго и счастливого.

Искренне уважающая Вас А.П.

Е[катерине] П[етровие] минуло 83 года, а мне 87 с половиною!! Пора на покой.

1-го февраля 1958 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Галина Владимировна.

Приношу Вам мою глубокую и сердечную благодарность за вчера полученное Ваше любезное разрешение послать Вам для Музея Фед[ора] Мих[айловича] столь дорогую нашу семью, среди написанных лиц ведь и наша дорогая мать, бабушка Андрея¹². Теперь я спокойна, что она не попадет после нашей смерти в чужие руки и будет сохранена навеки.

Сегодня же отправила в Париж, в Office des Changes, все пять заполненных анкет, приложив и Ваше разрешение. Впереди еще всякие формальности. Когда получится лицензия, очевидно, не очень-то скоро, по-видимому, Франция придерживается нашей поговорки: тише едешь — дальше будешь, — надо представить ее и на таможню в Ницце, и уже от них получить разрешение на отправку за границу. Ввиду моего очень плохого состояния здоровья я лично лишена возможности поехать в Ниццу — всего час езды по жел[езной] дороге или car'ом*, но там пришлось бы много ходить, поэтому придется кого-то из сожителей просить поехать вместо меня. Отдала картину фотографу, чтобы иметь это столь дорогое мне воспоминание. Портрет написан сестрой моей бабушки, Варварой Федоровной Черновой, в саду имения Полянских — Толпино, Курской губ[ернии], Рыльского уезда, если не ошибаюсь, лет 69—70 назад. Бедная картина, писанная масляными красками, от многих и долгих переездов не помолодела, кое-где на ли-

* автомобилем (англ.).

цах есть маленькие изъяны. Думаю, в руках опытного художника это легко исправимые вещи. Платья того времени, очень красивые, и вообще все красивы. Надеюсь, Вы не будете иметь ничего против, если я, по убедительнейшей просьбе Андрея, вышлю портрет на его имя, ему очень хочется на него взглянуть, а он Вам его немедленно перешлет с объяснениями, которые я напишу. Очень мне радостно получать его письма с такими добрыми вестями. Очевидно, хирург был первоклассный, он не чувствует никаких болей, прекрасно поправился, может быть почти все. А ведь ему вырезали $\frac{3}{4}$ желудка и часть 12-перстной кишки. Удивляюсь, что он так долго откладывал — целых три года страдал — операцию. Насколько бы она прошла лучше при первых признаках язвы желудка. Полтора месяца он провел у друга в деревне в 130 км от Ленинграда, где очень хорошо поправился¹³. Вокруг густые леса, снег по пояс, масса всякой дичи, тетерева, глухари, рябчики, которых я так любила, масса зайцев, лисиц, даже выдры и лоси и много волков, которые съели колхозных собак. Чую, что в доме есть собака, любимица Андрея охотничья собака Женева, — настолько обнаглели, что обхаживают дом, и, выпуская собаку на ночь, Андрей спачала выходит с фонарем и топором посмотреть, нет ли волков. Пишет, молодые ночью воют на луну. Он очень огорчен, что врачи запретили ему стрелять целый год. Писал, что за убитого волка прав[ление?] платит 500 руб. Набрал в Ленинграде сильного спутника: волк засыпает мгновенно на том же месте и спит 24 часа, но и тут для него неудача: за все время пребывания у друга не смог достать в ближайшем колхозе падали, как приманку. Колхоз отстроился после нашествия немцев, занимается лесозаготовками, и, так как перевыполняет план, то колхозная лавка спабжена всем прекрасно. Андрей купил там

очень длинные шерстяные теплые поски. Его друг — надзиратель за погрузкой шпал, дров, строительных материалов в вагоны. Выстроил себе бревенчатый домик, высокий, очень теплый. Спальня хозяев и 6-летнего сынишки, обширная кухня-столовая, где находится настоящая русская печь с лежанкой, и теплый закоулок, где находится койка и комната Андрея. Под Н[овый] год пошли в лес, пишет, «принесли 4-метр[овую] красавицу густую ель, кот[орую] роскошно убрали и зажигали под Н[овый] год». Пишет, было очень весело, уютно, на 21-й день к нему смогла приехать милая Тамара, кот[орая] так трогательно ухаживала за ним все три года его болезни¹⁴. Написал новогоднее меню, которому каждый может позавидовать, долго переписывать: целых 17 блюд и всяких закусок под майопезом или горчичным соусом. Друг хотел к празднику убить какую-нибудь дичь, но помешала метель, поэтому кроме овощного супа было тушеное мясо с гарниром, но плюс два пирога с мясом и св[ежей] капустой, пирог с черникой, другой с яблоками, торт Наполеон, орехи, 8 сортов конфет, вино, шампанское, китайский чай с лимоном. Сравните: мы получили в Сочельник винегрет с селедкой и традиционный взвар и кутью, но не пшеничную, а рисовую. Но Андрей остался таким же неблагоразумным. Совсем вблизи домик отца друга, есть бания. Отправились оба пакануне праздника. Пишет, парился до 10-го пота, затем выскочил на двор и при -11° патирался снегом и снова на полку до 10-го пота. Летел домой, как на крыльях. Вот бы ссорились, если бы жили вместе! И это не все. Провалился вместе с собакой в прорубь, в речку, кот[орую] замело снегом, и шел весь обледенелый 2 километра домой. Тамара и Мария едва вдвоем стащили с него сапоги и одежду, обратившуюся в куски льда. Хотели патирать спиртом, он отказался. Пишет — «хоть бы чихнул или кашлянул». Первая

его забота была положить собаку на лежанку, чтобы оттаяла. 17-го янв[аря] вместе с Тамарой вернулись домой. На машине за ним приехал его бывший командир дивизии, у кот[орого] Андрей служил во время осады Ленинграда¹⁵. Вернувшись — сюрприз — 28-дневная путевка в Дом отдыха, присланная Министерством. Меня глубоко трогает забота властей об Андрее, вот уж сердечное спасибо всем. Ведь он и персональный пенсионер. Поехал 27 янв[аря] в Литву, Друскеники¹⁶. Сердце всколыхнулось. Когда-то — не помню когда — детьми нас летом повезли в эти Друскеники, тогда Россия. Помню, как с вокзала очень долго ехали лесом в экипаже по сыпучим пескам, в кот[орых] вязли колеса. Жили в деревянной дачке, всюду пески. Самое яркое воспоминание, как нас водили ежедневно по очень длинной песочной аллее, обсаженной деревьями, вдоль Немана. В конце находилась молочная ферма, и нас поили парным молоком. Было это, наверное, лет 50 назад. Могу себе представить, в какой чудесный курорт превратились теперь Друскеники. Простите, дорогая Галина Владимировна, за столь неинтересные для Вас подробности, но для нас так близки и цепны все сведения, которые пишет Андрей о Вашей жизни. На первой открытке¹⁷ налево и направо старый город, очень древний, Ментона и кусочек порта. Внизу и старая и новая Ментона, и мыс Martin: поставила крестик, где мы приблизительно живем. Наша комната на солнце на 3-м эт[аже], и, не поднимая головы с подушки, вижу синее море. Не думайте, что краски сгущены. Море, действительно, как и небо, густо синего цвета, и скалы, по ним у нас, а дальше, действительно, такие красивые. Ментона не то, что фешенебельные Ницца и Капи, куда съезжаются все миллионеры и актрисы. Там сейчас карнавал и столько всяких [?] приезжих из всех стран и туристов. А Ментона — спо-

койная большая деревня. Очень цепко соединение города с его увеселениями и магазинами и чудной природой вокруг. Мы живем в очень спокойном пригороде. Такой «зимы», как нынешняя, еще не переживали за все восемь лет. Весь месяц стоит чудная, теплая весна, по утрам +10°, по вечерам +12 – 15°, а днем на солнце на нашем подоконнике, как сегодня, напр[имер], +46° С. Вы даже можете не поверить. Роскошно цветут золотые купы мимоз, так красочно выделяются на фоне синего моря. В полном цвету розы, парциссы, ирисы. Так чудно создан мир, и во что превращает его человеческая жадность, злоба, эгоизм. Простите еще раз, что отняла у Вас столько ценного Вашего времени. Но Вы поймите, как мне хотелось поделиться с Вами жизнью Андрея. От души благодарю Вас за доброе сочувствие. Прошу передать Вашим милым сотрудникам мой далекий, искренний привет. Радуюсь всем улучшениям, проводимым Вами, и искренне желаю здоровья и сил на долгие годы Вашей плодотворной работы и на благо дорогой Родины.

Сердечно Ваша

E. Достоевская¹⁸.

P. S. У меня бережно хранится горсточка родной земли, кот[орую] мне положат в гроб.

И хоть бесчувственному телу Равно повсюду, где лежать, Но ближе к милому пределу Мне все б хотелось ближе почивать.¹⁹

Кажется, немножко переинтрикли, простительно в мои годы.

Приложение 2

Письмо к А. Ф. Достоевскому¹

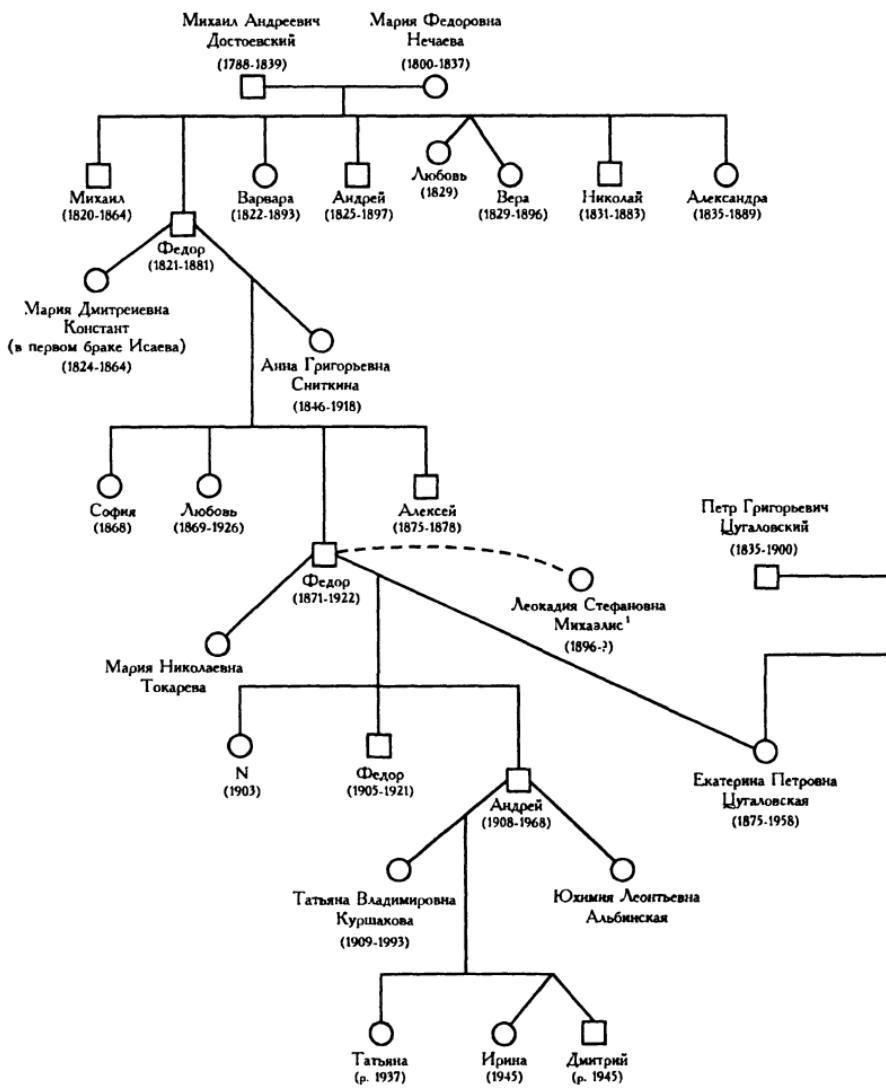
Мой дорогой Андрей.

Я не раз писала, что я очень больна. Меня увозят в госпиталь.² Собрала и посылаю все, что у меня осталось: документы, все фотографии всей семьи Достоевских и моей семьи, последние книги. Ничего другого. Прошу, просмотрев все, отправить в Москву, в Музей имени Фед[ора] Мих[айловича] Достоевского.

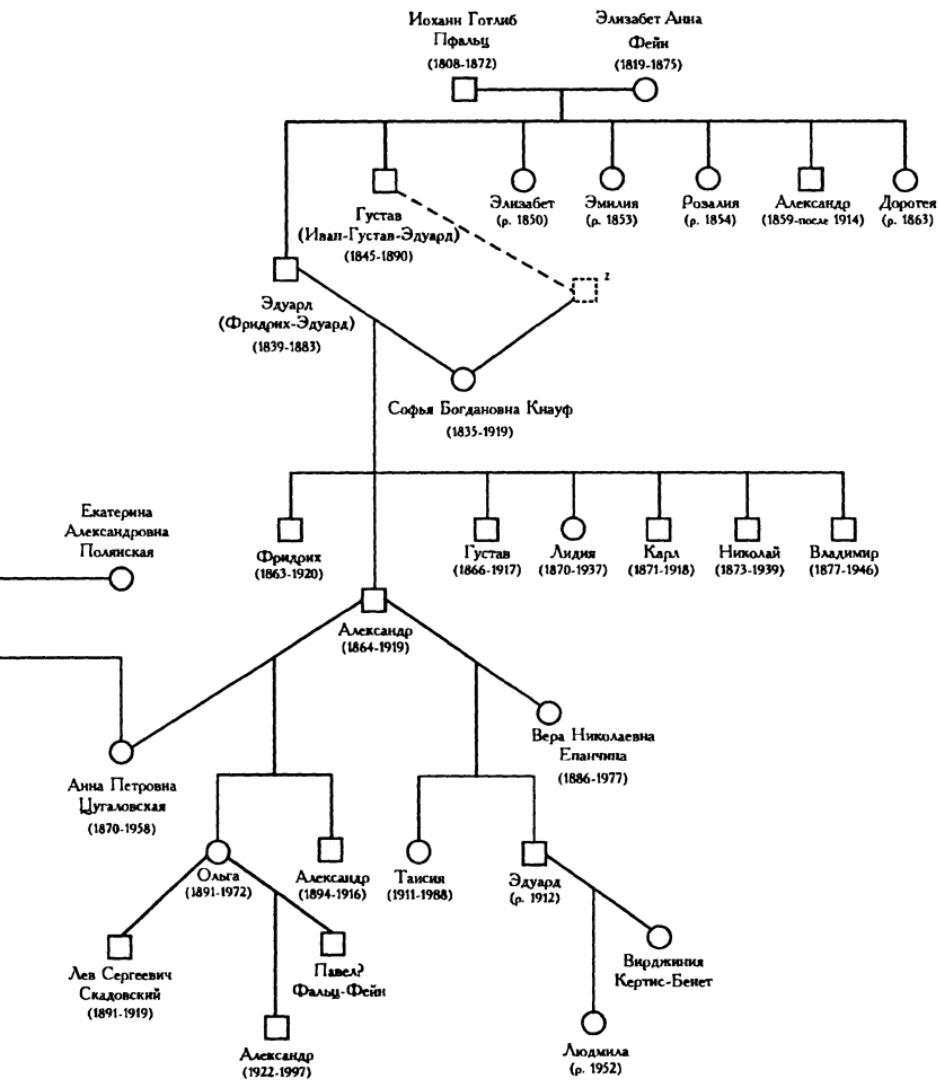
Екатерина Петровна Достоевская.³

Maison Russe. Menton. A. M. France.

Родословные Достоевских и Фальц-Фейнов

Приложение 3

См. примечание к родословным на стр. 234

К родословным

В схемы родословных Достоевских и Фальц-Фейнов включены представители лишь тех поколений двух родов, которые фигурируют в текстах писем А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевской, а также во вступительном очерке и примечаниях. Более подробно, с указанием источников, о родословной Достоевских см.: *Тихомиров Б. Н. Материалы к родословной Достоевских // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. № 11. С. 188-198*; о родословной Фальц-Фейнов также см.: *Аскания-Нова. С. 47-59* [глава «Отцы и дети»].

---

¹ В книге Волоцкого, со слов Л. С. Михаэлис, указано, что она «с 15 мая 1916 г. состояла в гражданском браке с Ф. Ф. Достоевским» (С. 147), однако в письме в редакцию парижского журнала «Возрождение» (1950. Март – Апрель. С. 199 – 200) Е. П. Достоевская пишет: «Развода никакого [между нею и Ф. Ф. Достоевским. – Б. Т.] не было, поэтому и третьего брака быть не могло с Михаэлис. Будучи по закону вдовою Ф. Ф. Достоевского и невесткою Ф. М. Достоевского, я, после смерти Федора Федоровича – моего мужа, получала в Советском Союзе (по линии Паркомпроса) пенсию».

² После смерти первого мужа, Эдуарда Ивановича Фальц-Фейна, С. Б. Фальц-Фейн выходит за муж за его младшего брата Густава Ивановича. См.: Аскания-Нова. С. 53.

Примечания

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

- ГАРФ* — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
- ИРЛИ* — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
- ЛМФД* — Литературно-мемориальный музей Ф.М.Достоевского в Санкт-Петербурге (ОФ — основной фонд)
- РНБ* — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- РО* — рукописный отдел
- ЦГАЛИ СПб* — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
- Аскания-Нова
Волоцкой* — *Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова. Киев, 1997.*
— *Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. 1506 – 1933. М., 1933.*
- Указатель
Л. Г. Достоевской* — *Достоевская Л. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в Музее памяти Ф. М. Достоевского в Московском историческом музее. СПб., 1906.*

Письма сестер Екатерины Петровны Достоевской (1875 – 1958) и Анны Петровны Фальц-Фейн (1870 – 1958) к Анжело Чезана печатаются по ксерокопиям с оригиналов, обнаруженных в 1993 г. бароном Э. А. Фальц-Фейном в Швейцарии у наследников А. Чезана. Инициатива настоящего издания принадлежит проф. В. Г. Безносову, которому барон Э. А. Фальц-Фейн (при посредстве М. Михайловой) передал ксерокопии писем для подготовки их к печати. После публикации ксерокопии писем будут переданы Э. А. Фальц-Фейном в Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. Тексты писем, за единичными исключениями, написаны по-немецки. Перевод выполнен Р. Г. Гальпериной. Письмо от 19 ноября 1951 г., опубликованное впервые в альманахе «Мера» (1995. № 1), печатается в переводе Д. А. Достоевского – внука Екатерины Петровны, правнука Ф. М. Достоевского. Публикуемые в Приложении 1 три письма к Г. В. Коган написаны по-русски и печатаются по оригиналам, хранящимся в архиве адресата. Письмо к А. Ф. Достоевскому (Приложение 2) публикуется по оригиналу, хранящемуся в ЦГАЛИ СПб. (ф. 85, оп. 1, ед. хр. 120). Примечания к основному корпусу писем составлены Б. Н. Тихомировым. Им же составлены родословные Достоевских и Фальц-Фейнов и указатель имен. Текст писем к Г. В. Коган подготовлен и примечания к нему составлены самой Г. В. Коган (при участии Б. Н. Тихомирова). Письмо к А. Ф. Достоевскому подготовлено к публикации Б. Н. Тихомировым; примечания к письму составлены Б. Н. Тихомировым и Г. В. Коган.

Письма к А. Чезана и Г. Коган написаны в последние годы жизни Е. П. Достоевской и А. П. Фальц-Фейн, закончивших свой земной путь в Ментоне, на юге Франции, в доме для престаре-

лых русских эмигрантов — *Maison Russe* (Русский Дом — *франц.*; в письмах часто обозначается сокращенно — М. Р.), — и датируются периодом с 18 ноября 1951 г. по 11 апреля 1958 г. Последнее из публикуемых писем к А. Чезана (от 4 июня 1958 г.) с сообщением о смерти сестер написано В.А. Прянишниковой — кузиной Екатерины Петровны и Анны Петровны, также проживавшей в *Maison Russe*, — на открытке, специально, в ожидании смерти, подготовленной А. П. Фальц-Фейн. Сведения об адресате основного корпуса писем — Анжело Чезана см. в примеч. 2; сведения о Г. В. Коган — в примеч. 1 к Приложению 1.

Характер и направленность помещаемых в настоящем издании Примечаний обусловлены в первую очередь родственными отношениями авторов публикуемых писем с фамилиями Достоевских и Фальц-Фейнов. Наиболее тщательно комментируется все то, что имеет прямое или косвенное отношение к судьбе потомков великого русского писателя Ф. М. Достоевского в XX веке, к поискам материалов семейного архива Достоевских и т. п. — с одной стороны, и к судьбам представителей славного рода Фальц-Фейнов — основателей уникального заповедника Аскания-Нова, с другой. Также по возможности подробно комментируются факты, связанные с 15-летним пребыванием Е. П. Достоевской и А. П. Фальц-Фейн в эмиграции — сначала в Германии и затем во Франции. (О значимости публикуемых писем для изучения русской эмиграции Второй волны подробнее см. во вступительной статье.) Напротив, упоминания исторических фактов, имен политических деятелей и т. п., о которых можно получить информацию в справочной литературе общего характера, как правило, оставлены без комментариев. Редкие исключения сделаны только в отношении грубых фактических ошибок авторов писем, которые исправлены в Примечаниях. Поясняющие дополнения переводчика в тексте писем, а также составителя Примечаний в цитатах обозначаются квадратными скобками ([]), сокращения в цитатах —

угловыми (<>), круглые скобки во всех случаях принадлежат авторам основного текста.

Пользуемся возможностью выразить глубокую благодарность всем лицам и организациям, оказавшим составителям помочь при подготовке этой книги, — Э. В. Альбинской, Д. А. Достоевскому, Л. Ф. Капраловой, Г. В. Коган, В. Н. Рыхлякову, а также Н. Т. Ашимбаевой, Е. В. Истоминой и Н. В. Шварц (Музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге), А. В. Истоминой (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга), Т. А. Комаровой, И. А. Снеговой (Пушкинский Дом). Составители книги и издательство «Акрополь» выражают особую благодарность барону Э. А. фон Фальц-Фейну, без организационной и финансовой поддержки которого это издание просто не смогло бы состояться.

¹ Ментона — небольшой город на юге Франции, в департаменте Приморские Альпы, на берегу Средиземного моря близ итало-французской границы. Один из курортов Ривьера (Лазурный берег). В нескольких письмах указан точный почтовый адрес: «Maison Russe, Chambre 42. Menton. Al. Mar. France». В письме от 16 октября 1955 г., в связи с ожиданием приезда А. Чезана в Ментону, адрес уточнен: «Наш квартал называется Cornales, Chemin Gorbio». См. также примеч. 31.

² Анжело Чезана — итальянец по происхождению, владелец книжного магазина в Базеле (Швейцария). Возможно, именно по делам своей книжной торговли А. Чезана и оказывается как-то связанным с К. Пипером (см. след. примеч.), посредником между которым и Е. П. Достоевской он предстает в начале их переписки. Сведениями о нем мы располагаем только из публикуемых писем. На некоторых конвертах и открытках сохранился адрес А. Чезана: «Peter-Ochs Str. 49. Basel. Suisse».

³ Клаус Пипер (1910 — ?) — сын Р. Пипера, основателя (1904) известного мюнхенского издательства «R. Pi per & Co Verlag», компаньон отца и после его смерти (1953) — глава фирмы. Еще в начале века, фактически с момента своего основания, фирма Пипера имела деловые контакты с А. Г. Достоевской (а возможно, и с Е. П. Достоевской, помогавшей в «достоевских делаах» своей свекрови) в связи с изданием в 1906—1919 гг. 22-томного первого полного собрания сочинений Достоевского за рубежом (на немецком языке, с предисловием Д. С. Мережковского и Д. В. Философова). Кроме собрания сочинений Пипер выпускает также отдельными книжками иллюстрированные издания Достоевского: «Двойник» (1913; илл. Альфр. Кубина), «Записки из подполья» (1927; илл. В. Беккера) и др.; исследования о творчестве писателя: «Три эссе о Достоевском» Г. Бара, Д. С. Мережковского и О. Бирбара

ума (1914), работу О. Каусса «Достоевский. Критика личности» (1916) и др. Книги Достоевского и о Достоевском выходили в издательстве Пипера и позднее. В частности, в 1925 – 1926 гг. «R. Piper & Co Verlag» издает под редакцией Р. Фюлоп-Миллера и Ф. Экштейна «Воспоминания» и «Дневник» А. Г. Достоевской, тематический сборник «Достоевский у рулетки» и том рукописного наследия писателя «Достоевский неизвестный. Неизданные материалы» (с комментариями советских исследователей). Этими публикациями Пипер начал издание 16-томной серии «Der Nachlass F. M. Dostojewskis» («Литературное наследие Достоевского»), которая задумывалась как продолжение Полного собрания сочинений (серия не завершена). Заключив в это время договоры с советскими архивохранилищами (Центрархив, Гос. исторический музей, Пушкинский Дом), издательство Пипера получило право на первую публикацию за границей неизданных рукописных материалов из архива писателя. Так, например, в этой серии в 1928 г., много раньше чем в СССР, были изданы черновые рукописи «Братьев Карамазовых» (с комментариями В. Л. Комаровича и статьей З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство» в качестве предисловия). Впервые были опубликованы у Пипера творческие материалы и к другим произведениям писателя. В этой связи в высшей степени выразительно выглядит редакционное примечание А. С. Долинина к оглавлению изданного им сборника «Достоевский. Статьи и материалы», которое гласит: «Статьи в отделах: 2, 3 и 4-м взяты из полн. Собр. сочинений Достоевского, издаваемых издательством Пипер (Мюнхен), и печатаются с согласия названного издательства» (Сборник 2. Л.; М., 1924. С. VII второй римск. пагинации. Подч. мною. – Б. Т.). В эмигрантской печати даже появились публикации, муссирующие слухи, что весь творческий архив Достоевского «запродан» советскими властями мюнхенской фирме. Сразу же в послевоенные годы Пипер вновь обращается к Достоевскому: в серии «Piper Bücherei» в 1946 г. он издает «Скверный анекдот», в 1948 г. – «Кроткую» и т. д. В 1950 г. именно у Пипера выходит в свет фундаментальная

монография Р. Лаута «Философия Достоевского в систематическом изложении». Оказавшись в конце войны в Германии, Екатерина Петровна установила (возобновила?) отношения с Р. Пипером. Так, журналист Е. Тверской, встречавшийся с Е. П. Достоевской в 1947 г. в Регенсбурге, сообщает, что она работала в это время над книгой «Генеалогическое древо Достоевских», которую предполагала напечатать в издательстве Пипера (см.: Границы. 1994. № 174. С. 230–231; напечатанное в статье имя издателя «Цицер» — явная опечатка). О том, что в это время Екатерина Петровна имеет частые дружеские контакты с Р. Пипером, выразительно свидетельствует ряд автографов главы мюнхенской фирмы — его теплые дарственные надписи, адресованные «Frau Katharina v. Dostojewsky», на книгах, хранившихся в фондах Музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (ЛМФД, ОФ – 245, 267, 310, 332, 362, 5799). Причем сделаны эти дарственные надписи в разнос времени и в разных местах: Регенсбург, август 1947 г.; Мюнхен, 2 сентября 1947 г. (две надписи); 2 апреля и 14 мая 1948 г., 15 июля 1949 г. (три последние — без указания места). Как позволяет судить настоящее и ряд последующих писем, Екатерина Петровна и Анна Петровна также пользовались материальной поддержкой семьи Пиперов.

⁴ В письме в редакцию парижского журнала «Возрождение» Екатерина Петровна писала об этом периоде своей жизни: «[Февральская] революция застала Анну Григорьевну [Достоевскую] в Сестрорецке, я же с детьми продолжала жить в Петербурге с моей матерью. В мае месяце [1917 г.] Анна Григорьевна уехала в свое имение — участок на Кавказе, между Сочи и Адлером, чтобы найти желанный покой, и предложила мне с детьми присоединиться к ней. Свиредствовавшая в тот год малярия, которой мы заболели, заставила нас бежать [с Кавказа]. Анна Григорьевна уехала в Ялту, которую она очень любила, я же с детьми поселилась в порту Скадовск, на Черном море, принадлежащем нашему родственику, члену Гос. Совета Скадовскому, куда уже переехали моя мать и сестра»

(Возрождение. 1950. Март–Апрель. С. 199–200). С. В. Белов в книге «Жена писателя» (М., 1986. С. 200), опираясь на свидетельство А. Ф. Достоевского, называет точную дату, когда А. Г. Достоевская с невесткой и внуками выехали из своего кавказского имения Отрада, — 22 августа. Следовательно, в Скадовск Екатерина Петровна с детьми приезжает в самом конце лета 1917 г. Можно также уточнить, что названный выше член Гос. Совета камергер С. Б. Скадовский (владелец построенного им порта Скадовск) был свекром О. А. Фальц-Фейн — племянницы Екатерины Петровны (дочери Анны Петровны). Но самой О. А. Фальц-Фейн в Скадовске в это время не было: с начала Первой мировой войны она в качестве сестры милосердия находилась в действующей армии. Это важно отметить, поскольку в ее неопубликованных воспоминаниях содержится ошибочное свидетельство, будто бы Екатерина Петровна проживала в Скадовске безвыездно с 1914 г. Именно обращением к указанному источнику объясняется повторение этой ошибки в статье американского исследователя А. И. Натова «Е. П. Достоевская — невестка Ф. М. Достоевского (к 20-летию со дня смерти)», который пишет: «Живя одно время на Юге России, Екатерина Петровна там пережила обе немецкие оккупации. Разразившаяся Первая мировая война заставила ее задержаться в Скадовске. Здесь ее застала и революция, а затем в 1918 г. и немецкая оккупация...» (Русская мысль. 1978. № 3221. 14 сент.). Приведенное нами свидетельство самой Екатерины Петровны рисует иную картину.

⁵ Муж Анны Петровны А. Э. Фальц-Фейн (1864–1919; с кон. 1909 г. они в разводе) выехал после революции из России сначала в Швецию, затем в Германию и вскоре после эмиграции умер в Берлине. Их сын Александр Александрович Фальц-Фейн (1894–1916) — один из первых русских летчиков, в 1915 г., раненый, попал в австрийский плен, позднее был обменян, вернулся в Петроград, где после операции умер от ран на руках у матери. Похоронен в Аскании-Нова (см. о нем письмо от 21 января 1952 г. и примеч. к этому письму).

Муж Екатерины Петровны Ф. Ф. Достоевский, сын писателя, умер в Москве 4 января 1922 г. от миокардита (дата его смерти в книге М. Волоцкого — 23 декабря 1921 г. — дана по старому стилю); похоронен на Ваганьковском кладбище. Их старший сын Федор умер от тифа, осложненного менингитом, 14/27 октября 1921 г. в Симферополе; похоронен на кладбище села Подгорное-Петровское по Алуштинскому шоссе. Младший сын Андрей (1908–1968) был жив, но, длительное время не имея от него известий, Екатерина Петровна «привыкла ничего о нем не знать» (см. наст. изд., с. 169). Об А.Ф.Достоевском см. письма от 9 сентября и 16 октября 1955 г. и от 17 ноября 1957 г., а также примеч. к ним.

⁶Таврия — прилегающая с севера к Крымскому полуострову часть Таврической губернии. Под «своим именем в Таврии» Анна Петровна, очевидно, подразумевает здесь имение своей дочери Ольги в Скадовске (см. выше примеч. 4). Так, в дневнике сенатора Д. И. Пестржецкого, двоюродного брата Анны Петровны и Екатерины Петровны, зафиксировано, что осенью 1920 г. его кузины приезжают в Симферополь именно из Скадовска: «12-го октября [1920 г.] нами [то есть Белой армией] был оставлен Александровск, и начался отход наших войск на юг. О необходимости и неизбежности такого отхода я слышал от компетентных военных еще в мае и июне и потому думал, что наши войска отойдут, как в минувшем году, на позиции и будут там отсиживаться; поэтому не встревожил меня и спешный приезд моих двух двоюродных сестер Фальц-Фейн и Достоевской из Сесадовска» (Мера. 1995. № 4. С. 240–241; «Сесадовск» здесь, без сомнения, неверно прочтенное публикаторами «Скадовск»). Существует документальное свидетельство, что и в 1919 г. сестры проживают также в Скадовске (см. примеч. 15). Обращение к дневнику сенатора Пестржецкого позволяет уточнить и хронологию события. Врангелевские войска ушли из Симферополя 13 ноября 1920 г. Если довериться настоящему письму А. П. Фальц-Фейн, то их приезд в Симферополь надо датировать 14-15 ноября. Однако Д. И. Пестржецкий пишет:

«Если я не ошибаюсь, 23 октября [1920 г.] мы с братом выехали в Севастополь, на вокзале было уже неспокойно <...>» (Там же. С. 241). Значит, «кузины» должны были появиться в Симферополе не «за день до» ухода Белой армии (это, видимо, дань «литературному этикету»), а чуть ли не месяцем ранее. Но, может быть, в памяти Анны Петровны время стерло «детали», и речь должна идти о их приезде не в Симферополь, а в Севастополь? Тогда становится понятным ее упоминание ниже о посланном за ними Ольгой Фальц-Фейн «нашем ледоколе “София”».

⁷ Баронесса Ольга Александровна Фальц-Фейн (25.12.1891 – 4.03.1972). С конца Первой мировой войны проживала в Париже. Известен факт переписки О. А. Фальц-Фейн с ее двоюродным братом А. Ф. Достоевским (переписка началась в 1930-е гг., затем была прервана и возобновилась с конца 1950-х гг.); фрагмент одного из писем Андрея Федоровича к ней опубликован в статье А. Иванова «У могилы Ф. М. Достоевского» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1988. Кн. 172-173. С. 362); другие воспроизведены в статье А. И. Натова «О. А. Фальц-Фейн и ее воспоминания о Достоевских» (см. ниже). Комментируя это место при первой публикации настоящего письма, мы высказали следующую гипотезу: «Упоминание здесь Константинополя, куда, как видно, ранее выехала дочь Анны Петровны, заслуживает особого внимания в связи с промелькнувшим в 1922 г. в грузинской газете “Бахтриони” (от 31 июля) сообщением, что пропавшие в годы гражданской войны рукописи из архива А. Г. Достоевской “появлялись то в Батуми, то в Константинополе, то в Озургети”. Если Анна Петровна и Екатерина Петровна располагали какой-то частью архива писателя, то нельзя исключать, что что-то из материалов могло быть взято баронессой О. А. Фальц-Фейн, раньше матери и тетки успевшей покинуть Россию» (Мера. 1995. № 1. С. 120-121; подч. мною. – Б. Т.). Знакомство с изложением (с частичной цитацией) мемуаров О. А. Фальц-Фейн, содержащемся в неопубликованной статье А. И. Натова «О. А. Фальц-Фейн и ее воспоминания о До-

стоевских», заставляет нас пересмотреть эту гипотезу*. Обстоятельства, при которых мемуаристка в 1920 г. оказалась в эмиграции, предстают в пересказе исследователя в таком виде: «Своих родных Ольга Александровна видела последний раз в Скадовске, где жила ее мать, и больше никогда в Скадовске не приходилось ей бывать. Надо полагать, что это было в 1919 г., никак не позже. А с дядей [Ф. Ф. Достоевским, сыном писателя] она виделась позже, в Севастополе, когда она направлялась с специальной миссией в Одессу на пароходе "Николай II" Русского общества торговли и промышленности. «Когда этот пароход вечером отплывал от берегов Севастополя, — вспоминает Фальц-Фейн, — Федор Федорович, провожая меня, стоял на берегу и говорил: "Ляличка (он так называл меня), не беспокойтесь за меня. Те, которые теперь становятся во главе правительства, — они мои соученики по школе, и мне будет неплохо <...>". Когда, в каком году это происходило? О. А. Фальц-Фейн дат не приводила. Из рассказанного ею далее можно установить с достаточной точностью, когда происходило прощание дяди с племянницей. Продолжим ее рассказ: «Когда мы прибыли в Одессу, то оказалось, что уже неделю как прервалась телефонная связь. Я застала там полную и последнюю эвакуацию». Следовательно, — подытоживает Натов, — пароход "Николай II" прибыл [в Одессу] в конце января, самое позднее — первые два дня февраля 1920 г. С 11 января Красная Армия вела наступление на Одессу, и 7 февраля Одесса оказалась в ее руках». Далее события развивались следующим образом: «Из Одессы надо было отплывать — это ясно. Но куда? Обратно в Крым? Представители Белого правительства и командир судна понимали, что "Белое дело" бесповоротно рухнуло. Дни Крымского правительства также сочтены. Крым надо оставлять. Было решено повернуть на Юг, но рядовым пассажирам ничего не сообщать. Поэтому понятно удивление О. А. Фальц-Фейн, когда она

---

* Манипулировать статьи А.И.Натова (с авторской правкой) передана нам бароном Э.А.Фальц-Фейном, за что мы выражаем ему самую сердечную благодарность.

увидела, что “Николай II” приближается не к портам Крыма, а входит в устье Дуная. Пассажиров высадили в г. Сулина (Румыния). Оттуда Ольга Александровна перебралась сначала в Варну (Болгария) и затем переехала в Константинополь». Для нашей темы факты, изложенные в статье американского исследователя, представляют исключительную ценность. Из них следует, что дочь Анны Петровны оказалась за границей по воле случая и без какой-либо предварительной подготовки. Маловероятно, что, отправляясь из Севастополя в Одессу «со специальной миссией» и затем планируя вернуться обратно в Крым, Ольга Фальц-Фейн могла взять с собой какие-либо «достоевские» материалы. Впрочем, с другой стороны, нахождение в Константинополе ледокола «София», принадлежавшего бабушке мемуаристки — Софье Богдановне Фальц-Фейн (свекрови Анны Петровны, о ней см. письмо от 10 декабря 1951 г. и примеч. 36), существенно осложняет общую картину и не позволяет нам полностью отказаться от предложенной прежде гипотезы.

⁸ В архиве А. Ф. Достоевского сохранились некоторые документы, связанные с попыткой Екатерины Петровны и Анны Петровны выехать в 1923 г. во Францию. В частности, это письмо от 12 мая 1923 г. за подписью В. Верлина, делегата Международного комитета Красного Креста в России, в котором он уведомляет Екатерину Петровну о том, что в МКК «поступило ходатайство Марии Гурон де Буазверт [в др. месте: Руазверт], проживающей во Франции, о содействии ускорению и облегчению отъезда во Францию Вас, Вашего сына Андрея и г-жи Анны Петровны Цугаловской». Одновременно В. Верлин сообщает, что «для выезда из России необходимо иметь соответствующее разрешение подлежащих российских властей, а именно: согласно декрета Совнаркома от 10 мая 1922 г. и дополнительного к нему декрета от 19 декабря 1922 г., — разрешение Местного Отдела Государственного Политического Управления». Причем «разрешение ГПУ <...> должно быть получено непременно на месте [то есть в Симферополе]». За-

вершая письмо, В. Верлин сообщает: «Что же касается расходов, связанных с Вашим путешествием во Францию, то г-жа Руазверт [sic] предполагает на днях выслать Вам для этой цели некоторую сумму. По получении уведомления от нашего казначейства о внесении на Ваше имя упомянутых денег, мы не замедлим Вас о том известить» (ЦГАЛИ СПб. ф.85, оп.1, ед. хр.139, л. 22–23). Очевидно, что М. Гурон де Буазверт являлась лицом, уполномоченным О. А. Фальц-Фейн. Еще в одном письме, от 22 июня 1923 г., подписанном тем же В. Верлиным, уже упоминается о пересылке в Симферополь 160 американских долларов, «предназначенных на покрытие расходов по Вашему путешествию»; здесь же сообщается, что в МКК «только что получено из-за границы письмо, рекомендующее Вам избрать путь через Константинополь», обсуждается вопрос о путях получения турецкой транзитной визы и т. п. (Там же. Л.21). Создается впечатление, что все уже было готово к отъезду и дело оставалось за «малым»: получить разрешение местного ОГПУ. Но вот тут-то, видимо, и вышла осечка.

⁹ После печально знаменитой книги В. Ермилова «Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского» (М., 1948) и резкой и несправедливой критики в прессе книг А. С. Долинина «В творческой лаборатории Достоевского. Роман “Подросток”» и В. Я. Кирпотина «Ф. М. Достоевский» и «Молодой Достоевский» (все — 1947) в изучении Достоевского в СССР наступило «мрачное семилетие»: за период с 1948 по 1955 г. в печати не появилось ни одной работы (книги или статьи) о творчестве писателя. На имя Достоевского фактически был наложен запрет. Например, талантливый исследователь Н. М. Чирков вынужден был отказаться от защиты докторской диссертации, посвященной изучению стиля Достоевского, над которой он работал с 1929 г. Крупнейшему достоеведу А. С. Долинину цинично предложили «переключиться» на Короленко и т. п. Положение изменилось только после того, как 1956-й год (год 75-летия со дня смерти писателя и 135-летия со дня его рождения) был объявлен Всемир-

ным Советом Мира «Годом Достоевского». См. об этом письмо от 21 декабря 1955 г. и примеч. к нему.

¹⁰ О смерти от брюшного тифа осенью 1921 г. племянника Анны Петровны, старшего сына Екатерины Петровны Феди Достоевского см. примеч. 5.

¹¹ Баронесса Нольде — неустановленное лицо. Возможно, речь идет об Александре Андреевне Нольде (урожд. Искрицкой), жене барона Б. Э. Нольде, служившего до революции в Министерстве иностранных дел. Такое предположение основано на том, что в Петрограде баронесса А. А. Нольде и Е. П. Достоевская жили по соседству на Фурштатской улице (Достоевские в д. 18, Нольде в д. 20) и вполне могли быть знакомы. См.: Санкт-Петербургский великосветский ежегодник на 1914 г. СПб., 1914. С. 494.

¹² В архиве А. Ф. Достоевского сохранились справки, свидетельствующие о том, что в декабре 1925 г. Екатерина Петровна «прошла экспертизу по английскому языку при Союзе Работников Просвещения Крымской АССР» (этая справка заверена членом экспертной комиссии известным профессором Крымского пединститута Е. В. Петуховым); что в 1929 — 1933 гг. она «занималась подготовкой по овладению иностранными языками научными сотрудниками Крымской Зональной опытной станции плодово-ягодного хозяйства» (где, кстати, Анна Петровна работала библиотекарем), а затем с 1935 г. до 1 сентября 1941 г. «работала в Симферопольском автотранспортном техникуме в качестве преподавателя английского языка» (ЦГАЛИ СПб. ф. 85, оп. 1, ед. хр. 139, лл. 41, 44, 50). См. также письмо 2 к Г. В. Коган от 9 декабря 1957 г. в Приложении 1.

¹³ Эти опасения не были безосновательными. Можно отметить, что в ноябре 1930 г. по «делу академиков» в Ленинграде был арестован и отправлен в лагерь на Беломорско-Балтийский канал А. А. Достоевский (1863—1933) — сын младшего брата Ф. М. Достоевского Андрея, ученый хранитель Пушкинского Дома, незадолго перед арестом опубликовавший мемуа-

ры своего отца — важнейший источник сведений о детстве писателя (*Достоевский А. М. Воспоминания*. Л., 1930; книга вышла из печати 29 марта 1930 г. [см.: ЛМФД. ОФ — 29], страшно представить, что бесценная рукопись могла быть изъята при аресте и пропасть в подвалах ОГПУ). Именно в это время, с осени 1930 г., на квартире у ляди (Почтамтская ул., д. 5) жил приехавший в Ленинград учиться в Индустриальном институте сын Екатерины Петровны Андрей. В апреле 1931 г. А. А. Достоевский был неожиданно освобожден «по случаю 50-летия со дня кончины Ф. М. Достоевского» (Подробнее об аресте и освобождении А. А. Достоевского см.: Белов С. В. «Федору Достоевскому от благодарных бесов» // *Литератор*. 1990. № 22 (27). С. 5). По свидетельству, которое, однако, требует дополнительной проверки, неоднократно подвергался арестам также внук М. М. Достоевского (старшего брата писателя) Милий Федорович Достоевский (1884 — ?) — ученый-востоковед, который после последнего ареста, уже при Ежове, сгинул в сталинских лагерях Западной Сибири. — См.: *Достоевская Е. А. Первый арест Милия Федоровича Достоевского* // *Литературный современник*. Мюнхен, 1954. С. 294—296. Как сообщил мне Д. А. Достоевский со слов своей матери Т. В. Достоевской, в предвоенные годы был арестован и провел около полутора месяцев в следственной тюрьме «на Шпалерной» в Ленинграде и сын Екатерины Петровны, внук писателя, А. Ф. Достоевский.

¹⁴ Выйдя замуж за А. Э. Фальц-Фейна, Анна Петровна приняла по немецкой традиции двойное имя: Анна-Нина. При советской власти она жила под девичьей фамилией и называла себя вторым, принятым в браке именем — Нина Петровна Цугаловская.

¹⁵ В Симферополе сестры жили в так называемом «абрикосовском доме» по ул. Воровского (быв. Воронцовская), д. № 22, кв. 8. По свидетельству американского исследователя А. И. Натова, который пользовался пока еще недоступными нам материалами (например, воспоминаниями О. А. Фальц-Фейн и т. п.),

«немецкое командование освобождает квартиру сестер от постого военных и выдает охранное свидетельство, которое гласило (по-немецки): “Здесь живет невестка писателя Достоевского”» (Русская мысль. 1978. № 3221. 14 сент.). Можно посчитать своеобразным историческим парадоксом, что за 20 с лишним лет до немецкого командования, 5 мая 1919 г., другая «охранная грамота» была выдана Екатерине Петровне с сыновьями Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Скадовска. Этот документ настолько выразителен, что приводим его здесь целиком (с сохранением синтаксиса и орфографии подлинника):

«Предъявитель сего, Екатерина Петровна Достоевская, согласно предъявленных ею документов [далее следует перечень документов, среди которых не последнее место занимает удостоверение Московского Дворянского Депутатского Собрания] является женой Федора Федоровича Достоевского — сына знаменитого русского писателя Федора Михайловича, старого Революционера, арестованного в 1849 г. при царе Николае Павловиче за “ злоумышленное” выступление против государственно-исторического строя вместе с другими революционерами и был приговорен к смертной казни через расстреляние. Уже на эшафоте, когда подавали команду стрелять — приговор был смягчен. Федор Михайлович Достоевский получил 4 года каторги. А в 1881 году 28 января он умер и унес с собою живого защитника обездоленных, но оставил нам свои неоцененные труды для дальнейшего перевоспитания человечества. Глубоко уважая память товарища Ф. М. Достоевского, просим не стеснять его прямых родственников, внуков, отпрысков борца за свободу человечества.

*Председатель (подпись)
Секретарь (подпись)»*

— ЦГАЛИ СПб. ф.85, оп.1, ед. хр.139, л. 7, нотариально заверенная копия; подлинник хранится в Музее Ф. М. Достоевского в Москве и был с небольшими неточностями и сокраще-

ниями опубликован Г. Ф. Коган. См.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. Т.7. С. 224.

¹⁶ Немцы заняли Симферополь 1 ноября 1941 г.

¹⁷ По свидетельству С. В. Белова, который опирается на устные рассказы А. Ф. Достоевского, положение Екатерины Петровны и Анны Петровны в Симферополе было осложнено следующим обстоятельством, вызвавшим их переезд в Одессу: «В 1942 г. в Крыму появилась бывшая жена Милия Федоровича Достоевского — внука старшего брата писателя, М. М. Достоевского. Она сумела получить оккупационный вид на жительство под фамилией “Достоевская”, хотя была женой Милия Федоровича всего лишь три месяца и давно уже носила девичью фамилию. Фамилию “Достоевская” она использовала для предательских выступлений по радио и в печати. Екатерина Петровна вынуждена была приступить к разоблачению самозванки, чем вызвала недовольство немецкой комендатуры. С другой стороны, так как в Симферополе, где жила Екатерина Петровна, ее все знали и считали единственным человеком, носившим фамилию “Достоевская”, население приписало предательские выступления Екатерине Петровне. Она стала получать угрожающие письма от подпольщиков и партизан» (Белов С. В. Новое о Достоевском в архивах США // Границы. 1994. № 174. С. 225–226). Не названная С. В. Беловым по имени «самозванка» — Евгения Андреевна Щукина (1897 — после 1954). По свидетельству известного достоеведа, первого директора Музея Ф. М. Достоевского в Москве В. С. Нечаевой, которая познакомилась с Милием Федоровичем в конце 1922 г., к этому времени брак между ним и Щукиной уже был расторгнут (см.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 280–281). Известно, что в архиве Екатерины Петровны в Ментоне находилось обширное «Дело» (собранные ею документы) по разоблачению самозванства Щукиной; после смерти матери, видимо, зная об этом из ее писем, А. Ф. Достоевский предпринимал усилия, чтобы получить эти материалы, но безуспешно. Отметим для полноты картины, что деятельность лже-Достоевской не ограничивается только

«крымским эпизодом»: оказавшись после войны в Мюнхене, Е. А. Щукина неоднократно выступала в печати под фамилией «Достоевская» (см., например, фрагмент из ее воспоминаний: *Достоевская Е. Свидание в «мертвом доме» // Литературный современник*. Мюнхен, 1952. № 4). Интересный «след» борьбы Екатерины Петровны, уже в бытность ее в Ментоне, против подобных выступлений Щукиной обнаружен мною в архиве А. Ф. Достоевского. Это датированный 13 июля 1950 г. на бланке «The foreign Service of the United States of America» официальный ответ американского консульства в Зальцбурге «на подачу заявления Ек. П. Достоевской о том, что Евгения Щукина, бывшая всего три мес. замужем за Милием Фед. Достоевским и через 3 мес. получившая развод, самозванно продолжает себя называть Достоевской». Слова, приведенные в кавычках, — комментарий рукой самой Екатерины Петровны на полях документа, который гласит:

«Дорогая госпожа Достоевская:

Спешу подтвердить получение Вашего письма от 30 июня 1950 г. касательно самозванки, которая использует Ваше фамильное имя. В тот же день, когда пришло Ваше письмо, я также получил сообщение из американского консульства в Ницце. К этому сообщению были приложены копии документов, которые Вы представили на их рассмотрение. Я передал эту информацию в соответствующие инстанции и надеюсь, что они предпримут соответствующие шаги.

Искренне Ваш,

*Ральф В. Мак Магон
американский вице-консул».*

— ЦГАЛИ СПб. ф. 85, оп. 1, ед. хр. 139, л. 52; перевод с англ. языка выполнен автором примечаний.

¹⁸ Аккерман — с 1944 г. Белгород-Днестровский в Одесской области.

¹⁹ В мемуарах журналистки Е. Польской сообщается, что из Одессы Анну Петровну и Екатерину Петровну вывезли румыны (см.: Мера. 1995. № 1. С. 137 – 138). На фотографии, принадлежащей Гос. лит. музею Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (дар барона Э. А. Фальц-Фейна), сестры сфотографированы с румынским офицером Монтенуано, который способствовал их эвакуации. Именно поэтому первоначально они оказываются в Румынии (Галац). Впрочем, в письме на имя барона Э. А. Фальц-Фейна от 17 июля 1968 г. некий оберфорстер Людвиг Маргль, проживающий в Нижней Австрии, сообщает, что, будучи в 1943 г. «фельдфебелем немецкого вермахта», он «вывез из Крыма последним транспортом фрау Анну Фальц-Файн и фрау Екатерину Достоевскую» (цитируем по ксерокопии письма, любезно предоставленной нам бароном Э. А. Фальц-Фейном). Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

²⁰ Литцманнштадт — так в период немецкой оккупации, с 1939 по 1944 г., назывался город Лодзь.

²¹ Очень важное свидетельство, — что у Екатерины Петровны находилась часть архива А. Г. Достоевской (из других источников известно, что у нее хранилась третья завещательная тетрадь жены писателя). Но отсюда также следует, что рукописей Ф. М. Достоевского — по крайней мере к этому времени — у нее не было.

²² Фальц-Фейны владели имением Аскания-Нова в Таврической губ. с 1856 г. В 1875 г. Фридрихом Эдуардовичем Фальц-Фейном здесь был основан зоопарк. Необъятные простиоры (более 200 000 десятин земли), богатейшая природа, трудолюбие и творчество создали к концу прошлого века облик уникального, единственного в своем роде зоопарка, где на воле жили африканские страусы и американские бизоны, зебу из Индии и зубры из Беловежской Пущи, астраханские сайгаки и тундровые олени, дальневосточные уссурийские маралы и кавказские фазаны, а также ланы, медведи, зебры и даже кенгуру, — наряду с местными и заморскими птицами. Это был

подлинный шедевр зоопаркового искусства. (Об Аскании-Нова, судьбе заповедника и его создателей см.: *Аскания-Нова*.) По устному свидетельству барона Э. А. Фальц-Фейна, это был единственный случай, когда, «в нарушение протокола», царь останавливался (более чем на день) в доме частного лица. На высказанное ему по этому поводу в Думе замечание Николай отвечал: «Я останавливался не у “частного лица”: я останавливался у “зоолога”». Посещение императором Николаем II Аскании-Нова имело место не 23-го, как указывает Анна Петровна, а 29–30 апреля (эта ошибка, видимо, восходит к книге В. Э. Фальц-Фейна «Аскания-Нова» (Берлин, 1930), которая была у сестер (см. примеч. 83) и где также говорится о 23 апреля). Знаменательно, что посещение это нашло отражение в личном дневнике царя, причем отражение достаточно подробное, если учесть лаконичность записей на соседних страницах, где событиям других днейделено иногда всего лишь четырепять строк. Факт сам по себе достаточно красноречивый, свидетельствующий о впечатлении, которое на императора произвел заповедник Ф. Э. Фальц-Фейна. Приведем соответствующие фрагменты дневника Николая II с небольшими сокращениями:

«29-го апреля [1914]. Вторник.

С ночи был туман. В $7\frac{1}{4}$ простился с Аликс и детьми и отправился в моторе в дальнюю прогулку. Взял с собою: Войкова, Дрентельна и Сашку Воронцова (деж.). За Эрикликом тумана не было. В Симферополе была встреча; дальше в местечке Александровке остановились на час времени для завтрака и отдыха шоферам. Ехал отлично проселочной дорогой через Армянск и Перекоп и в 4 ч. прибыл в имение Фальц-файна [sic] *Аскания-Нова*. Он меня встретил со своей матерью, братом, сестрою и ее мужем и ввел в свои комнаты, в кот[орых] я был помещен. Выпив чаю в саду, пошел с ним в сад к пруду, где живет масса птиц всевозможных стран света. Затем пришли в его зверинец с крупными животными, живущими вместе. Обойдя большое озеро, нарочно устроенное в виде болота, и очень красивый тенистый парк, сел с владельцем в автомобиль и поехал в степь. Объехали много стад пле-

менного скота, табунов лошадей и между теми и другими видел зубров и бизонов, а также зебров [sic]. Голова ходила кругом от стольких впечатлений и поразительного разнообразия животных! [Подч. мною. — Б.Т.] Вернулись в экономию к 8 час. Обедали все вместе; Кривошеин также приехал туда. Лег спать в $11\frac{1}{2}$ ч.

30-го апреля. Среда.

<...> Встал в 7 час. и через полчаса отправился с Фальцфайн[ом] в степь. Видел еще много разных стад и затем стрижку овец. Перед домом мне сделали выводку его лучших производителей конского завода.

В $9\frac{1}{2}$ позавтракал со всеми в саду и осмотрел еще раз пруд с птицами, простился с любезными хозяевами и в 10.20 при отличной погоде пустился в обратный путь. <...> Через Симферополь проехал в 5 час. и, не останавливаясь нигде, в Бахчисарае и на Айпетри, прикатил в Ливадию в $7\frac{1}{2}$ час. Большая была радость увидеть дорогую Аликс и детей. <...> После обеда рассказывал про все мною виденное.

Лег спать как всегда» (Дневник Николая II. М., 1991. С. 460).

Пребывание в Аскании-Нова произвело на Николая II настолько неизгладимое впечатление, что через неделю, 8 мая, он так же подробно описывает свою поездку и в письме к Мама́, императрице Марии Федоровне:

«29 апреля рано утром я поехал на моторе через Симферополь и Перекоп в Асканию-Нова, куда прибыл в 4 часа дня. Там встретили: сам хозяин, старуха-мать, ее дочь, которая замужем за Пейкер[ом], внучка и еще сын, то есть брат Фальц-Фейна. Они совсем русские и очень простые, достойные люди в обращении. Мне предложили чай в саду. Вокруг стола разгуливали цапли, утки, гуси и журавли, смотрели на нас, и некоторые подходили и толкали клювами, прося дать им хлеба. Потом хозяин повел меня мимо больших клеток со всевозможными птицами, живущими вместе, к пруду; на нем плавало несколько сот уток, гусей, лебедей, фламинго разных пород. Дальше мы подошли к

знаменитому зверинцу, размером, как военное поле в Гатчине, с громадным забором вокруг. Там живут разные олени, козы, антилопы гну, кенгуру, страусы, круглый год под открытым небом и на открытом воздухе, и тоже все вместе. Удивительное впечатление, точно картина из Библии, как будто звери вышли из Ноева ковчега! Оттуда мы отправились в его прелестный парк, который Фальц-Фейн посадил и развел в 1888 году, когда он нашел у себя воду. Здесь растут все наши северные кусты и деревья, что тоже странно в степи. Потом в моторе я объехал его огромное стадо овец, коров с зубрами и бизонами, у которых идет отличная порода, лошадей, зебров и верблюдов. Эти стада и табуны пасут полгода в степи, далеко от его дома, и он нарочно для меня приказал подогнать их поближе. Все-таки я не видел всех, так как не хватило времени. Вечером я обедал у них и лег спать пораньше. Из господ (сопровождающих) со мною были: Войков, Дрентельн и Сашка Воронцов. На следующее утро, 30 апреля, мы поехали в степь и продолжали осматривать стада: показали нам также стрижку овец, при этом никакого pocher не было. В саду, в одном из прудов, Фальц-Фейн развел рыбу, которая вся красного цвета. Подумай — карпы, язи, подъязики, караси — все совершенно красные. Он мне объяснил, что это очень просто: нужно только давать много солнца и давать рыбе мясо! Он сделал выводку своих лучших лошадей, чем он более всего доволен, и они действительно замечательно хороши и красивы! Он продает ежегодно в ремонт кавалерии 120 лошадей. До моего отъезда семья Фальц-Фейнов угостила завтраком в саду, хотя и было 9.30 утра. Простившись с ними, поехал другой дорогой назад и осмотрел несколько новых хуторов крестьян, всего три года назад выселившихся из деревень. <...> Дальше ехал рядом с железной дорогой до Симферополя и через Бахчисарай и Ай-Петри домой. Прибыли в Ливадию перед обедом. Итак, я сделал в два дня 587 верст, почти столько же, сколько от Петербурга до Москвы...» (*ГАРФ*, ф. 642, оп. 1, ед. хр. 2332, л. 54; письмо частично опубл.: Деловой мир. 1997. № 16. 16–19 мая. С. 9).

Все события, связанные с приездом Николая II в Асканию-Нова, были засняты на кинопленку представителем фирмы Патэ. Естественно, это событие нашло подробное освещение и в книге В. Э. Фальц-Фейна «Аскания-Нова». Приведем из нее несколько колоритных эпизодов: «Приведя себя в порядок после длинного путешествия, [царь] вскоре появился вновь и, поприветствовав всех нас, тотчас же отправился осматривать зоопарк. Первым представителем животного мира, встретившимся на пути царя, оказался старый самец дрофы. Он воинственно бросился на высокого гостя, на что тот с улыбкой заметил: “Хотя и своеобразное, однако же, наверняка, сердечное приветствие!”»; «Царь удивился разнообразию дичи, которая резвилась у искусственного озера и у источника, бывшего в окружении высоких старых деревьев. <...> Особое внимание царя привлек африканский страус-самец, который усердно занимался высиживанием яиц» и т. п. (*Аскания-Нова*. С. 183, 185). Этот «звездный час» в истории заповедника имел важные последствия в судьбе всего семейства Фальц-Фейнов. «Через десять дней после визита царя Фридрих получил телеграмму из Ливадии. Министр Двора приглашал Фридриха навестить царя в его летней резиденции в Ливадии. Фридрих отправился туда и был встречен царем приветливо и сердечно. <...> Прощаясь с Фридрихом в Ливадии, царь сказал ему: “За Ваши заслуги перед отечеством я возвожу Вас и Вашу семью в сословие потомственного дворянства” [Подч. мною. — Б. Т.]. Там же. С. 188 — 189.

²³ Старшим среди братьев Фальц-Фейнов был основатель заповедника Аскания-Нова Фридрих Эдуардович (1863, Аскания-Нова — 1920, Киссинген, Германия; похоронен в Берлине); следующим по старшинству шел муж Анны Петровны Александр Эдуардович (см. о нем примеч. 5 и 47). Младшие братья: Густав Эдуардович (1866 — 1917), Карл Эдуардович (1871 — 1918), Николай Эдуардович (1873 — 1939) и Владимир Эдуардович (1877 — 1946). Сестра Лидия Эдуардовна (1870 — 1937) в первом браке была замужем за Д. Д. Набоко-

вым — братом лидера партии кадетов В. Д. Набокова, отца писателя В. В. Набокова; во втором браке — за камергером Н. Ф. Пейкером. Кроме «основного имения» — Аскания-Нова, — которым после семейного раздела 1895 г. владел старший из братьев Фридрих Александрович, Фальц-Фейны владели еще несколькими имениями в Таврической и Херсонской губерниях — Преображенка (см. примеч. 24), Дорнбург, порт Хорлы (см. примеч. 35) и др. Имение мужа Анны Петровны Гавриловка располагалось в 120 км севернее Херсона на правом берегу Днепра.

²⁴ Преображенка — имение вблизи Перекопского перешейка, приобретенное Фридрихом Фейном (см. примеч. 64) еще до покупки Аскании-Нова. Здесь, в Преображенке, у Фр. Фейна останавливался в 1855 г. возвращающийся из Крыма император Александр II. Затем имение принадлежало внуку Фр. Фейна — Г. И. Фальц-Фейну, дяде и одновременно отчиму мужа Анны Петровны. Как сообщает в книге «Аскания-Нова» В. Э. Фальц-Файн, в 1890 г. Густав Иванович серьезно заболел и умер. После смерти своего второго мужа «моя мать стала единственной наследницей всего его состояния, включая дворец в Преображенке, построенный в готическом стиле недалеко от побережья Черного моря. Этот “белый дворец у Черного моря” — позднее резиденция моей вдовствующей матери — отличался особой роскошью убранства. Он насчитывал более 60 полностью обставленных комнат, имелось чудесное собрание картин, много ценных gobеленов и различные другие предметы искусства». «В большой картинной галерее находилось также несколько морских пейзажей Айвазовского, знаменитого мариниста, близкого друга моего отчима и моей матери» (*Аскания-Нова*. С. 74, 158).

²⁵ Подробнее об этом см. письмо от 22 июня 1954 г.

²⁶ Это чрезвычайно важное признание в письме Анны Петровны, без сомнений, должно рассматриваться исследователями судеб рукописного наследия Ф. М. Достоевского как

аутентичное свидетельство самой Екатерины Петровны. До сих пор было известно, что 25 апреля 1906 г. А. Г. Достоевская подарила рукопись романа «Братья Карамазовы» (два переплетенных в коленкор тома в 439 и 465 страниц) своему внуку Федику (см. о нем примеч. 5) «на память о его дедушке». 17 февраля 1907 г. рукопись была внесена на хранение в Государственный банк по расписке № 1030823, и 19 февраля расписка отослана в заказном письме «на хранение Екатерине Петровне». Но дальние следы рукописи теряются, местонахождение ее сегодня неизвестно. По одной из версий, рукопись лишь «на какое-то время (до 1908 г.) хранилась в Петербургском банке. Но Е. П. Достоевская никогда не держала в руках самой рукописи, а если и держала квитанцию от нее, то очень недолго. А. Г. Достоевская взяла рукопись из банка и с тех пор до самого своего бегства в Сочи [в 1917 г.; см. примеч. 4. — Б. Т.] постоянно держала ее при себе» (*Орнатская Т. И. К истории утраты рукописи романа «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 188-189*). Анна же Петровна свидетельствует, что рукопись «Карамазовых» находилась в Государственном банке вплоть до 1917 г. Правда, поскольку в дни Октябрьской революции Екатерины Петровны не было в Петрограде, слова «все в руках большевиков» надо оценивать не более как эмоционально окрашенное предположение. Во всяком случае, когда в 1921 г. по решению Совнаркома Наркомфин обязан был передать все рукописные материалы, хранящиеся в сейфах банков, заместителю наркома просвещения М. Н. Покровскому, среди «достоевских» материалов рукопись «Братьев Карамазовых» обнаружена не была. Впрочем, картину серьезно осложняет следующее обстоятельство. Кроме переплетенной в два тома беловой рукописи романа, о которой выше и шла речь, существовал еще один том с черновыми материалами к «Братьям Карамазовым», который также хранился в Государственном банке (квитанция № 2511 от 4 июня 1899 г.) и также был подарен Анной Григорьевной внуки Федору и Андрею в день рождения последнего — 28 января 1909 г. Не исключено, что в письме А. П. Фальц-Фейн имеется в виду

эта *черновая* рукопись романа, судьба которой тоже неизвестна. Следует также осмыслить значение позднейшей приписки, сделанной Анной Григорьевной в ее завещательной тетради против того места, где сообщается о дарении *беловой* рукописи «Братьев Карамазовых» «внуку Федику»: «Рукопись эта, по разъяснению Федора Федоровича [старшего] принадлежит ему, как главному наследнику прав на сочинения отца». Не значит ли это, что в какой-то момент (возможно, после разрыва с Екатериной Петровной и “гражданского брака” с Леокадией Михаэлис в 1916 г.) Ф. Ф. Достоевский-старший заявил свои права на рукопись, отрицая за матерью, Анной Григорьевной, право дарить ее, даже его собственным сыновьям, и как бы «дезавуируя» правомочность дарственной записи в ее завещательной тетради? В таком случае в сейфе Екатерины Петровны, действительно, могли находиться лишь *черновые* материалы к «Братьям Карамазовым» (которые Анна Григорьевна *имела право* дарить, так как эта рукопись была в свое время подарена ей самим Достоевским и, следовательно, составляла ее личную собственность). Федор Федорович же мог не только «заявить» свои права, но вполне и забрать беловую рукопись романа из сейфа Государственного банка: в таком случае «след» ведет нас к его гражданской жене Леокадии Стефановне Михаэлис, у которой после смерти мужа действительно оставались некоторые важные материалы архива Достоевского, например, его письмо к брату Михаилу из Петропавловской крепости, написанное 22 декабря 1849 г., с описанием пережитого им утром на Семеновском плацу, или знаменитое Евангелие, подаренное писателю по дороге в Омский острог декабристами, или, наконец, 162 письма Достоевского к жене Анне Григорьевне (в копиях ее собственной рукой). Выполняя предсмертную волю Федора Федоровича, Л. С. Михаэлис передала эти материалы в 1923 г. на временное хранение в Исторический музей (с тем чтобы по достижении совершеннолетия внуком писателя, А. Ф. Достоевским, они были возвращены государством наследнику). Но все ли оставшееся в ее руках было передано Михаэлис в Исторический музей? Насколько нам известно, этот «след» не

был до сих пор сколь-нибудь обстоятельно изучен исследователями, разыскивающими исчезнувшие рукописи «Братьев Карамазовых».

²⁷ Точнее — Хиршберг, сейчас город Еленя-Гура в Польше.

²⁸ Последовательность географических пунктов, возможно, нарушена: Вальсроде располагается к северу от Ганновера, а Регенсбург — к югу.

²⁹ «Синий крест» — основанное в 1877 г. в Женеве и позже получившее широкое распространение в Германии религиозное общество протестантской ориентации (евангелическая церковь), занимавшееся благотворительностью. По свидетельству Е. Тверского, Екатерина Петровна преподавала в Регенсбурге «английский и французский языки на курсах сестер милосердия» (Грани. 1994. № 174. С. 229–230), возможно, как раз в обществе «Синего креста». Не вполне понятно, почему приют сестер «Синего креста» назван в письме католическим («katholischen»). Записки Е. Тверского позволяют также составить более точное представление о месте жительства Екатерины Петровны в Регенсбурге: «Она жила со своей сестрой Н. П. Фальц-Фейн в Зауглингсхайме, после полученных во время бомбардировок ранений, занимая крохотную комнатку в деревянном флигелечке во дворе» (Там же. С. 230).

³⁰ Регенсбург Екатерина Петровна покидают во второй половине 1947 г. при обстоятельствах, описанных в письме от 13 июля 1954 г. При помощи United Nation Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA) — Международной организации содействия беженцам при ООН — они добираются до Парижа, где 18 месяцев живут у дочери Анны Петровны — баронессы О. А. Фальц-Фейн. Об этом эпизоде их жизни см.: Белов С. В. Новое о Ф. М. Достоевском в архивах США // Грани. 1994. № 174. С. 227.

³¹ Maison Russe — «Русский Дом», дом для престарелых русских эмигрантов в Ментоне. Как следует из письма от 25 марта 1952 г., Maison Russe находился под покровительством

International Refugee Organization (IRO) – Международной организации ООН по делам беженцев (образована вместо UNRRA). На протяжении четверти века директором Maison Russe была двоюродная сестра (видимо, по матери) Анны Петровны и Екатерины Петровны – Валерия Александровна Прянишникова («Лерочка»). Во многом именно благодаря помощи «кузины» сёстры и оказываются в конце своей жизни в Ментоне. 1 ноября 1951 г. Анну Петровну и Екатерину Петровну «доставили» в Maison Russe, конечно же, из больницы: поселились они здесь гораздо раньше – во второй половине 1949 г. В письме от 16 октября 1955 г. Анна Петровна сообщает более конкретно: «Мы живем на самом верху, комн. № 42, последняя комната перед лестницей справа».

³² В Курской губернии, недалеко от Коренной пустыни, находилось семейное имение, где родилась мать Анны Петровны и Екатерины Петровны – Екатерина Александровна Полянская (в замужестве Цугаловская). У Е. А. Полянской было одиннадцать братьев и сестер. По-видимому, Анна Филимонова – одна из ее племянниц.

³³ В «Адрес-календарях. Общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлению в Российской империи» Михаил Владимирович Полянский значится как уездный предводитель дворянства в Витебской губернии начиная с 1914 г. Этот же источник дает сведения о полковнике Владимире Александровиче Полянском – штаб-офицере для поручений при Начальнике Окружного инженерного управления Варшавского военного округа (по 1904 г.; видимо, к 1905 г. полковник В. А. Полянский выходит в отставку с присвоением генеральского чина). Сведениями о С. А. Полянском мы не располагаем.

³⁴ Речь идет об украинском писателе А. А. Ярошко (1866–1920). Брат мужа Анны Петровны – В. Э. Фальц-Фейн в книге об Аскании-Нова пишет об Ярошко следующее: «В 90-е годы Фридрих [Фальц-Фейн, основатель заповедника] познакомился с

украинским писателем, историком и философом Александром Ярошко. Он очень ценил и уважал его как человека. Вскоре они стали настоящими друзьями, и Ярошко не забывал дорогу в Асканию-Нова. Его специальностью была история Украины, которую он знал до мельчайших подробностей. Во время войны через прессу стремился Ярошко по возможности ограничить действие пресловутого “закона о ликвидации немецкого засилья”. Он был, безусловно, истинным другом немцев и за это поплатился: губернатор Таврии Княжевич выслал его. Ярошко обосновался в имении Фальц-Фейнов и писал достойные прочтения мемуары. <...> После отступления Врангеля Ярошко остался верен своей родине. Но когда его жена отправилась, он также покончил жизнь самоубийством. Его, как и ее, страшили пытки, которым подвергали красные тех, кто не с ними. Перед смертью Ярошко уничтожил все свои рукописи» (*Аскания-Нова*. С. 168; здесь на вклейке между стр. 96 и 97 см. фото А. А. Ярошко и Ф. Э. Фальц-Фейна в 1897 г.).

³⁵ Хорлы — порт на Черном море, недалеко от Перекопского перешейка, в Днепровском уезде Таврической губернии (ныне Херсонская область). Как указывалось в дореволюционных справочниках, порт Хорлы — «частнособственническое владение» Фальц-Фейнов. У С. Б. Фальц-Фейн здесь было собственное пароходство, которым, однако, фактически управлял ее сын Ф. Э. Фальц-Фейн. См.: *Аскания-Нова*. С. 164.

³⁶ Софья Богдановна (София-Луиза) Фальц-Фейн, урожд. Кнауф, была убита в ночь с 16 на 17 июня 1919 г. Ей в это время шел 85-й год. Анна Петровна сама не была очевидцем гибели свекрови (они с Екатериной Петровной в это время жили в Скадовске), и поэтому в ее рассказе присутствуют серьезные неточности. Вот как о смерти своей матери повествует В. Э. Фальц-Фейн: «Весной 1919 г. <...> мне удалось добиться отправки экспедиции, состоявшей из греческого торпедоносца “Пантера” и двух русских легких военных кораблей, принадлежавших Белой армии. Я планировал на одном из этих суден увезти мою мать, Софью Богдановну Фальц-

Фейн, из порта Хорлы в Севастополь. Она и раньше постоянно отказывалась от попыток спасти ее, утверждая, что красные не сделают ей ничего дурного. <...> Красные еще не заняли порт Хорлы, но, по-видимому, уже взяли его в кольцо. Я сам не принимал участия в экспедиции и не смог изменить неразумное решение матери. Она встретила русских и греческих офицеров <...> со свойственной ей любезностью и гостеприимством. Щедро угощала их, но решительно отказалась покинуть свой дом. После того как все средства и способы убеждений, уговоров исчерпались, три судна легли обратным курсом — на Севастополь. Вскоре после этого красные заняли порт Хорлы. Мою мать заперли в комнате. Ей еженедельно давали два каравая хлеба, две бутылки молока, немного чая и жидкую похлебку. Все, что она имела, у нее отобрали. Так как она была исключительно религиозной, то целые дни проводила в молитве. Единственным человеком, поддерживавшим ее в самые трудные последние дни жизни, оказался директор основанной ею гимназии. Когда генерал барон Врангель взял на себя командование Добровольческой армией, заменив на этом посту генерала Деникина, снова началось наступление белых. Красные в очередной раз бежали из порта Хорлы. Два красноармейца, имена которых известны, перед отступлением хотели ворваться в комнату моей матери, надеясь еще чем-нибудь поживиться. Моя мать успела закрыть дверь на ключ и, обессиленная, прислониться к ней. Бандиты, не сумев ее сломать, начали вслепую стрелять в деревянную преграду и смертельно ранили женщину в живот. Она в предсмертных муках опустилась на пол. В это время красным все же удалось взломать двери. Увидев на своем пути мою мать, которой тогда было далеко за восемьдесят, нанесли ей еще несколько ударов штыками. Здесь же, в комнате, они ничего не нашли, кроме двух обручальных колец, принадлежавших обоим умершим мужьям моей матери. Директор гимназии поспешил на помощь истекающей кровью женщине и получил тяжелые ранения штыками. Правда, он смог оправиться от этих ран. Через несколько часов после смерти моей матери первые кавалерий-

ские отряды Белой армии вошли в порт Хорлы. Моя мать, искренне оплакиваемая скорбящими, знавшими ее как исключительно внимательного, всегда готового прийти на помощь человека, была предана земле в районе порта Хорлы. Такого необычайно большого стечения жителей со всей округи, пришедших проводить в последний путь Софью Богдановну Фальц-Фейн, никто и никогда здесь еще не видел» (*Аскания-Нова*. С. 221–222; здесь на фото между стр. 96 и 97 фотография похорон С. Б. Фальц-Фейн при действительно огромном стечении народа). Особенно недостоверной, «романической» представляется в изложении Анны Петровны история «воспитанника» ее свекрови, участвовавшего в убийстве своей благодетельницы. Можно предположить, что до Анны Петровны в искаженном виде дошли свидетельства об участии в этой кровавой драме упомянутого В. Э. Фальц-Фейном «директора основанной Софьей Богдановной гимназии». Но защитник старой женщины, раненный в схватке с бандитами, чудовищным образом оказался превращенным моловой в одного из нападавших убийц.

³⁷ Скорбный мартиролог родственников, погибших в годы революции и гражданской войны, Анна Петровна могла бы еще продолжать и продолжать. Существует свидетельство, что ее муж, А. Э. Фальц-Фейн, умер от разрыва сердца в Берлине при получении известия о гибели своей матери (см. предыдущее примеч.). Рассказывая в книге «Аскания-Нова» о своем брате Карле, девере Анны Петровны, В. Э. Фальц-Фейн сообщает, что тот «умер в 1918 году в Херсоне от паралича сердца по вине большевистской инквизиции. Именно в тот день, когда немцы и австрийцы предприняли успешный штурм Херсона» (*Аскания-Нова*. С. 52). В этой же книге приведен впечатляющий рассказ о гибели двоюродного брата мемуариста — Б. А. Фальц-Фейна и почти всей семьи Скадовских, в родстве с которыми находилась Анна Петровна (ее дочь Ольга была замужем за Львом Сергеевичем Скадовским). Во время попытки морем покинуть Россию, — рассказывает В. Фальц-

Фейн, — «один из буксиров держал на туго натянутом тросе большую яхту, которая принадлежала моим двоюродным братьям Анатолию и Борису Фальц-Фейнам. На борту ее находились Борис со своей молодой женой, урожденной Скадовской, ее брат Юрий Скадовский с женой и ребенком, а также две младшие сестры, Елизавета и Ольга. <...> Вдруг канат, соединяющий буксир с яхтой, лопнул. Попытки воспользоваться целым тросом в условиях шторма оказались тщетными. Тогда буксир направился за помощью в ближайшую румынскую гавань. Яхта, беспомощная, покрытая льдом, была отдана разыгравшейся стихии. С сидящей на мели яхты некоторое время подавали сигналы о помощи. Румынские пограничники, очевидно, заметили их. Но, приблизившись, услышали русскую речь и сделали вывод — перед ними красные. Поскольку пограничники получили строгий приказ, ни в коем случае не пускать красных в Румынию, они с перепугу открыли огонь. На яхте же подумали, вероятно, что они еще не достигли румынской территории и красные открыли огонь. Когда погода успокоилась и местные рыбаки смогли попасть на яхту, то они нашли только трупы. Яхту разграбили румынские пограничники. Некоторые из убитых оказались с простреленными головами, поэтому возникло подозрение, что они покончили с собой: не хотели попасть в плен к красным. Трупы младших сестер Скадовских море позже выбросило на берег» (Там же. С. 230).

³⁸ Ошибка: «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка была напечатана не в «Красной звезде», а в «Новом мире» (1926. № 5). Едва вышедший из печати и начавший поступать к подписчикам номер был конфискован, повесть Пильняка вырезана и заменена повестью Сытина «Орды Аллака». Но свидетельство Анны Петровны позволяет говорить о том, что запрещенная «Повесть непогашенной луны» тем не менее имела широкую читательскую аудиторию.

³⁹ Ошибка А. П. Фальц-Фейн. По возвращении из Италии М. Горькому был предоставлен в Москве особняк миллионера С. П. Рябушинского на Малой Никитской улице (архитектор

Ф. О. Шехтель, 1900). В этом был тонкий расчет Сталина, имеющий целью дискредитировать писателя, чего Горький не мог не понимать. «Я совершенно точно знаю, — писал он в одном из писем незадолго до своего возвращения, — что мое поселение во дворце или в храме произведет справедливо отвратительное впечатление на людей, которые, адски работая, обитают в хлевах. Это будет нехорошо не только для меня». Но противиться давлению Сталина Горький в это время уже был не в силах.

⁴⁰ Анна Петровна приводит стихи так называемого «Великого Повечерия» — ночной службы под Рождество Христово, той ее части, которая именуется «С нами Бог» и восходит к текстам 8 и 9 глав Книги пророка Исаии. В современной «транскрипции» припоминаемый ею церковно-славянский текст песнопения выглядит так:

Яко с нами Бог.
Услышите до последних земли:
Яко с нами Бог.
Людие ходящии во тме, виденна свет вслий:
Яко с нами Бог.
Живущии во стране и сени смертной, свет воссияет на вы:
Яко с нами Бог.
Яко отроча родися нам, сын, и дадеся нам:
Яко с нами Бог.
И мира его несть предела:
Яко с нами Бог.

Стихи приведены автором письма с пропусками и относятся далеко не к началу песнопения.

⁴¹ Иван Кологривов (1890 – ?) — русский католик, иеромонах, отец иезуит; автор богословских трудов, издававшихся как в России, так и в эмиграции. Цитируется его книга: *Kologrивов J. Das Wort des Lebens. Regensburg, 1938* (указано Р. Г. Гальпериной). В какой связи здесь упоминается роман Ф. М. Достоевского «Бесы», неясно. Возможно, это место яв-

ляется ответом на какой-то вопрос А. Чезана, заданный в его предшествующем письме.

⁴² Сын А. Э. Фальц-Фейна от второго брака барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн свидетельствует: «Отец мой, Александр, по рассказам матери [урожд. В. Н. Епанчиной], рано утром уходил из своего поместья Гавриловка в близлежащую степь. Обязательно прихватывал с собой нотную тетрадь. Он никому не рассказывал, как писал свою музыку, под влиянием каких картин, эмоций. Но, как правило, из творческих странствий возвращался победителем — в нотной тетради оказывались новые мелодии, а то и вполне завершенные музыкальные вещи, среди которых случались марши. Вечером отец не ложился спать, пока не исполнит на рояле написанное днем, не отшлифует его до степени, удовлетворяющей его вкусы и требования. У меня, слава Богу, сохранилось полдюжины рукописных произведений отца. <...> Хотя мой отец ни копейки не заработал на своем композиторском поприще [не публикуя свои вещи], его вальсы, мазурки, марши и сегодня не сданы в архив. Они служат людям. В том числе и здесь, на вилле сына [в Лихтенштейне], где музыкальные произведения Александра Фальц-Фейна исполняют и начинающие, и опытные, и великие мастера» (*Аскания-Нова*. С. 302).

⁴³ Много позднее, в письме от 5 декабря 1952 г., Анна Петровна ретроспективно составляет своеобразный «календарь» этих драматических дней: 29 сентября 1951 г. Екатерину Петровну кладут в больницу; 2 октября — первая операция; 33 дня Анна Петровна проводит в больнице, ухаживая за сестрой; 1 ноября — возвращение в Maison Russe; 5 ноября — Анну Петровну сбивает мотоциклист; 11 декабря Екатерину Петровну вновь кладут в больницу; 21 декабря — повторная операция; 4 января 1952 г. — окончательное возвращение в Maison Russe.

⁴⁴ Имеется в виду Рейнхард Пипер (1879–1953), отец Клауса Пипера, глава известной мюнхенской издательской фирмы. О нем см. примечания 3 и 97.

⁴⁵ Личное знакомство и единственная встреча сестер с А. Чезана состоятся только 15 ноября 1955 г. См. под этим числом их совместную открытку, посланную госпоже Мете Чезана, супруге А. Чезана, из гостиницы «Орленок».

⁴⁶ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — видный деятель кадетской партии, православный религиозный мыслитель, историк церкви, до революции — активный участник Религиозно-философского общества в Петербурге; в 1917 г. обер-прокурор Св. Синода, а с августа 1917 — министр исповеданий во Временном правительстве. С января 1919 — в эмиграции. Один из основателей и в течение долгого времени (1925–1960) профессор Парижского Православного богословского института (позднее — Свято-Сергиевской духовной академии); также преподавал историю церкви на историко-филологическом факультете в Сорбонне. Монография А. В. Карташева «Очерки по истории русской церкви» вышла в свет в Париже в издательстве «YMCA-Press» в 1959 г. не в 6-ти, а в 2-х томах, но по своей структуре она членится именно на 6 разделов: «Период киевский или домонгольский»; «Московский период»; «Юго-западная митрополия»; «Патриарший период»; «Синодальный период»; «Св. Синод после Петра Великого». Возможно, первоначально автором и планировалось издание в 6-ти небольших томах. Об А. В. Карташеве см.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. (Есть пристатейная библиография.)

⁴⁷ Муж Анны Петровны, А. Э. Фальц-Фейн, с которым они с 1909 г. были в разводе, владел богатой виллой в Ницце, на средиземноморском побережье. После его смерти 9 сентября 1919 г. в Берлине от сердечного приступа его вторая жена Вера Николаевна Епанчина (1886–1977) с детьми — Таисьей (1911–1988) и Эдуардом (р. 1912) жили на средства, полученные от продажи этой виллы.

⁴⁸ Из трех братьев Зутермайстер, упоминаемых в переписке, наиболее известен Генрих, выдающийся швейцарский компози-

тор. Он родился в 1910 г. на севере Швейцарии, в местечке Фейерфален (кантон Шаффхаузен). В юности изучал филологию в университетах Базеля и Парижа, позднее учился музыке в Мюнхенской музыкальной академии у В. Курвуазье и К. Орфа. Развивал традиции К. Дебюсси, А. Онегтера. Под воздействием музыки Верди позднего периода он создает оперы на литературные сюжеты: «Ромео и Джульетта» (1940), «Волшебный остров» (1942, на сюжет «Бури» Шекспира), «Красный сапог» (1951, по сказке Гауфа) и др. Особый интерес представляет опера Г. Зутермейстера «Раскольников» (по роману Достоевского «Преступление и наказание»), поставленная в 1948 г. в Королевской опере в Стокгольме. Либретто для «Раскольникова» написал брат композитора Петер Зутермейстер, во многом переведястрой романа русского писателя на язык современного экспрессионизма. С целью показать раздвоение личности главного героя рядом с Раскольниковым (тенор) авторами выведено его «второе Я» (баритон). Это alter ego героя и внушает ему наполеоновскую идею, а позднее, когда Раскольникова преследуют муки совести (хор женских голосов), — мысль покончить с собой. Как и в романе, спасает героя Сонечка, приводя его ко Христу (авторами введена сцена в православной церкви). Для создания «русского колорита» братья Зутермейстер также придумывают сцену на Сенном рынке, где под звуки большой флейты и пение хозяина на общую потеху пляшет ручной медведь. Можно с значительной долей вероятности предположить, что знакомство и сближение братьев Зутермейстер (Генриха и Петера) с Е. П. Достоевской (и А. П. Фальц-Фейн) было так или иначе связано с их работой над оперой «Раскольников». В музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге хранится издание либретто этой оперы («H. Sutermeister. Raskolnikoff. Oper. Textbuch. B. Schott's Söhne. Mainz»), вышедшее в Германии в 1948 г., с владельческой надписью Е. П. Достоевской (ЛМФД. ОФ — 5012).

⁴⁹ Странное свидетельство, неоднократно встречающееся в письмах Анны Петровны (ср. письмо 47 от января 1956 г.). Как уже отмечалось, ее сын Александр умер в Петрограде в 1916 г. (см.

примеч. 5 и 61), но дочь Ольга, у которой сестры жили в Париже до конца 1949 г., была жива. Она умерла только 4 марта 1972 г. (и еще успела принять участие в I учредительном симпозиуме Международного общества Достоевского, который состоялся в сентябре 1971 г. в Бад-Эмсе, Германия). Можно было бы предположить, что, жалуясь на свою необеспеченность и получая материальную поддержку от А. Чезана, Анна Петровна не хотела сообщать ему, что где-то у нее есть близкие родственники. Но почти в тех же словах, что и в январском (1956) письме к М. Чезана (только по-русски), Анна Петровна пишет 4 января 1956 г. в Париж своей двоюродной племяннице О. Д. Дистерло (урожд. Пестржецкой): «С тех пор как мы стали стары, встречаем его [Новый год] вдвоем, с молитвой, прочтем Евангелие. А на столе <...> по одну сторону стоят портреты любимых ушедших. Ох! Как их много! По другую — один лишь Андрей. Больше у нас никого на свете нет» (Мера. 1995. № 4. С. 241). Равно «забыт» и сын Ольги Александровны, внук Анны Петровны — А. П. Фальц-Фейн (1922–1997). См. в настоящем издании фотографию Анны Петровны 1925 г. с дарственной надписью «Алеку от бабушки».

⁵⁰ Неоднократно встречающаяся в письмах Анны Петровны «фигура умолчания». Из ее слов можно понять, что речь идет о революционных событиях 1917 г. Однако «потеряла Гавриловку» она гораздо раньше — после развода в 1909 г. с А. Э. Фальц-Фейном. Вспоминая сына Анны Петровны Александра, ее деверь В. Э. Фальц-Фейн пишет, что по семейным причинам (после развода родителей) ему [Александру] нельзя было жить в имении отца, и он попеременно жил у своих дядей: то у Фридриха (в Аскании-Нова), то у Карла. — См.: *Аскания-Нова*. С. 51.

⁵¹ Анна Петровна, видимо, имеет в виду первые демонстрационные полеты Вильбура Райта в Европе (Орвил Райт в это время находился в США), которые состоялись в августе 1908 г. на ипподроме «Инодьер» в Ле-Мане и в артиллерийском лагере Оувр. Вот как описывает впечатление от увиденного один из очевидцев первого полета В. Райта: «Когда большая белая

птица поднялась высоко в воздух и проделала ряд эволюций с такой же легкостью, как судно в море, то неописуемое возбуждение охватило небольшую толпу зрителей. Мы все почувствовали, что были глубоко несправедливы к Вильбуру Райту, сомневаясь в том, что он может летать. Мы ринулись к нему с криком. Мы чувствовали, что наконец зажглась заря эпохи авиации, и с восторгом горячо пожимали руки Вильбура». «Мы так привыкли видеть теперь летающие аэропланы, что нам трудно представить тот восторг, который охватывал при виде первого полета», — вспоминал другой очевидец (Цит. по: Зенкевич М. Братья Райт. М., 1933. С.144). Отметим указание на то, что Александру Фальц-Фейну в это время было 14 лет. Это заставляет отдать предпочтение 1894 г. как более вероятной дате его рождения. См. примеч. 61 и 117.

⁵² А. А. Фальц-Фейн учился в Сумском кадетском корпусе. Директором корпуса был генерал-лейтенант А. М. Саранчев. Великий Князь Константин Константинович, естественно, не был куратором Сумского корпуса; он был генерал-инспектором военно-учебных заведений.

⁵³ Имеется в виду Санкт-Петербургский политехнический институт им. Петра I. Незадолго до Первой мировой войны (в 1911 г.) в нем было открыто воздухоплавательное отделение.

⁵⁴ См. примеч. 56.

⁵⁵ Севастопольская Е. И. Выс. Великого Князя Александра Михайловича военная авиационная школа была открыта в ноябре 1910 г. (как Офицерская школа авиации). Начальником школы был полковник Х. Ф. Стаматьев; ее организатором и августейшим председателем был Великий Князь Александр Михайлович. См.: *Великий князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 192; см. также примеч. 57.

⁵⁶ Существует два независимых друг от друга свидетельства (А. Ф. Достоевского и В. А. Знаменской — см. примеч. 60 и 61), позволяющие говорить, что А. А. Фальц-Фейн отправился на фронт (или, может быть, только в авиационную школу?) со

своим самолетом, который он самостоятельно сконструировал. В. Э. Фальц-Фейн также пишет, что Александр построил в его имении, «в Дорнбурге, моторный самолет собственной конструкции. Он был готов весной 1914 г. и очень хорошо выдержал испытания» (*Аскания-Нова*. С. 52), но о том, что этот самолет был взят племянником с собой в армию, в книге нет ни слова (ср. как будто противоречащее приведенному свидетельство в книге В. Э. Фальц-Фейна на стр. 196).

⁵⁷ Великий Князь Александр Михайлович с начала войны был командующим авиацией Южного фронта.

⁵⁸ В. Э. Фальц-Фейн пишет: «Когда началась война, Александр стал вольноопределяющимся военным летчиком и спас русскую часть от окружения армии Маккензена в Галиции: осуществлял быструю связь между командованием армии и взятой в кольцо частью. За другие смелые полеты он получил высокие награды. Но, в конце концов, его самолет все же сбили австрийцы. Тяжело раненный, он нес на плечах тоже раненного штурмана, стремясь добраться до передовых позиций русской армии, но был схвачен недалеко от них австрийцами. Пытался бежать из плена. Его обнаружили на румынской границе и посадили в казематы, находящиеся ниже уровня воды в Дунае. Это обстоятельство обострило еще не зажившие раны. А все вместе взятое привело к развитию скоротечной чахотки» (*Аскания-Нова*. С. 52).

⁵⁹ Известно, что повторную операцию в ноябре 1916 г. в Петрограде, в Хирургической больнице при Александровской общине сестер милосердия, А. А. Фальц-Фейну делал знаменитый хирург, доктор медицины, профессор Герман Федорович Цейдлер. В материалах А. Ф. Достоевского (см. примеч. 61) содержатся сведения (без указания источника), что «оперировал хирург Машинский». Возможно, здесь имеется в виду первая операция.

⁶⁰ Анна Петровна за давностью лет ошибается в сроках. Из ее собственного письма к В. А. Знаменской, написанного менее

чем через три месяца после смерти сына, следует, что в Петроград с юга (из Кисловодска) они вернулись не позднее 1 ноября 1916 г.: «Две недели шло наблюдение профессоров и докторов, и операция в конце концов решена и сделана 15 н[оября] пр[офессором] Цейдлером» (см. примеч. 62). Этую же дату операции Анна Петровна называет и в письме к тому же адресату, которое было отправлено еще при жизни Александра, 19 ноября 1916 г. Приведем его целиком:

«Бронницкая [ул., дом] 9. Александровская община. 19 ноября.

Многоуважаемая Вера Алексеевна.

15-го моему сыну сделана серьезная кишечная операция. Вскрытие дало глубоко печальную картину: по брюшине и кишкам сильно распространившаяся туб[еркулезная] высыпка. Послеоперационный период прошел без осложнений и даже три дня темп[ература] была нормальной, а вчера снова 39 и сегодня 38,8, доктора говорят — опять от туб[еркулезного] процесса. Слаб страшно, руки ничего держать не могут, нервен до безумия. Положение признали очень тяжелым. Завтра снимают швы. Сегодня меня страшит, что [он] с трудом глотает, нельзя заставить есть, а в этом все спасение. Старых болей нет, а другие, новые. На душе отчаяние — выскочит ли? Так это сомнительно! Оперировал пр[офессор] Цейдлер, крупная величина, говорят, артистически, но что в этом? когда основная болезнь жестокая, беспощадная». — РО РНБ, ф.1088, оп.1, № 156 / 2.

⁶¹ В уже упомянутой статье А. И. Натова (см. примеч. 7), который пользовался материалами архива О. А. Фальц-Фейн, указывается, что Александр Александрович Фальц-Фейн родился 13 февраля 1893 г. в селе Гавриловка и умер 23 ноября 1916 г. в Петрограде, похоронен в Аскании-Нова. Таким образом, как будто выходит, что на момент смерти сыну Анны Петровны было полных 23 года. Отметим и расхождение двух источников в дате смерти: 22/23 ноября. Это расхождение представляется неслучайным. В 1960-е годы А. Ф. Достоевский

широко занимался поиском сведений о судьбе своего двоюродного брата А. А. Фальц-Фейна: работал в архивах, собирая воспоминания и т. п. В частности, в письме от 31 октября 1963 г. он обратился с целым рядом вопросов к родной (старшей) сестре Александра Ольге Фальц-Фейн. Приведем фрагмент из начала этого письма по уже цитированной статье А. И. Натова. «Пользуясь присутствием в Москве, схватился за мемориализацию подвигов Шуры, — пишет Андрей Федорович. — Во Всесоюзном институте истории техники Шура уже взят на учет как один из самых первых даровитых конструкторов аэро-планов в России. Начаты розыски, но, согласно моей манере, все первые толчки в этом я беру на себя, пока не удостоверюсь, что дело уже “на мази”. В связи с этим очень прошу тебя НЕ-ЗАМЕДЛИТЕЛЬНО [выделено автором письма. — Б. Т.] на-прячь память и постараться ответить мне на несколько вопросов». Вслед за этим А. Ф. Достоевский перечисляет 27 вопросов, в которых пытается прояснить мельчайшие детали биографии двоюродного брата (см. вступительный очерк. С. 21 – 23). Для нашей темы исключительно важен первый вопрос, содержащий просьбу уточнить «а) месяц и год рождения Шуры», так как *«есть два документа, которые дают близкие даты, но разные, — надо установить точно»*. Таким образом, за расхождением свидетельств в письме Анны Петровны и в статье А. И. Натова, видимо, скрывается какая-то объективная данность. Не зная нашего источника, А. И. Натов абсолютизирует данные материалов, содержащихся в архиве О. А. Фальц-Фейн; мы же, учитывая засвидетельствованный А. Ф. Достоевским факт разноречия в документах, склонны скорее отдать предпочтение непосредственному *свидетельству матери*. Если, по ее словам, Александр умер у нее на руках 22 ноября 1916 г. в возрасте 22-х лет, то годом его рождения нужно считать не 1893, а 1894 г. (при условии точности даты рождения — 13 февраля). См. также примеч. 51 и 117.

⁶² Скорее всего, Анна Петровна имеет здесь в виду старшего брата своего мужа Фридриха Э. Фальц-Фейна, владельца име-

ния Аскания-Нова. В уже упомянутом выше письме к В. А. Знаменской (с ее братом Михаилом Знаменским А. А. Фальц-Фейн находился вместе в плена и очень сдружился), написанном в феврале 1917 г., Анна Петровна подробно описывает смерть сына и его могилу в Аскании-Нова. Поскольку он никогда не воспроизвился, приводим полностью этот пронзительный документ:

«Аскания-Нова,
Таврич[еской] губ[ернии],
Днепров[ского] уезда.

Дорогая Вера Алексеевна.

Спасибо Вам большое за Ваше участие и сердечное письмо. Короткость его говорит мне, что Вы действительно жалеете моего несчастного мальчика и меня. Давно хочу Вам сказать, как глубоко я была тронута, да очень уж тяжело касаться этих ужасных воспоминаний. И трех месяцев еще нет, что не стало моего Шурика. Знаете, есть страданья — и страданья, и на его долю Господь послал тяжкое испытание выпить чашу до дна... Как Вы знаете, в Кисл[оводске] ему делалось все хуже, и горько было видеть, что ни знания, старания и добре желание всех знаменитостей, кот[орые] у нас перебывали, ни наш уход и вся та любовь, кот[орыми] был окружен мой мальчик, не могли даже хотя бы уменьшить его страданья. В октябре нашли, что ввиду вновь появившегося стеноза — суженья в слепой кишке, возможно прободение и что нужна новая операция. Вызвала дочь вновь из Петр[ограда], и втроем с сестрой милосердия с великими трудностями перевезли Шурика в Петр[оград], где все вместе поместились в Алек[андровской] Общине. Две недели шло наблюдение профессоров и докторов, и операция в конце концов решена и сделана 15-го н[оября] пр[офессором] Цейдлером. Вскрытие показало всю безнадежность положения: тубер[кулезные] бугорки покрывали сплошь все кишки и даже печень, на боли в кот[орой] сын жаловался в последние дни. Кроме того были спайки-склейки кишок в местах поджившей высыпки, и это-то причиняло эти нечеловеческие мученья, “рву-

щие боли", когда во время перистальтики одна кишка точно отрывалась от другой и когда он, несчастный, так страшно кричал: "Сейчас все кишечки разорвутся..." После операции он прожил ровно неделю, швы были сняты, и все хорошо зажило. Но, видно, голодовка до и после операции и она сама подорвали последние силы и ускорили конец. Доктора говорили, что иначе он прожил бы еще 2 – 3 месяца. Если это так, то и слава Богу, что сократился срок его тяжелых страданий. Теперь я вижу и знаю, что он начал кончаться уже в воскресенье 20-го, но тогда и мы, и даже доктора приписывали все явления частым вспышкам морфия. Последние полутора суток была мучительная икота, кот[орой] ничем нельзя было помочь и кот[орая] с перерывами продолжалась почти до конца. Пр[офессор] Цейдлер потом сказал, что, вероятно, высыпка туб[еркулезных] бугорков произошла и в самом желудке, что и вызвало конец. Но конец наступил все же так стремительно быстро и неожиданно даже для докторов, что я поняла, что он уходит от нас только за два часа до конца, когда, взяв его за руку, почувствовала, что она начала холодеть. Как раз накануне дочь, окончательно выбившаяся из сил, измученная беззаботным уходом, — она была и на второй операции по желанию брата, — уехала отдохнуть в первый раз домой. По телефону вызвала ее, ее мужа, мою сестру, и они все еще успели приехать и застать Шурика в живых. Ужасно, что он до последних мгновений был в полном сознании, знал, что жизньдорогает, говорил о том и прощался. Счастье, что последние часы прошли тихо, мирно, без страданий; незаметно, тихо ушел от нас, точно уснул... И из любви к нему, из жалости приходится говорить: "слава Богу". Но — больно за него, такого умного, способного, полного жизни и энергии, ушедшего недовлетворенным, не видевшим исполнения ни одного из своих мечтаний и предначертаний, больно за столь рано ушедшую молодую жизнь, кот[орую] впереди ждало немало хорошего. А ужаснее всего знать и сознавать, что, упади он в наше расположение, ничего непоправимого не случилось бы: во время сделанная операция, надлежащий уход и пища живо бы в связи с молодым, здоровым организмом залечили последствия падения.

И весь ужас и кошмар заключаются в том, что его с разрывом ткани легкого и покрова слепой кишкы положили с туберкулезными; и вот сначала заразилась ранка на легком, а потом зараза по лимфатическим сосудам спустилась на ранки на слепой кишке, и произошло общее заражение. Похоронен он здесь, в родовом имении моего старшего beau-frér'a*, возле самой церкви, по его личному желанию. До установки памятника поставлен, согласно военно-авиаторскому обычью, крест из пропеллеров его аэро-планов, кот[орые] он здесь сам строил, к кот[орому] в киоте прибита икона Св. Алек[сандра] Нев[ского]. Могилку я убрала венками из вечнозеленой зелени и веточками хвои, и вся она — пышная и зеленая. Зимой трудно желать лучшего. На могилке бываю и фазаны, и зайцы, и куропатки, кот[орых] здесь в изобилии; пролетают стаи зимующих здесь диких уток — одним словом, кругом та жизнь и природа, кот[орую] так страстно любил сын, и я чувствую глубокое удовлетворение, что он вернулся в свои родные, любимые стены, а не лежит там где-то на чужбине, где исстрадался так нравственно и физически, и что, в сущности, так легко могло случиться. Вот уж поистине можно сказать: "Так мало прожито, так много пережито..." О Вас он много и часто говорил и всегда с большим удовольствием вспоминал о Вашем кратковременном знакомстве и той дружбе, кот[орую] к Вам чувствовал... Я здесь останусь до мая месяца и, когда моя дочь и сестра будут уезжать на лето, вернусь в Петр-[оград] к моей старенькой матери, чтобы при ней уже и оставаться. Буду очень, очень рада, если Вы будете меня навещать, когда будете бывать в Петр[ограде]. Моя квартира там все та же: П[етроградская] С[торона], Покров[ская] ул., д. 2. Какие вести от Вашего брата? как его здоровье? Я ему писала о том несчастии, кот[орое] над нами стряслось. Позвольте поцеловать Вас от всей души. Искренно преданная Н. Фальц-Фейн». — РО РНБ, ф.1088, оп. 1, № 156/3.**

* Beau-frère — шурин (*фр.*); должно быть — деверь.

** Я искренне благодарен Л.Ф.Капраловой (РНБ) за указание на местонахождение этих ценнейших материалов.

⁶³ В 1960-е гг. усилия разыскать могилу Александра Фальц-Фейна предпринимал А. Ф. Достоевский. В письме от 10 ноября 1962 г. он писал О. А. Фальц-Файн (см. примеч. 61): «В эти дни начал розыски материалов и свидетельств о Шуре (сейчас Туполев и Росинский дадут мне ответы, к ним пошел мой посланец в Москве). В будущем году надеюсь быть в Аскании для отыскания могилы Шуры (рядом могила друга, красного летчика, который по пути навестил могилу друга и при взлете, вдруг, погиб)» (цитируем также по статье А. И. Натовы). Нам неизвестно, смог ли А. Ф. Достоевский побывать в Аскании-Нова и увенчались ли успехом его поиски. В 1996 г. барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн нашел место захоронения и восстановил могилу своего единокровного брата Александра.

⁶⁴ Аппа Петровна здесь дважды неточна. Во-первых, история рода Фальц-Фейнов в России начинается не с 1753-го, а с 1763 г., когда на Украину переселяется прадед ее мужа, уроженец Бюргемберга Иоханн Мельхиор Фейн. (Первый Пфальц – Иоханн Готлиб, уроженец Саксонии, появляется в России гораздо позднее – уже в XIX веке). Во-вторых, Иоханн Фейн не имеет еще никакого отношения к Аскании-Нова: он поселяется в Молочне под Мелитополем, где и умирает в 1817 г. Аскания же куплена его сыном Фридрихом Фейном лишь в 1856 г. (арендовалась у наследников герцога Ангальт-Кетенского еще с 1849 г.). Умерший в 1864 г. Фридрих Фейн и будет *первым погребенным в родовом асканийском склепе*. Здесь также похоронена и его жена Анна Доротея Фейн (урожд. Мельманн), почти на 30 лет пережившая мужа и умершая в 1892 г. Со смертью Фр. Фейна род Фейнов по мужской линии в России пресекается, и по личному распоряжению императора Александра II в том же 1864 г. зять Фейна (муж его единственной дочери Елизаветы Анны Фейн) Иоханн Готлиб Пфальц добавляет к своей фамилии фамилию умершего тестя. Так в России появляются Фальц-Фейны. (При этом Пфальц превращается в Фальца в силу нехарактерности для русского

языка звукосочетания «пф».) Закончивший свой жизненный путь в 1872 г. Иоханн Готлиб станет третьим в роде и *первым собственно Фальц-Фейном*, чьи останки погребены в фамильном склепе. Здесь же в 1883 г. упокоится и отец мужа Анны Петровны — Эдуард Иванович Фальц-Файн, а также его брат Густав (умер в 1890 г.). В книге В. Э. Фальц-Фейна «Аскания-Нова» о варварском акте надругательства над их родовым захоронением рассказывается так: «Во времена герцога Ангальт-Кетенского [1828–1847] <...> была построена лютеранская церковь в Аскании-Нова <...> В этой церкви, в нижнем ее уровне, находился фамильный склеп нашей семьи. В 1925 году советский комиссар латыш Зитте, представляющий новую власть в Аскании-Нова, при содействии механика Привалова, бывшего служащего моего брата, вскрыл все гробы, распорядился высыпать их содержимое в большую яму. Самим гробам он даровал другое назначение — частично использовать материал на всевозможные нужды, а те, что хорошо сохранились, пригодятся для захоронения коммунистов-руководителей. Все украшения и мраморные памятники в церкви были уничтожены. Божий храм и склеп превратили в хранилище картофеля и зерна. Я приведу следующий отрывок из сообщения немца, который позднее побывал в Аскании-Нова. “То, что совершили красные с церковью и фамильной усыпальницей Фальц-Фейнов, является собой редкий пример вандальства. Церковь не просто упразднили, ограбили, но и превратили в амбар для зерна. Склеп должен служить картофелехранилищем. Поэтому находящиеся в склепе семь гробов вытащены, из них извлечены и брошены в яму останки. Лишь неровная куча песка, по которой уже проезжали телеги, обозначает место, где покоятся семь родоначальников семьи Фальц-Фейнов. Разбитые цинковые гробы лежат на земле и должны быть переработаны на предметы хозяйственного обихода”». — *Аскания-Нова*. С. 131–132.

⁶⁵ Федор Федорович Достоевский, сын писателя, с середины 1890-х гг. держал собственный конный завод в Симферополе

(где в 1901 г. он и познакомился со своей будущей женой Е. П. Цугаловской). «Служил по коннозаводству. Держал свою скаковую конюшню и очень азартно играл на бегах и скачках», — сообщается о нем в известной книге М. Волоцкого, посвященной роду Достоевских (*Волоцкой*. С. 137). Вот что об этой деятельности своего сына писала А. Г. Достоевская в частном письме к В. В. Розанову в 1907 г.: «Юношей он [Федор Федорович] мог бы поступить на службу и, благодаря влиянию друзей Федора Михайловича (Победоносцева, Филиппова, Вышнеградского и др.), мог бы сделать блестящую карьеру. А он, желая независимости, выбрал скромную деятельность сельского хозяина, коннозаводчика, и вот уже 14 лет работает, как вол, круглый год, чтобы хорошо вести свое дело. Для него это не забава, не праздное времяпрепровождение, а дело жизни и кусок хлеба. И из него выработался отличный работник; доказательство тому, что он служит по выбору старшим членом Московского Скакового общества, а плохого человека на это дело не выбрали бы». — Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1990. Т. 9. С. 293.

⁶⁶ В примеч. З к первой публикации письма от 19.11.1951 г. (см.: Достоевский и мировая культура. СПб., 1996. № 6. С.204) нами неточно был указан день рождения Е. П. Достоевской: 6 марта 1875 г. — и без необходимой оговорки, что датадается по старому стилю. Здесь Анна Петровна, естественно, называет день рождения сестры по новому стилю. По старому стилю это — 7 марта. Аналогичную поправку необходимо сделать и в отношении даты рождения самой Анны Петровны: 23 июня / 5 июля 1870 г.

⁶⁷ Русский православный Крестовоздвиженский кафедральный собор в Женеве, воздвигнутый в стилистике старинного московского стиля и увенчанный девятью куполами, расположен на одном из высоких холмов Старого города (Сите). Он был построен в 1863 — 1865 гг. и освящен в 1866 г. В соборе находится большое количество старинных редких икон: Иконы Богоматери Владимирской, Иверской и Федоровской — XVII века, Икона

Богоматери Троеручица — XVII века, Икона Св. Николая Чудотворца в оправе из золота, серебра и жемчуга — XVI века. В росписи церкви принимали участие академики Петербургской академии художеств В. Кошелев, Л. Рубио и другие художники. Внутри — церковь небольшая, человек на 200, с цветными витражами на окнах, с красивым мраморным иконостасом работы швейцарского скульптора Хеннеберга. Упоминание Анной Петровной православной церкви в Женеве представляется в высшей степени знаменательным и неслучайным. Именно в этой церкви Ф. М. Достоевский и А. Г. Достоевская сначала крестили (4/16 или 5/17 мая 1868 г.) своего первенца дочь Софью, а затем — после ее неожиданной смерти в трехмесячном возрасте — отпевали перед погребением на женевском кладбище Plain Palais (14/26 мая того же года). Конечно же, в последующем в каждое свое пребывание в Женеве Достоевские посещали Крестовоздвиженский собор и молились в нем. Без сомнения, этот глубоко личный момент, связанный для их семьи с женевской церковью, был хорошо известен Екатерине Петровне либо от свекрови — А. Г. Достоевской, либо от мужа (брата умершей в младенчестве Софьи) — Ф. Ф. Достоевского, а через нее — и Анне Петровне. Так что во время их приездов в Женеву (до революции) сестры должны были посещать русскую православную церковь с особым чувством.

⁶⁸ Предыдущее письмо от 12 апреля 1952 г. написано на открытке из серии «Афоризмы Брийя-Саварена» с юмористической иллюстрацией и надписью: «Создатель, приговаривая человека к тому, чтоб тот ел, чтобы жить, приглашает его к столу, вызывая у него аппетит, и вознаграждает его удовольствием, которое он при этом получает» (*франц.*). Ансельм Брийя-Саварен (1755–1826) — французский литератор, автор популярной «Физиологии вкуса» (1807). В дальнейшем еще несколько писем к А. Чезану будут посланы на открытках из этой серии. (Примечание Р. Г. Гальпериной.)

⁶⁹ С Ольгой Николаевной Гавrilовой-Глазуновой, вдовой выдающегося русского композитора А. К. Глазунова, сестры

познакомились во время своего пребывания в Париже в 1948 — 1949 гг.

⁷⁰ Хотя Анна Петровна начинает словами: «У меня хорошая память», — ее рассказ основан на недоразумении. В 1552 г. не татары нападают на Казань, а наоборот — Казань осаждают и 2 октября 1552 г. берут штурмом русские войска царя Ивана Грозного. Чудесное же обретение (в земле) образа Казанской Божией Матери происходит лишь в 1579 г.

⁷¹ Рассказ Анны Петровны — не столько, как в первом и в третьем случаях, об иконе Покрова Божией Матери, сколько о двух явлениях самой Богородицы — восходит к мотивам «Жития св. Андрея Юрьевского» и «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков».

⁷² Поскольку мать Екатерины Петровны и Анны Петровны Е. А. Цугаловская (урожд. Полянская) родилась в имении неподалеку от Коренной пустыни и детьми сёстры также неоднократно ездили на поклонение чудотворной иконе Божией Матери Знамение, именуемой Курской или Коренной (Курской-Коренной), называя ее «наша Святая Мать», то есть для них все это исполнено особого личного смысла, — упоминание в письме Анны Петровны образа Богоматери Курской-Коренной требует специального комментария. Эта чудотворная икона была явлена 8 сентября, в день Рождества Богородицы, 1295 г. в 29 верстах от Курска на берегу реки Тускари при корнях дерева (почему и названа Коренною), а под деревом открыт целебный источник. На месте обретения иконы была установлена часовня, а в 1597 г. основан монастырь имени Рождества Пресвятой Богородицы (Коренная Рождественская пустынь). С 1618 г. чудотворный образ находился в Курске, в местном Знаменском монастыре, откуда ежегодно, в 9-ю пятницу по Пасхе, торжественно переносился в Коренную пустынь, где пребывал до 12 сентября, и затем возвращался, сначала в Ямскую слободу, пригород Курска, а 13 сентября — назад в Знаменский монастырь. Празднование иконы Божией Матери

Курской совершалось в день выноса иконы в Коренную пустынь; в день возвращения образа в Знаменский монастырь, а также 27 ноября — в день чудотворной иконы Знамения Преподобной Богородицы. Скорее всего, в один из этих трех дней сестры, еще будучи детьми, и ездили «помолиться ей». С 1919 г. чудотворный образ Богоматери Курской-Коренной находился при резиденции временного Высшего Церковного Управления, образованного на Южно-Русском Церковном Соборе в Ставрополе, в подчинении которому пребывали все находящиеся вне советской власти епархии. После поражения Белой армии в гражданской войне это — самая чтимая икона в русской эмиграции, именуемая Одигитрией русского рассеяния, Руководительницей, Покровительницей и Защитницей Русской Православной Церкви Заграницей. С переездом в 1921 г., по приглашению сербского патриарха Димитрия, Высшего Церковного Управления (позднее — Свят. Архиерейский Синод) в Югославию, чудотворный образ Божией Матери Курской-Коренной находился в Свято-Троицкой церкви в Белграде, при резиденции митрополита Антония (Храповицкого) и затем его преемника митрополита Анастасия (о нем см. след. примеч.). В ходе Второй мировой войны, особенно в последний ее год, икона (как и резиденция митрополита) часто меняет свое местонахождение и в 1945 г. оказывается в Мюнхене, где и пребывает до 2 февраля 1951 г. (Кстати, осенью 1947 г., по-видимому, уже по дороге в Париж, Анна Петровна и Екатерина Петровна побывали в Мюнхене, — о чем свидетельствуют две дарственные надписи Р. Пипера, на книгах, подаренных им 2 сентября 1947 г. (см.: ЛМФД. ОФ — 245, 362), — и, возможно, молились перед чудотворным образом.) После перевода в конце 1950 г. Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей в США Одигитрию русского рассеяния также переправляют за океан. Это уже события, непосредственно предшествующие комментируемому письму. 2 февр. 1951 г. самолет «Летающий тигр» с чудотворной иконой на борту вылетел из мюнхенского аэропорта и после задержки из-за бури на Азорских островах (на острове Санта-Мария!) 5 февраля призем-

лился в аэропорту близ Нью-Йорка. Из аэропорта образ Божией Матери Курской Коренной был доставлен (в сопровождении епископа Серафима) в только что отстроенную Новую Коренную пустынь, расположенную в бывшем имении князей Белосельских-Белозерских в Махопаке, в 40 милях от Нью-Йорка. 8 февраля по благословению митрополита Анастасия чудотворный образ был выставлен для поклонения в Вознесенском Кафедральном соборе в Нью-Йорке и через несколько дней вновь возвращен в Новую Коренную пустынь. Уже в 1952 г. (год написания письма), в первый день Великого поста, Архиерейский Синод, а вместе с ним и чтимая икона вновь переезжают — в Нью-Йорк, в специально купленный РПЦЗ небольшой дом на 77-й улице Вест, где и располагаются до переезда в ново-построенный Синодальный Собор Знамения Божией Матери на Парк Авеню, в котором завершаются отделочные работы.

⁷³Митрополит Анастасий (в миру Александр Грибановский) (1873–1965) — в 1936–1964 гг. председатель Архиерейского Собора и Свят. Синода, для своих сторонников (каковой, очевидно, является и А. П. Фальц-Фейн) Первоиерарх (глава) Русской Православной Церкви Заграницей. Еще до революции Анастасий — авторитетная фигура в церковной иерархии России: с 1901 г. ректор Московской духовной семинарии, с 1906 г. епископ Можайский, с 1915 г. епископ Кишиневский и Хотинский. Деятельный участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг.: председатель Комиссии по выработке порядка избрания патриарха и его настолования. В начале гражданской войны выезжает в Константинополь. Принимает активное участие в Первом (1921), председательствует на Втором (1938) Заграничных Церковных Соборах. В 1935 г. избирается преемником митрополита Антония (Храповицкого). С конца Второй мировой войны резиденция митрополита Анастасия находится в Мюнхене. С переводом Архиерейского Синода в США осенью 1950 г. переезжает в Нью-Йорк. Называя митрополита Анастасия «истинным христианином» и сетуя, что, «к сожалению, не все священнослужители нынче истинные хри-

стиане», Анна Петровна, по-видимому, не в последнюю очередь выражает свое отношение к отказу Анастасия признать духовным главой Русской Православной Церкви Заграницей «под-советского» патриарха Московского и Всея Руси (с 1943 г. Сергий, с 1945 г. Алексий), который, как считали многие в эмиграции, утвержден на патриаршем престоле советским руководством и даже лично Сталиным, — в то время как ряд зарубежных иерархов, в частности глава Западно-Европейской епархии митрополит Евлогий, митрополит Парижский Серафим, глава Американской Православной Церкви митрополит Феофил и другие, признали в 1940-е гг. духовную власть над собой Московского патриархата.* Различие позиций среди церковных иерархов по такому принципиальному вопросу способствовало углубляющемуся расколу зарубежной русской православной церкви. Так, например, в декабре 1945 г. митрополит Феофил посыпает митрополиту Анастасию телеграмму с предложением сложить свои полномочия председателя Заграничного Синода и Собора и передать все приходы Европы, Азии, Африки и Америки — ему, митрополиту Феофилу. Кливлендский Собор 1946 г. принимает решение о прекращении какого-либо административного подчинения Заграничному Синоду. Следствием этого явились начавшиеся тяжбы за церковное имущество, которые рассматривались даже в судебном порядке. В частности, в сентябре 1948 г. в американском гражданском суде разбирается «Дело о Соборном Св. Преображенском храме в Лос-Анджелесе» и т. п. Можно предположить, что именно подобные негативные явления и нашли отражение в словах.: «Многие становятся священниками не из внутренней потребности, а ради материальных, земных благ. Стремление к власти, жажда денег, честолюбие руководят ими».

⁷⁴ См. примеч. 114.

* Составитель комментариев здесь и в сходных случаях освещает исключительно личную позицию авторов писем, А.П.Фальц-Фейн и Е.П. Достоевской, не имея намерения вставать на ту или иную точку зрения, выходящую за пределы его компетенции.

⁷⁵ Платтлинг — лагерь для военнопленных № 431 в американской оккупационной зоне в Баварии, недалеко от Регенсбурга, в котором с осени 1945 г. были интернированы остатки Русской освободительной армии генерала Власова — более 3000 человек. Драматические события, о которых пишет Анна Петровна, — насильтвенная депатриация американскими войсками, в соответствии с Ялтинскими соглашениями, пленных власовцев, содержавшихся в лагере Платтлинг, — происходили 24 февраля 1946 г. По разным оценкам, в этот день в советскую зону было отправлено 1575–1590 человек. Поскольку рассказ А. П. Фальц-Фейн представляется сильно фольклоризованным, приведем свидетельство одного из анонимных очевидцев, в записи лагерного священника отца Сергея: «24-го февраля, за 15 минут до обычного подъема, когда весь лагерь еще спал, одновременно во все блоки ворвались вооруженные до зубов американские солдаты, снабженные кроме того и дубинками. По заранее разработанному плану каждая группа солдат, под командой старшего, направлялась к определенному бараку. Стучали и колотили палками по чем попало, они начали будить людей. Солнечные раздали несколько листовок, в которых советовалось исполнять приказания американцев. Полусонные люди, не придя еще в себя, были выгнаны полуголыми на двор. Многие были босиком и в нижнем белье, некоторые второпях схватили одеяло. Замешкавшиеся получали град палочных ударов. При морозе в 6 градусов многие босиком или полураздетыеостояли с 6 часов утра до 4 часов вечера. Во дворе небольшие группы пленных были окружены вдвое большей по численности охраной. Начали вызывать людей по спискам и делить на две группы. Каждой из групп говорилось: “Не волнуйтесь, вас переводят лишь в другой блок, а вот тех отправляют в Советский Союз”. Так были введены в заблуждение многие. <...> Затем их отводили к воротам, где вновь проверяли по спискам и сажали в машины по 12–15 человек. В машины садились также по 5–6 американских солдат с дубинками наготове. Затем машины неслись по лагерной дороге. Человек сидевший, а

часто и лежавший на дне машины, не мог видеть, куда его везут. <...> Только на станции, *увидя вагоны с решетками* [Подч. мною. — Б. Т.], люди поняли, что они обречены. Некоторые пытались здесь же покончить жизнь самоубийством, из них лишь 7 человек были отправлены в больницу, остальных прямо погрузили в вагоны. Окровавленные машины скорой помощи долго носились по дороге от станции к лагерю. Весь вывоз производился по заранее разработанному плану. Лагерь был окружён танками с орудиями, направленными на блоки. Наготове были газовые и пожарные команды. Дорога от лагеря до станции на протяжении 200–300 метров охранялась танками. Не раз со станции слышались выстрелы и крики. Так подгонялись пассивно противившиеся посадке несчастные обреченные. Вся эта погрузка длилась до 5 часов вечера, когда печальные поезда с 1500 человек <...> направились через Регенсбург и Гоф в советскую зону» (*Кузнецов Б. М. [составитель]*. В угоду Сталину. Изд-во СБОНР, Канада, 1968. С. 44–45). Отметим, что здесь говорится лишь о попытках самоубийства. Тоже 7 человек, пытавшихся покончить с собой, называет и другой очевидец, доктор Б[оголюбов], который, после объявленной им голодовки, находился в эти дни в лазарете: «7 человек <...> были из числа принудительно отправленных на родину и привезенных вчера со станции Платтлинг с различными ранениями. Троє перерезали себе шею, один порезал грудь и остальные трое перерезали сосуды и сухожилия на кисти левой руки, причем делали они это одним и тем же ножом, передавая его друг другу. В палате находился круглые сутки американский пост, чтобы предупредить вторичные попытки самоубийства» (Там же. С. 47). Отметим также и содержащееся в первом из приведенных свидетельств указание на «вагоны с решетками». Возможно, память Анны Петровны соединила, притом гиперболизируя их, историю нескольких депортаций, которые происходили в 1946 г. в разных лагерях. Так, судя по всем источникам, самой кровавой была первая «выдача» власовцев в американской зоне, со-

стоявшаяся 19 января 1946 г. из бывшего фашистского концлагеря Дахау. По оценкам немецкого историка И. Хоффманна, во время этой «акции» покончили жизнь самоубийством 14 человек и еще 21 нанесли себе тяжелые ранения (см.: *Хоффманн И. История власовской армии*. Paris, YMCA-Press, 1990. С. 253). Б. М. Кузнецов называет 40 погибших (самоубийц и умерших от ран) и около 100 человек раненых (Указ. соч. С. 71). Здесь, в Дахау, американцы, действительно, «не ожидали ничего подобного». Но через месяц, в Платтлинге, они уже подготовились. Вот как об этом пишет Н. Д. Толстой в своем фундаментальном исследовании «Жертвы Ялты»: «Операция [в Платтлинге] проходила по той же схеме, что и в Дахау, только на этот раз были приняты исключительные меры по сокращению числа самоубийств. <...> Примененная в Платтлинге тактика оказалась вполне успешной. Благодаря внезапности операции удалось избежать самоубийств на территории лагеря, и штаб американской 3-й армии смог сообщить в рапорте, что выдача была проведена без “инцидентов”. Но за время пути пятеро покончили с собой в поезде, а число покушавшихся на самоубийство было еще выше. В самом лагере двое успели нанести себе раны, и одного из них сфотографировали для американской армейской газеты “Старс энд страйпс”. Вообще же вся операция была заснята на плёнку, — вероятно, в качестве руководства на будущее» (*Келин Н. А. Казачья исповедь; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты*. М., 1996. С. 416–417). Конечно же, источники Н. Д. Толстого тоже требуют проверки и их нельзя абсолютизировать, но в любом случае число погибших, называемое Анной Петровной, выглядит «фантастическим». Впрочем, отмечу, что и в работе современного исследователя можно прочесть: «К 29 октября [1945 г.] офицеры ВС КОНР оказались в Платтлинге, где 24 февраля 1946 г. произошла одна из самых страшных и кровавых выдач с массовыми самоубийствами репатрируемых» (*Александров К. М. Из истории насильтственных репатриаций (1945–46 гг.) // Россия и Запад. Сб. статей*. СПб., 1997).

С. 243). Но какой-либо ссылкой на источники это утверждение здесь не подтверждено. Странным, если не просто недоразумением, является повторенное также в письме от 13 июля 1954 г. указание на то, что Екатерина Петровна шефствовала над лагерем Платтлинг. Скорее всего, она входила в руководство какого-нибудь попечительского совета (ср.: «приезжала, утешала их, собирала деньги, подарки для них»). Значительная часть находившихся в Платтлинге первоначально, до ноября 1945 г., была размещена в лагере № 22 в Регенсбурге (это были в основном офицеры). В воспоминаниях полковника А. Г. Алдана (Нерянина) читаем: «Жизнь в лагерях между тем шла своим чередом. <...> В Регенсбургском лагере открылся ежедневный лекторий. Были прочтены лекции на самые разнообразные темы <...>. Работали кружки английского языка [Подч. мною. — Б. Т. І. Начались вечера самодеятельности. После переезда в Платтлинг возобновили работу школы шоферов] (Алдан А. Г. Армия обреченных: Воспоминания зам. нач. штаба РОА. Н.-У., 1969. С. 97–98. (Труды Архива РОА. Т.3)). Возможно, именно подобной культурно-просветительной работой в лагере и занималась Е. П. Достоевская. Напомним, в частности, о ее опыте преподавания английского языка. См. примеч. 12.

⁷⁶ Видимо, и в этом случае память Анны Петровны опять сводит и соединяет свидетельства разного времени и из разных мест. Под Мюнхеном находился уже упомянутый выше лагерь Дахау (см. о нем предыдущее примеч.), но присутствие в нем казаков не было (как и в Платтлинге) сколь-нибудь определяющим. Самая громкая «выдача» советской стороне казаков, сопровождавшаяся значительными жертвами, в том числе и в результате самоубийств, произошла 1 июня 1945 г. в районе Лиенца (Австрия). Но здесь принудительную депатриацию осуществляли не американцы, а англичане.

⁷⁷ Черчилль отдыхал на вилле лорда Бивербрука на мысе Кап-д'Ай в Монако. Ментона, до 1861 г. бывшая частью княжества Монако, находится неподалеку от этого места.

⁷⁸ Отец Анны Петровны и Екатерины Петровны — Петр Григорьевич Цугаловский (2 сент. 1835 — 12 дек. 1900), дворянин, воспитанник Императорского Николаевского Гатчинского сиротского института. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. — в действующей армии: с 1854 г. волонтером, затем унтер-офицером Низовского полка. Отличился в сражении у Черной речки 4 авг. 1855 г., за что награжден чином прапорщика. В 1863 г., во время восстания в Польше, П. Г. Цугаловский, тогда поручик л.-гв. Литовского полка, был делопроизводителем Варшавской военно-следственной комиссии и принимал участие по так называемому делу «парижских эмиссаров» — Вл. Даниловского, З. Янчевского, Вл. Рудницкого. В 1870—80-е гг. майор, позднее полковник, Цугаловский служит штаб-офицером для особых поручений при варшавском губернаторе генерале Н. Н. Медеме; участвует в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В 1886 г. он переходит на службу в жандармское ведомство и заканчивает свою карьеру в чине генерал-майора начальником жандармского управления Одессы. В 1893 г. по болезни уволен на пенсию с производством в генерал-лейтенанты. Умер в Симферополе, похоронен на Симферопольском военном кладбище. — См.: *Рерберг П. Ф.* Севастопольцы. Участники 11-месячной обороны Севастополя в 1854 — 1855 гг. Вып. 3. СПб., 1907. С. 9; также см.: *РО РНБ*, ф. 1020, оп. 1. Источники дат рождения и смерти см. в примеч. 120.

⁷⁹ См. примеч. 22.

⁸⁰ Возможно, речь идет о немецком художнике Унгевитторе, который в 1914 г. гостил в имении у Ф. Э. Фальц-Фейна и во время своего посещения Аскании-Нова «проникновенно изображал на холстах красоту степей, живших там людей и животных, экзотических обитателей зоопарка» (*Аскания-Нова*. С. 193; в этой книге на вклейке между стр. 160 / 161 воспроизведены три работы Унгевиттора, представляющие собой именно «портреты русских типажей»: 1) служащий Иван Наливайко по прозвищу Стенька Разин; 2) служащий Иван Сючак, проживший 104 года; 3) кучер Ф. Э. Фальц-Фейна Никифор,

награжденный Николаем II медалью за пятидесятилетнюю работу в Аскании-Нова).

⁸¹ Русские периодические издания, выходившие в 1945 – 1951 гг. в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии (см. о них: *Прянишников Б. В. Новопоколенцы. США: Сильвер Спринг, 1986*), являются большой библиографической редкостью и практически полностью отсутствуют даже в крупнейших библиотеках России. Так, например, ни одного номера подобного издания нет в 30 крупнейших библиотеках Санкт-Петербурга (см.: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 2-е изд. СПб., 1996). Поэтому установить достоверно, в каком издании было напечатано приводимое Анной Петровной стихотворение «о “Ди-Пи”», кто его автор, а также восстановить первоначальный русский текст на сегодняшний день не представляется возможным. Можно лишь обозначить пунктиром контуры материала. В библиографическом издании Эм. Штейна «Русская печать лагерей “Ди-Пи”» (Орандж [США] : Antiquary, 1993) указаны 5 газет, выходивших на русском языке в Регенсбурге во второй половине 1940-х гг.: *Мысль: Русская еженедельная газета* (1946); *Эхо: Еженедельная газета* / Ред. с 1947 г. Б. В. Прянишников (1946 – 1948); *Горн: Еженедельная газета* / Ред. Н. Ветлугин (1948); *Вестник Русского монархического объединения* (1948–1949); *Эхо молодежи* / Ред. Б. Прянишников (1949). Если учесть, что Анна Петровна и Екатерина Петровна покинули Регенсбург в 1947 г., то наиболее вероятным будет предположение, что не названная в письме газета – это либо «Мысль», либо «Эхо» (выходившие в 1946 г.). Однако нельзя полностью исключить возможность и других перечисленных изданий, так как Эм. Штейн описывает лишь те номера газет, которые были в его распоряжении, но не указывает, с какого и по какой год они выходили. Может быть, «Горн», «Эхо молодежи» или «Вестник Русского монархического объединения» издава-

лись и до 1948–1949 гг. Что касается поэтов «Ди-Пи», то в качестве примеров укажем на вышедшие в издательстве «Посев» сборники: *Неймиров Александр. Стихи / Под ред. Б. Серафимова, [лагерь Менхегоф], 1946; Марков В. [Ф.] Стихи. Регенсбург, 1947*. Укажем также на стихотворение Ив. Елагина «Платтлинг», опубликованное в журнале «Снайпер» (1949. № 3). Наконец, в сборнике «В угоду Сталину», составленном Б. М. Кузнецовым, напечатаны три стихотворения В. Кудашева с указанием места написания — Платтлинг, под одним из которых («Мы выдержим») стоит дата создания: «7-4-46».

⁸² Идея написания письма Элеоноре Рузвельт, очевидно, родилась у А. П. Фальц-Фейн по примеру имевших место в период массовых принудительных депортаций многочисленных коллективных обращений Di-Pi к вдове бывшего президента США. Так, например, в книге И. Хоффманна упоминаются: коллективное письмо 223-х офицеров бывшей РОА (сентябрь 1945); секретное письмо, написанное группой офицеров в лагере Платтлинг (начало декабря 1945); письмо «Госпоже Элеоноре Рузвельт. Спасите наши души!» (январь 1946, видимо — после событий в Дахау; отправлено непосредственно перед выдачей в феврале 1946). В последнем письме, в частности, читаем: «В месте, над которым развевается звездный флаг свободы, мы вынуждены осколками стекла убивать наших жен и детей, перерезать себе вены — чтобы не возвращаться в красную Москву» (Хоффманн И. Указ. соч. С. 250). Эти слова оченьозвучны настроениям А. П. Фальц-Фейн.

⁸³ Книга В. Э. Фальц-Фейна «Аскания-Нова» впервые вышла в свет в Берлине в 1930 г. (на немецк. языке). Новейшее издание, на русском языке, — Киев, 1997.

⁸⁴ День мученицы Анны — 3, день великомученицы Екатерины — 7 декабря по новому стилю.

⁸⁵ О какой книге идет речь, не установлено.

⁸⁶ Ганецкий Иван Степанович (1810 – 1887) — генерал-лейтенант (с 1863 г.), участник русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. Во главе Гренадерского корпуса осенью 1877 г. руководил осадой Плевны. 28 ноября, проведя блестящее наступление, принудил гарнизон Плевны во главе с Осман-пашой сдаться. За этот подвиг он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Взятие Дольного Дубняка (к юго-западу от Плевны) отрядом генерала И. В. Гурко произошло полутора месяцами ранее — 12 октября 1877 г. Этой операцией завершилось окружение Плевны, и именно с этого времени русские войска начали осаду турецкой крепости. Имя генерала Ганецкого, как можно думать, приходит на память Анне Петровне не случайно: этапы его биографии во многом сходны с биографией генерала Цугаловского — отца сестер (польские события 1863 г.; русско-турецкая война 1877 – 78 гг. — см. примеч. 78). Возможно, П. Г. Цугаловский также участвовал в сражении под Плевной. Знание Анной Петровной таких частных моментов военной операции 75-летней давности, как, например, взятие Дольного Дубняка, является тому косвенным подтверждением, так как, скорее всего, почерпнуто из рассказов, слышанных в детстве от отца. Отметим и то, что действие гоголевских «Старосветских помещиков» происходит в 1820-е гг. в Малороссии, а не в Курской губернии, и тем более никак в повести начала 1830-х гг. не могут упоминаться события русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. Этот «художественный элемент» в изложении Анны Петровны тем и обусловлен, что она «экстраполирует» образ жизни «старосветских помещиков» на весь XIX век в целом и в большей степени пишет о своих собственных предках (бабушках и дедушках), нежели о конкретных гоголевских персонажах.

⁸⁷ В 1870 – 80-х гг. отец сестер служит в Варшаве офицером для особых поручений при генерале Н. Н. Медеме (см. примеч. 78). Отметим, впрочем, что в письме от 20 декабря 1953 г. Анна Петровна пишет, что они с сестрой родились в Петербурге.

⁸⁸ Лилли Леман (1848 – 1929) — известная немецкая певица, подруга Р. Вагнера. В начале века и в 1920-е гг. неоднократно выходили ее книги (например: *Mein Weg* [Мой путь]. Leipz., 1920; *Meine Gesangskunst* [Мое искусство пения]. Berl., 1922) и книги о ней. О какой книге идет речь в письме, неизвестно.

⁸⁹ О П. Зутермейстере см. следующее примеч., а также примеч. 48. О третьем брате Зутермейстере, враче из Берна, сведениями мы не располагаем.

⁹⁰ Вдова Р. Роллана — Мария Павловна Кудашева-Роллан (урожд. Кювилье) (1895 – 1986). Ее обращение с предложением написать биографию Роллана именно к П. Зутермейстеру, по-видимому, обусловлено высокой оценкой его предыдущих книг: Феликс Мендельсон-Бартольди. Биография и письма (на нем. яз., Zürich, 1949); Роберт Шуман. Его жизнь по письмам, дневникам и воспоминаниям (на нем. яз., Zürich, 1949; 2-е изд.: Darmstadt, 1951). Биография Р. Роллана, написанная П. Зутермейстером, нам не известна.

⁹¹ Граф Алексей Конст. Толстой был троюродным братом Льва Никол. Толстого. У них общий прадед — Андрей Иванович Толстой (1721 – 1803). Их деды — Петр Андреевич (1746 – 1822) и Илья Андреевич (1757 – 1820) Толстые — были родными братьями.

⁹² Строки из поэмы А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин», положенные на музыку П. И. Чайковским и более известные как популярный романс. «Ужасный перевод» на немецкий язык этого «чудесного стихотворения» в оригинале выглядит так:

Ich segne euch Wälder, Täler, Felder, Berge, Flüsse,
Ich segne euch Freiheit und den blauen Himmel
Und im Felde jedes Grüsschen, und im Himmel jeden Stern
O! könnte ich in meine Umarmung, euch meine Freunde
Brüder, Feinde und die ganze Natur schliessen
Oh' könnte ich meine Seele mit euch allen vereingen.

⁹³ Анна Петровна, по-видимому, имеет в виду следующий монолог князя Мышкина из главы VIII четвертой части романа «Идиот», в котором, действительно, выражается подобное же чувство благоговения героя Достоевского перед Божиим миром: «Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не умею выскажать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1973. Т. 8. С. 359). Близкое, хотя и иное, переживание Божиего мира выражено и в «Поучениях старца Зосимы» в «Братьях Карамазовых»: «Любите все создание Божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. <...> Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. <...> Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя — увы, почти всякий из нас!» (Там же. Л., 1976. Т. 14. С. 289).

⁹⁴ О братьях мужа Анны Петровны см. примеч. 23; о свекрови — примеч. 36. Отметим, что данная Софье Богдановне Фальц-Фейн характеристика в письме от 10.12.1951 г. («отзывчивое сердце», «благодетельница сотен людей, которая так хорошо относилась к людям») в корне противоречит оценке, приведенной в данном письме.

⁹⁵ См. примеч. 162.

⁹⁶ См. в настоящем издании фотографию Анны Петровны и Екатерины Петровны в Крыму (Симферополь) в 1929 г. У их ног — Фолли и Беби.

⁹⁷ Рейнхард Пипер, основатель мюнхенской издательской фирмы (см. примеч. 3), умер 18 октября 1953 г. (о нем см. его

автобиографическую книгу: Piper R. Mein Leben als Verleger. Munch., 1964). Тот факт, что семья Пиперов сразу же сообщают о смерти своего главы Екатерине Петровне и Анне Петровне, дополнительно свидетельствует о достаточно близких отношениях, установившихся между ними.

⁹⁸ «Возмутительный, ничтожный перевод» на немецкий язык начала стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» в оригинале письма выглядит так:

Ich habe mir ein unzerstörbares Denkmal geschaffen

Der Volksweg wird nicht zu mir mit Gras bewachsen.

⁹⁹ Кузина — уже упомянутая выше Валерия Александровна Прянишникова, двоюродная сестра Анны Петровны и Екатерины Петровны, также проживавшая в Maison Russe. См. о ней примеч. 31.

¹⁰⁰ Княжна Оболенская — неустановленное лицо; возможно, родственница Ольги Валериевны Оболенской (урожд. графини Тулуз де Лотрек), умершей в Ницце 6 ноября 1933 г. См.: Чуваков В. И. Русский зарубежный некрополь 1917–1967. В 5-ти томах. М., 1967. Т. 3. С. 382.

¹⁰¹ Стоит отметить, что вопрос ирригации был в известном смысле «ключевым» в деле основания уникального заповедника. Именно Фальц-Фейны первыми на юге России предприняли успешную попытку добывать воду из артезианских колодцев. В 1887 г. «на глубине 70 метров от земной поверхности удалось достичь пласта хорошей чистой воды. Это был памятный момент, решающий на долгие годы судьбу Аскании-Нова. Здесь закладывался фундамент всемирной известности имения, ставшего оазисом в голой южно-русской степи. Таким образом, 1887 год можно с полным правом считать годом основания рая для животных. Ведь без воды не было бы большого парка, не было каналов и прудов, а без них никогда не возник бы большой рукотворный рай для животных» (Аскания-Нова. С. 71). Впрочем, Анна Петровна пишет о имении своего мужа —

Гавриловке, где вопрос с водой не стоял так остро. А. Э. Фальц-Фейн «также основал зоопарк. Ни по своим размерам, ни по составу он не шел ни в какое сравнение с зоопарком Фридриха. Но, надо признать, Александру легче было создавать водоемы. Ведь его имение находилось в Херсонской губернии, на Днепре, где он без особых проблем мог соорудить плотину вдоль старого, высохшего рукава реки и отводить воды Днепра во время таяния снегов в это русло. Для поддержания уровня воды использовались турбинно-насосные устройства» (Там же. С. 112).

¹⁰² См. примеч. 64.

¹⁰³ Неустановленное лицо.

¹⁰⁴ См. воспроизведение этой фотографии в настоящем издании.

¹⁰⁵ Неустановленные лица. Знакомые или, возможно, даже родственники Пиперов.

¹⁰⁶ Известный немецкий зоолог, профессор, тайный советник Людвиг Гекк (1860–1951), директор Кельнского (1886–1888) и Берлинского (1888–1931) зоопарков. Именно в период директорства Гекка Берлинский зоопарк становится одним из крупнейших в мире. Знакомство Л. Гекка с Ф. Э. Фальц-Фейном датируется 1889 г. «Профессор Гекк относится к немногим, может быть, даже единственным близким друзьям Фридриха и семьи Фальц-Фейнов, — свидетельствует В. Э. Фальц-Фейн в книге «Аскания-Нова», предисловие к 1-му, немецкому изданию которой написано именно доктором Гекком. — В своей жизни я редко встречал людей, которые подобно профессору Гекку и Фридриху были связаны друг с другом бескорыстной дружбой» (*Аскания-Нова*. С. 73). Л. Гекк и его жена «были частыми гостями в Аскании-Нова и почти после каждого визита помещали заметки о заповеднике Фридриха — рае для животных — в иллюстрированных и специальных журналах» (Там же. См. также С. 231–233). Сыновья Л. Гекка Лутц (1892 – ?) и Гейнц (1894 – ?) продолжили дело отца. Лутц

был директором Берлинского, а Гейнц — Мюнхенского зоопарков.

¹⁰⁷ Речь идет о книге: *Paul Morand. L'Europe russe annoncée par Dostoievsky*. Pierre Gailer éditeur. Genève, 1948. Поль Моран (1888–1976) — известный французский беллетрист, предпринимает здесь попытку обнаружить в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского «эзотерическое пророчество» о состоянии мира, о взаимоотношениях Европы и России (СССР) после Второй мировой войны. Экземпляр книги П. Морана, присланный А. Чезана в ответ на просьбу Анны Петровны (см. следующее письмо), с владельческой надписью на обложке: «С. de Dostoievsky», хранится в Музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (ЛМФД, ОФ — 330).

¹⁰⁸ О В. А. Прянишниковой см. примеч. 31. Отметим, что в письме от 17.11.1957 № комнаты В. А. Прянишниковой указан как 14.

¹⁰⁹ См. примеч. 66.

¹¹⁰ На фотографии, хранящейся в Музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (дар барона Э. А. Фальц-Фейна), Анна Петровна и Екатерина Петровна сфотографированы 25 сентября 1942 г. в Симферополе с немецким офицером лейтенантом Банером. Возможно, здесь речь идет именно о нем.

¹¹¹ Среди 10 представителей фамилии Врангель (а также Врангель фон Гюбенталь), зарегистрированных в издании: Чуваков В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 101, — такого лица нет.

¹¹² См. примеч. 29.

¹¹³ См. примеч. 75.

¹¹⁴ Имеются в виду соглашения, достигнутые на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) глав правительств 3-х союзных держав — премьер-министра Великобритании У. Черчилля, председателя СНК СССР И. В. Сталина и президента США Ф. Д. Рузвельта (при участии министров иностранных дел, на-

чальников штабов и др. советников). Однако подписанное 11 февраля 1945 г. соглашение о военнопленных имело лишь самый общий и предварительный характер и не обязывало союзников принудительно выдавать советской стороне лиц, не выразивших желания возвращаться в СССР. «После Ялтинского соглашения у США еще имелась возможность избрать любую линию поведения» (Толстой Н.Д. Указ. соч. С. 208). Со стороны Черчилля и особенно Рузвельта, руководствуясь принципом «личной дипломатии», это был тактический ход, позволяющий уйти от рассмотрения спорных вопросов, которые могли бы помешать на тот момент достижению более важных и принципиальных договоренностей. В отличие от английской стороны, которая, в лице Черчилля и Идена, еще в октябре 1944 г. на встрече в Москве заверила Сталина, «что все его подданные будут возвращены, независимо от их желания» (Там же. С. 143) и которая буквально через несколько недель после окончания войны провела первые акции по насильственной депатриации казачьих формирований в Каринтии (Австрия), — американцы по возможности оттягивали время, и лишь в декабре 1945 г. (то есть уже после смерти Рузвельта!) Государственным координационным военно-морским комитетом в Вашингтоне была принята так называемая «Директива МакНарни — Кларка», определившая категории лиц, подлежащих обязательной депатриации из американской зоны оккупации «независимо от желания и с применением силы, если это окажется необходимым». В число таких лиц входили: а) взятые в плен в немецкой форме; б) находившиеся в рядах Советской Армии на 22 июня 1941 г. и после этой даты и не демобилизованные впоследствии; в) обвиняемые советскими властями в добровольной помощи врагу при предоставлении убедительных доказательств с советской стороны. Упомянутая выше выдача в Дахау (см. примеч. 75) была первой акцией американской стороны после принятия данной директивы.

¹¹⁵ Эта книга зарегистрирована в каталоге издательства Пипера: *El. Schucht. Eine Frau fliegt nach Fernost.* 383 S. Text, 80

Bildtafen. Münch., 1942. См.: Piper Almanach 1904–1964.
R. Piper & Co Verlag. Münch., 1964.

¹¹⁶ См. примеч. 104.

¹¹⁷ Дочь Анны Петровны О. А. Фальц-Фейн родилась 25 декабря 1891 г. (см. примеч. 7). Следовательно, речь идет о лете 1906 г. Это соображение также косвенно подтверждает, что сын Анны Петровны А. А. Фальц-Фейн, которому в это время 12 лет, родился не в 1893-м, а в 1894 г. См. также примеч. 51 и 61.

¹¹⁸ Графиня де Полье — неустановленное лицо.

¹¹⁹ Анна Петровна пишет о несчастьях, которые постигают их семью на Рождество три года сряду. Возможно, за давностью лет ее память «спрессовала» время: 6 лет ее дочери Ольге исполнилось в 1897 г., а отец Анны Петровны и Екатерины Петровны умер в 1900 г. Таким образом, болезнь сына Шуры приходится на конец 1898 г. — не за год, а за два года до смерти его деда — генерала Цугаловского.

¹²⁰ Генерал П. Г. Цугаловский умер 12 декабря 1900 г. (см.: Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова // Записки Московского археологического института. М., 1911. Т. 11). Можно предположить, что в Вене лютеранская семья Фальц-Фейнов, естественно, отмечает Рождество по григорианскому календарю, и, таким образом, Анна Петровна называет дату смерти отца — 24 декабря по европейскому стилю. Это соображение позволяет снять возникшее противоречие.

¹²¹ Генри Норман Спэлдинг — английский ученый, специалист в области сравнительного изучения мировых цивилизаций. Его наиболее известный труд: Civilization in East and West. An introduction to the study of human progress. Oxford University Press. L., 1939 и The Divine Universe; or the Many and the one. A study of religions and religion [продолжение монографии 1939 г.]. Oxf., 1958. Кроме того Г. Н. Спэлдинг выпустил несколько поэтических сборников: From Youth to

Age. A book of lirica. Oxf., 1930; In Praise of Life. Oxf., 1952 и др. В архиве А. Ф. Достоевского, находящемся в ЦГАЛИ СПб, сохранилось одно коротенькое письмо к нему Г. Н. Спэлдинга (открытка) от 20 августа 1947 г. Приводим текст этой открытки целиком как свидетельство того, что к лету 1947 г. между Андреем Федоровичем и Спэлдингом уже установилась переписка:

«H. N. Spalding
9. South Parks Road

Oxford

20 августа 1947 г.

Как вы поживаете?

Давно не было от Вас известий. Ваша мать писала мне, спрашивая, не получал ли я писем от Вас.

С приветом.

[П.ш.:] Ленинград 8.9.47».

— ЦГАЛИ СПб. ф. 85. оп. 1, ед. хр. 66.

Кроме того здесь же сохранилась и копия письма А. Ф. Достоевского (по-русски и по-английски) к вдове Г. Н. Спэлдинга от 14.12.1958 г., которое расширяет наши представления о роли четы Спэлдинг в судьбе матери и сына Достоевских:

«Уважаемая г-жа Спэлдинг!

Разрешите еще раз сердечно благодарить Вас за Вашу доброту к моей матери и ее сестре при их жизни и после их смерти. Я никогда не забуду доброты Вашей лично и Вашего покойного супруга.

Я прошу также выразить мою благодарность тем, кто принял участие при последних днях и при похоронах моих родственников.

С искренним уважением и пр.

Ленинград

14.12.58

Андрей Федорович Достоевский».

— Там же, ед. хр. 105.

¹²² О причинах, по которым А. Ф. Достоевский в 1947 г. не вступил в переписку с матерью, так рассказывает С. В. Белов, приводя свой разговор на эту тему с внуком писателя: «Наконец в 1947 году Екатерина Петровна через Красный Крест и, в частности, через профессора-слависта из Оксфорда Спелдинга разыскала сына в Ленинграде, и Андрей Федорович получил первое письмо от профессора с просьбой вступить в переписку с матерью. Однако Андрей Федорович довольно сухо [?] ответил профессору, что переписываться с матерью он не будет. Когда я спросил Андрея Федоровича, почему он отказался переписываться с матерью, он сказал: “Мне, прошедшему все пять лет на фронте, было непонятно и *неприемлемо* (он сделал ударение на этом слове. — С. Б.) нахождение моей матери вне пределов России”». — Границы. 1994. № 174. С. 227.

¹²³ Элизабет Мэри Хилл — известная английская переводчица. Ее перу принадлежат переводы на английский язык романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1930), писем Ленина (1937), поэмы Пушкина «Медный всадник» (1961) и др. В фондах Музея Достоевского в Петербурге хранится книга: *The Letters of Dostoyevsky to his wife. Translated from the Russian by ELIZABETH HILL and DORIS MUDIE. With an Introduction by PRINCE D. S. MIRSKY*. London, Constable & Co LTD, [1930] — с дарственной надписью (по-русски): «Дорогой Екатерине Петровне на добрую память о прекрасной встрече и с наилучшими пожеланиями от переводчиц — Doris Mudie и Елизаветы Хилл. 1949. Париж» (ЛМФД, ОФ — 346). Выше уже отмечалось, что в 1947 г. в Регенсбурге Екатерина Петровна работала над книгой «Генеалогическое древо Достоевских», которую предлагала опубликовать в том числе и по-английски (см.: Границы. 1994. № 174. С. 230–231). Допустимо предположить, что знакомство с Элизабет Хилл — переводчицей писем Достоевского на английский язык — могло произойти именно в связи с планами подобного издания.

¹²⁴ А. Ф. Достоевский был мобилизован 7 июля 1941 г., прошел все Великую Отечественную войну, сражался на 6 фронтах, включая Забайкальский фронт в ходе Маньчжурской операции, и после капитуляции Японии продолжал служить в Забайкальско-Амурском военном округе. Демобилизовался 13 февраля 1946 г.

¹²⁵ С 1 сентября 1941 г. в составе Отдельного отряда Ленфронта под командованием капитана Плетнева (так это подразделение именовалось в официальных документах) А. Ф. Достоевский сражался в одной из самых горячих точек битвы за Ленинград — в районе Невской Дубровки (направление Мга — Синявино); 7 декабря 1941 г. в составе 115-й Стрелковой дивизии (в подчинение которой в начале октября вошел Отдельный отряд капитана Плетнева) он был переброшен на Волховский фронт. Здесь он воевал в составе 54-й армии Волховского фронта. 22 декабря 1942 г. А. Ф. Достоевский награжден медалью «За оборону Ленинграда» (вручена только в сентябре 1944 г.).

¹²⁶ В 1936 г. в Ленинграде А. Ф. Достоевский женился на Татьяне Владимировне Куршаковой (1909–1993). 29 августа 1937 г. у них родилась дочь Татьяна. В настоящее время Татьяна Андреевна Достоевская-Высокорец живет в Петербурге, пенсионерка. Отметим ошибку Анны Петровны: в 1947 г., когда сестры получили от Спэлдинга письмо Андрея с фотографией Татьяны, ей должно было быть лишь 10 лет; а осенью 1955 г., когда пишется настоящее письмо, Татьяне уже 18 лет.

¹²⁷ Т. В. Достоевская с дочерью эвакуировалась из Ленинграда летом 1941 г. и до 1944 г. проживала в Йошкар-Оле. В 1944 г. семья А. Ф. Достоевского возвратилась в Ленинград.

¹²⁸ Речь идет об адресе по ул. Союза Связи (до 1923-го и с 1993 г. Почтамтская), д. 5, кв. 6, где с 1924 г. проживал племянник Ф. М. Достоевского (сын его брата Андрея) — А. А. Достоевский. Приехав в 1930 г. на учебу в Ленинград, Андрей Федорович поселяется у двоюродного дяди и остается жить в его квартире после смерти Андрея Андреевича (1933). Еще во вре-

мя службы А. Ф. Достоевского в армии, в 1944 г., в эту квартиру возвращаются из эвакуации его жена с дочерью. Здесь в 1945 г. рождается его сын Дмитрий. Но в середине 1950-х гг. Андрей Федорович живет уже по другому адресу (на ул. Чайковского). Настоящее время в письме Анны Петровны от 9.09.1955 («Живет в Ленинграде, в прежней своей квартире»), видимо, объясняется тем, что она здесь пересказывает давнее письмо Андрея к Спэлдингу, написанное еще в 1947 г.

¹²⁹ О семействе Пиперов см. примеч. 3 и 97. Госпожа Пипер — вдова Рейнхарда и мать Клауса Пипера.

¹³⁰ Какие фотографии Ф. М. Достоевского находились в Ментоне у Екатерины Петровны, неизвестно. В архиве А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб в настоящее время хранятся 4 фотографии писателя, по крайней мере одна из которых — с автографом Ф. М. Достоевского на обороте: дарственной надписью младшему брату Андрею Михайловичу, — скорее всего, попала в собрание внука писателя после смерти двоюродного дяди, А. А. Достоевского, на квартире которого в Ленинграде Андрей Федорович жил с 1930 г. (см. примеч. 128). Три остальные фотографии писателя, возможно, присланы ему матерью из Ментона (ср. в письме Анны Петровны от 17.11.1957: «До сих пор он [Андрей] все всегда получал — письма, журналы, фотографии, бандероль»). Перечислим их в хронологической последовательности: 1) Достоевский в военной форме, сидит на стуле около накрытого скатертью столика. Переснимок XIX века с фотографии Н. Лейбина (?). 1858. Семипалатинск (№ 3105 по Указателю А. Г. Достоевской); 2) Достоевский сидит, руки сложены справа на подлокотнике кресла. На лицевой стороне паспорту вытеснено: «Photographie Central». Первая половина 1860-х гг. (в Указателе А. Г. Достоевской не зарегистрирована); 3) Достоевский, погрудный портрет, вправо. Фотография Н. Досса. 1876. Петербург (№ 3112 по Указателю А. Г. Достоевской). При жизни А. Ф. Достоевского в его архиве хранилась и еще одна фотография рабо-

ты Н. Досса, 1876, с дарственной надписью Достоевского жене Анне Григорьевне: «Моеей доброй Ане от меня. Ф. Достоевский. 14 июня /80 г.», но в настоящее время местонахождение этой фотографии неизвестно (впервые воспроизведена: Курортная газета (Ялта). 1963. 23 марта. № 58; перепечатана: Лит. наследство. М., 1973. Т. 83. С. 159). Достаточно вероятно, что эта фотография также была прислана Андрею Федоровичу матерью из Ментоны.

¹³¹ Андрей Федорович был большим знатоком Петербурга Достоевского. В частности, когда в Ленинград в 1966 г. приезжал Г. Белль с двумя своими сыновьями, именно А. Ф. Достоевский водил их по местам «Преступления и наказания». Р. Орлова, сопровождавшая Белля в этой поездке, записала 6 октября 1966 г. в своем дневнике: «Идем с Беллем и внуком Достоевского по маршруту Раскольникова, к дому процентщицы. Дома цвета Достоевского, цвета времени. <...> Когда мы идем по каналу, внук Достоевского просит считать шаги — как в романе, ровно семьсот тридцать... Для него каждая сцена романа ничем не отделима от реальности» (Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. М., 1990. С. 163).

¹³² Строго говоря, *танкистом* А. Ф. Достоевский не был. В начале войны он служил начальником мотоциклистной группы связи и разведки при штабе Отдельного отряда Ленинградского фронта, затем начальником боевого питания минометного дивизиона и помощником начальника оперативного отдела штаба 115-й стрелковой дивизии. С начала 1943 г. (после ранения) он служит в специализированных инженерных войсках, лишь *приданных танковым подразделениям*: до августа 1944 г. — старшим танковым техником 24-й бронетанковой ремонтной базы и затем старшим инженер-конструктором и начальником технического отдела 33-го подвижного танково-агрегаторемонтного завода Главного бронетанкового управления Красной Армии. Демобилизован со званием инженер-капитана запаса. См. также примеч. 124 – 125.

¹³³ В послевоенные годы близкий друг А. Ф. Достоевского, а в годы войны — начальника штаба 115-й стрелковой дивизии, в которой служил внук писателя, — И. С. Павлов так вспоминал об обстоятельствах их первой встречи весной 1942 г. на Волховском фронте, буквально в пятистах шагах от передовой, где Андрей Федорович был задержан часовыми как «неизвестный» (рассказ в записи А. Матюнина): «И вот перед подполковником стоит высокий человек в старой солдатской шинели, очень худой, на остроносом его лице отчетливо выделяются большие глаза, в руке суковатая палка, на которую он опирается. “Боец, почему вы здесь? Куда идете?” — строго спросил Павлов. — “В свой батальон, на передовую, товарищ командир”, — четко ответил задержанный. — “Почему с палкой?” — “Я был ранен в ногу, рана еще не зажила”. — “Как же вас отпустили на фронт?” — “Меня не отпустили, товарищ командир, я сам ушел...” — “Воевать должны здоровые люди. Больным и раненым надо лечиться...” — “Товарищ командир, простите, не знаю вашего звания, разрешите мне вернуться в свою часть, — взволнованным, но твердым голосом, выделяя каждое слово, заговорил задержанный. — У меня же здоровые руки, я могу держать оружие». — Лужская правда. 1976. 2 апреля.

¹³⁴ Приводимые здесь биографические сведения об А. Ф. Достоевском не вполне точны. После демобилизации из армии с апреля 1946-го по август 1947 г. (всего год с небольшим) он, действительно, работал старшим инженером-конструктором в системе Ленгипростроя (проектный институт). Но уже с 1 сентября 1947 г. Андрей Федорович переходит на преподавательскую работу в Ленинградский энергетический техникум, а с 1948-го и по 1958 г. (когда вышел на пенсию по болезни) преподает в Ленинградском радиотехническом техникуме. По свидетельству С. В. Белова, «в 1954 г. прямо на лекции в машиностроительном техникуме [онишка: надо — радиотехническом. — Б. Т.], где он тогда преподавал, его разбил паралич: оказались полученные на фронте многочисленные ранения. Студенты любили Андрея Федоровича, и некоторые из них

постоянно дежурили в больнице. Собственно, студенты и подняли Андрея Федоровича на ноги» (*Белов С. В. Вокруг Достоевского // Новый мир. 1985. № 1. С. 195*).

¹³⁵ А. Ф. Достоевский был заядлым охотником и нежно относился к своим четвероногим друзьям. В частности, в письме к канадскому слависту Н. В. Первушину (одному из основателей Международного общества Достоевского) он так рассказывает о своих заботах, связанных с болезнью его любимой собаки: «Есть и еще очень нелегкое [дело] — надо оперировать заднюю левую у моей старушки-спаниэля. Несмотря на большую охоту, у нее еще свежий «дух» и молодое сердце, а нога-то совсем сбраковалась. Надо помочь, но что-то эскулапы собачьи трудно берутся за дело (рентген очень плохо помогает им)» (*Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 98. С. 274*). В журнале «*Нева*» (1962. № 3. С. 219) воспроизведена фотография: Андрей Федорович на охоте со своей «старушкой-спаниэлем» Женевой.

¹³⁶ Гостинница «Александра», расположенная на берегу моря, хорошо видна на фотографии, опубликованной в настоящем издании, где сестры сфотографированы с неизвестной дамой недалеко от *Maison Russe*.

¹³⁷ Анна Петровна имеет здесь в виду неудачно сложившуюся свою и сестры семейную жизнь. Она сама в конце 1909 г. разошлась с А. Э. Фальц-Фейном, и с 30 июня 1910 г. он состоял в повторном браке с В. И. Епанчиной (см. примеч. 47). Екатерина Петровна формально не была в разводе с Ф. Ф. Достоевским, но фактически разорвала с ним отношения, о чем в 1950 г. писала так: «В 1903 г. Федор Федорович развелся со своею первою женою [М. Н. Токаревой], и я в том же году стала его второю женою. Но с годами чрезвычайно тяжелый, неуравновешенный характер Федора Федоровича, порою переходящий всякие границы, когда он в порыве ни на чем не основанной ревности схватывал револьвер, чтобы меня застрелить, а также и его безудержная страсть к

азарту — во всех видах — заставили меня решиться разойтись с ним. Неспокойная жизнь в Петербурге после революции, недостаток съестных припасов были достаточным поводом, чтобы мне с детьми уехать из Петербурга и, таким образом, разойтись с Федором Федоровичем (скрывая это от детей, чтобы не отнять у них отца)» («Возрождение (Париж). 1950. Март-Апрель. С. 190). К этому надо добавить, что с 15 мая 1916 г. Ф. Ф. Достоевский состоял в гражданском браке с Леокадией Михаэлис и проживал у нее в Москве, по адресу Б. Сухаревка, д. 7, кв. 7 (где позднее и умер). Но Екатерина Петровна не признавала этого брака: «Развода никакого не было, поэтому и третьего брака быть не могло с Л. Михаэлис» (Там же. Подч. *E. P.*).

¹³⁸ Шоколадный магазин (и фабрика) фирмы «Крафт» находился в Петербурге на углу Садовой и Большой Итальянской улиц. До 1910 г. его владелицей была французская подданная А. П. Крафт, позднее, вплоть до революции, — Ю. М. Фоман.

¹³⁹ Неустановленное лицо.

¹⁴⁰ Имеется в виду поездка Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Индию и страны Индокитая.

¹⁴¹ Ср. это письмо с близким к нему по времени письмом Анны Петровны к своей двоюродной племяннице Ольге Дмитриевне Дистерло, в котором варьируются те же темы, иногда вплоть до повтора формулировок. См.: Мера. 1995. № 4. С. 241–243.

¹⁴² Как кажется, впервые в советской прессе тема грядущего юбилея писателя прозвучала в заметке И. Базаровой «В музей-квартире Ф. М. Достоевского» (Лит. газета. 1955. 8 сентября. № 107), где сообщалось: «В связи с исполняющимся в феврале 1956 года 75-летием со дня смерти Ф. М. Достоевского исполнком Моссовета принял постановление о расширении Музея-квартиры. Освобождаются помещения, принадлежавшие ранее семье писателя. После капитального ремонта в музее решено

создать новую экспозицию». Здесь же было объявлено, что улица «Новая Божедомка, на которой находится музей, переименована в улицу Достоевского». Знаменательно, что эпитет «великий» пока еще не употребляется: говорится о «выдающемся русском писателе». Формальным событием, положившим начало широкомасштабной подготовке к юбилею, явилось объявление Всемирным Советом Мира 1956 года «годом Достоевского». Но и это событие первоначально выглядело достаточно скромно. По нашим сведениям, только в одной советской газете (*Известия*. 1955. 15 октября. № 245) было напечатано информационное сообщение «Закрытие сессии Бюро Всемирного Совета Мира», где в последнем абзаце отмечалось: «Вена. 14 октября (ТАСС) <...> После окончания выступлений участники сессии по предложению А. Варела (Аргентина) приняли решение о чествовании в 1956 году памяти великих представителей мировой науки, литературы и искусства Ван-Рейна Рембрандта (Голландия), Вениамина Франклина (США), Вольфганга Моцарта (Австрия), Генриха Гейне (Германия), Бернарда Шоу (Ирландия), Пьера Кюри (Франция), Генрика Ибсена (Норвегия), Калидаса (Индия), Тойо Ода (Сессю) (Япония) и Ф. М. Достоевского (СССР)». Парадоксально, что эту информацию не перепечатали и даже никак на нее не откликнулась «Литературная газета». Возможно, это явилось выражением столкновения различных позиций, какой-то скрытой, подспудной борьбы, развернувшейся в высших эшелонах власти вокруг вопроса о юбилее писателя. Отметим, что день памяти Достоевского, 9 февраля, выпал буквально на самый канун открытия XX съезда. Это обстоятельство придавало дополнительную остроту вопросу о характере и размахе юбилейных мероприятий. Картина этой закулисной борьбы *pro* и *contra* Достоевского еще не вполне ясна. Считаем необходимым указать на одного из инициаторов «воскрешения» писателя — К. А. Федина, который еще в 1954 г. обратился с письмом в Совет Министров, где, в частности, настаивал, что «Советскому Комитету сторонников мира следует взять на себя инициативу и внести во Всемирный Совет Мира предложение отметить в 1956 году 75-летие со дня смерти

ти Ф. М. Достоевского во всем мире» (Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7. С. 213).

¹⁴³ 20 октября 1955 г. в «Литературной газете» (№ 125) лаконично сообщалось: «В Союзе писателей СССР. Вчера под председательством В. Ажаева состоялось очередное заседание секретариата правления Союза писателей СССР. <...> Секретариат создал комиссию по проведению 75-летия со дня смерти Ф. М. Достоевского, которое исполняется в феврале будущего года. На комиссию возложены разработка и проведение мероприятий, связанных с этой памятной датой. Председателем комиссии утвержден А. А. Сурков». Отметим, что А. Сурков в это время является первым секретарем Союза писателей и членом ЦРК КПСС. Позднее, в декабре 1955 г., свою комиссию по проведению юбилея создало и Ленинградское отделение Союза писателей СССР. Возглавил ее Н. Н. Никитин. См.: Лит. газета. 1955. 20 декабря. № 151.

¹⁴⁴ Первоначальный план собрания сочинений был составлен в Ленинграде В. А. Десницким, А. С. Долининым и Г. М. Фридлендером и включал в себя не 10, а 12 томов (в 11-й том должны были войти избранные главы «Дневника писателя», в 12-й – письма). Об этих планах Андрей Федорович, бесспорно, знал. Но в московских инстанциях, под давлением В. В. Ермилова, издание было урезано до 10 томов и Г. М. Фридлендер не утвержден в составе редколлегии (см.: Достоевский и мировая культура. М., 1995. № 4. С. 10). В итоге собрание сочинений Ф. М. Достоевского было выпущено Гослитиздатом в 1956 – 1958 гг. в 10-ти томах. В редколлегию издания вошли Л. П. Гроссман, А. С. Долинин, В. В. Ермилов, В. Я. Кирпотин, В. С. Нечаева и Б. С. Рюриков. Информационное сообщение о выходе в свет первого тома собрания было приурочено к юбилейной дате и опубликовано в «Литературной газете» от 9 февраля 1956 г. (№ 17) в подборке материалов «К 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского». Здесь же была дана обобщенная характеристика структуры издания в целом, а также перечислены произведения, включенные в 1-й том. В заключе-

ние сообщалось, что «подписка на собрание сочинений Ф. М. Достоевского будет объявлена в феврале [1956 г.]». В этой связи вызывают удивление слова Анны Петровны в сентябрьском (1955 г.) письме о том, что «в книжных магазинах огромная очередь желающих подписаться». Впрочем, вполне могла иметь место предварительная запись.

¹⁴⁵ Эта информация не вполне точна. Роман «Братья Карамазовы» в 1955 г. не публиковался и впервые в послевоенные годы был издан только в 1958 г. (предыдущее издание — М., 1935). Кроме перечисленных в письме произведений Гослитиздат выпустил в канун юбилейного года также романы: «Идиот», «Униженные и оскорблённые», «Неточка Незванова» и «Село Степанчиково и его обитатели». Совокупный тираж гослитиздатовских изданий Достоевского составил в 1955 г. 1 миллион 700 тысяч экземпляров. Только одна «Неточка Незванова» вышла тиражом в 500 тысяч экземпляров. Кроме того, произведения Достоевского выпустили в 1955 г. Детгиз («Бедные люди») и Смоленское книжное издательство («Дядюшкин сон»).

¹⁴⁶ По существу, речь здесь должна идти не об одном, а о двух совершенно разных музеях Достоевского, — хотя, в определенном отношении, и связанных преемственной связью. В 1901 г. вдова писателя А. Г. Достоевская создает в Императорском Российском Историческом музее в Москве, в комнате одной из его башен, специальный отдел, названный ею «Музей памяти Ф. М. Достоевского». Позднее она так рассказывала журналисту К. Я. Эттингеру о возникновении самой идеи создания этого первого в России писательского музея: «Еще при жизни покойного мужа я начала собирать все его рукописи, все газеты, где помещались его статьи или статьи о нем. Вначале я собирала это исключительно для моих детей; мне хотелось, чтобы они имели все то, что связано с памятью об их отце. Затем, когда мое собрание разрослось и содержало уже свыше 1000 различных предметов, мне пришлось встретиться однажды с секретарем Московского Исторического музея Сизовым:

он просил меня дать портрет Федора Михайловича для галереи Исторического музея. Тогда мне пришла мысль передать свои коллекции музею с тем, чтобы он предоставил для них отдельное помещение. Дирекция музея отвела мне одну из башен здания, где я и поместила свои собрания. Таким образом было положено основание «Музею памяти Федора Михайловича Достоевского» при Историческом музее в Москве. С тех пор я начала относиться к своей задаче более серьезно. Мне хотелось, чтобы этот музей являлся не только собранием реликвий, но и пособием для всех, кто желал получить то или иное сведение о Достоевском. Для этого нужно было составить каталог. Это явилось для меня весьма трудной задачей, т. к. мой каталог должен был быть не простым перечнем предметов, а вообще справочной книгой о Ф. М. Достоевском» (Биржевые ведомости. 1906. 30 января). Каталог, о котором здесь говорит Анна Григорьевна, вышел в свет в том же году и назывался: Музей памяти Феодора Михайловича Достоевского в Императорском Российском Историческом музее имени императора Александра III. 1846 – 1903 / Составила А. Достоевская. — С портретами и видами. СПб., 1906. Он состоял из XX разделов и включал в себя описание рукописей, книг, фотографий, мемориальных предметов и т. п. — общим количеством в 4232 единицы. Но А. Г. Достоевская продолжала пополнять коллекции музея вплоть до 1917 г. И указание Анны Петровны на «5 тысячи экспонатов» представляется вполне правдоподобным (тем более что Екатерина Петровна, как уже отмечалось, помогала свекрови в ее собирательской работе и должна была быть полностью в курсе дела). Однако собранные и размещенные Анной Григорьевной в Историческом музее бесценные реликвии «не были рассчитаны на публичное обозрение и не представляли никакой музейной экспозиции. Хранитель М. А. Петровский выдавал специалистам научно необходимые материалы и справки для их работы, но о более широком ознакомлении с этим собранием речи быть не могло из-за условий хранения и организации помещения» (Нечаева В. С. Из воспоминаний об ис-

тории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 278). То есть это еще не был музей в собственном смысле. В таком виде собранная А. Г. Достоевской коллекция просуществовала до 1929 г., когда «Отдел Достоевского» при Историческом музее был закрыт и его материалы переданы частью в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина, частью — в открытый в 1928 г. Музей-квартиру Ф. М. Достоевского на Новой Божедомке, в помещении одного из флигелей Мариинской больницы, где прошло детство писателя. Этот второй московский музей Достоевского создавался на протяжении 1920-х гг. группой энтузиастов во главе с его первым директором В. С. Нечаевой, и его коллекции формировались первоначально независимо от собрания А. Г. Достоевской. На момент открытия основу экспозиции музея в Мариинской больнице главным образом составляли материалы, полученные В. С. Нечаевой от потомков братьев и сестер Достоевского — Екатерины Михайловны Достоевской (Манассеиной) и Андрея Андреевича Достоевского (см. о нем примеч. 13 и 128), проживавших в Ленинграде, и Марии Александровны Ивановой, жившей в бывшем имении родителей писателя — селе Даровом. Как уже отмечалось, часть коллекции, собранной А. Г. Достоевской, влилась в фонды музея на Новой Божедомке лишь в 1929 г. На протяжении более четверти века музейная экспозиция в Мариинской больнице размещалась в 3-х комнатах бывшей казенной квартиры штаб-лекаря М. А. Достоевского — в прихожей, детской и в рабочей зале, — общей площадью всего 40 кв. м. Остальные комнаты были заселены рядовыми жильцами. В 1955 г., в связи с подготовкой к грядущему юбилею и во многом благодаря ходатайству писателя К. А. Федина в Совет Министров, музей, по решению исполкома Моссовета, получил все помещения бывшей квартиры Достоевских, и его экспозиционная площадь увеличилась более чем в 4 раза, достигнув 180 кв. м. Открытие новой экспозиции состоялось 10 февраля 1956 г.

¹⁴⁷ См. выдержку об этом из «Литературной газеты» от 8 сентября 1955 г. в примеч. 142.

¹⁴⁸ Меркуров Сергей Дмитриевич (1881–1952) — скульптор-монументалист. Изучал философию в Цюрихском университете, учился на скульптурном отделении Мюнхенской академии художеств (1902 – 1905), до 1909 г. работал в Париже. Памятник Достоевскому создавался Меркуровым в 1911 – 1913 гг. как одна из фигур задуманного им триптиха: Л. И. Толстой — Ф. М. Достоевский — Мысль. До 1918 г. скульптурная группа находилась в мастерской художника на Цветном бульваре. В 1918 г., когда по представлению Отдела изобразительных искусств Наркомата просвещения Совнаркомом (за подписью В. И. Ленина) было принято Постановление об установке памятников выдающимся деятелям русской культуры, монумент приобретен у Меркурова советским правительством и 11 ноября 1918 г., в день рождения писателя, установлен в Москве на Цветном бульваре (рядом с мастерской скульптора). На открытии памятника с речами выступили поэт и философ Вячеслав Иванов и представитель Моссовета, член ЦК РКП(б) видный большевик Михаил Владимировский. В 1936 г. монумент перенесли с Цветного бульвара на Новую Божедомку, в сквер перед Мариинской больницей, между двумя ее флигелями, в одном из которых писатель родился, а в другом провел детские годы и где в 1928 г. был открыт Музей Ф. М. Достоевского (см. примеч. 146). В 1955 г. в процессе подготовки к юбилею писателя был обновлен цоколь меркуровского монумента. В связи с характеристикой в письме С. Д. Меркурова как «великого скульптора» (можно предположить, что эта оценка Анны Петровны совпадала и с оценкой Екатерины Петровны) небезынтересно привести свидетельство об отношении к монументу сына писателя Федора Федоровича, который «ненавидел памятник Достоевскому работы скульптора Меркурова, открытый в 1918 г. на Цветном бульваре, и неоднократно говорил, с каким бы он наслаждением взор-

вал динамитом изуродованную, по его мнению, фигуру его отца» (*Волоцкой М. С. 141*).

¹⁴⁹ Юбилейный год обусловил появление сразу нескольких новых инсценировок «Идиота». В Москве роман Достоевского для сцены обрабатывал Ю. К. Олеша. Еще задолго до премьеры спектакля в Академическом театре имени Е. Вахтангова (которая состоится весной 1957 г.) он писал о своей работе на страницах альманаха «Литературная Москва»: «Я никогда не думал, что так вплотную буду заниматься Достоевским (пишу инсценировку «Идиота»). Все же не могу ответить себе о моем отношении к нему — люблю, не люблю? <...> Между прочим, работая сейчас над репликами для той или иной сцены моей переделки, я иногда ухожу, если можно так выразиться, по строчке в сторону от того, как предложено Достоевским. Ухожу довольно далеко (мне в таких случаях кажется, что я добиваюсь большей театральной выразительности) и каждый раз, как бы ни думал, что ушел правильно, все же возвращаюсь обратно к покинутой строчке Достоевского. Он всегда оказывается более правым!» (Литературная Москва. Сборник второй. М., 1956. С. 744; 746, позднее это признание будет повторено в книге «Ни дня без строчки»). В это же время в Ленинграде «для себя» «Идиота» инсценирует Г. А. Товстоногов. Постановка его спектакля на сцене БДТ им. М. Горького (премьера состоится лишь в январе 1958 года) с И. М. Смоктуновским в роли князя Мышкина означает начало новой эпохи в истории советского театра. Кроме названных обработок романа для столичных театров в 1956 г. была осуществлена и еще одна инсценировка, которая преимущественно ставилась на провинциальной сцене. Автором ее был театроред и литературный критик еще с дореволюционным стажем Д. Л. Тальников (Шипитальников). Первая постановка этой версии состоялась в конце 1956 г. в Русском драматическом театре им. А. С. Пушкина в Ашхабаде. Для полноты картины можно также отметить, что в Псковском драматическом театре им. А. С. Пушкина в том же 1956-м, юбилейном году шел «Идиот» в старой, еще дорево-

люционной инсценировке В. Крылова и С. Сутутина. «Игрок» также инсценировался одновременно несколькими авторами для разных театров. Так, для Московского драматического театра им. А. С. Пушкина роман обрабатывал Ю. П. Герман. В Ленинграде свою инсценировку создавали режиссеры Академического театра драмы им. А. С. Пушкина Л. С. Вивьен и А. Н. Даусон в содружестве с театральным художником А. Ф. Босулаевым. В Воронежском государственном драматическом театре им. А. Кольцова спектакль шел в инсценировке Н. И. Данилова. В отличие от «Идиота» премьеры этих трех постановок «Игрока» увидели свет в юбилейном — 1956-м г. Премьера «Дядюшкого сна» состоялась 1 января 1956 г. на сцене Ленинградского государственного академического театра комедии (режиссер В. И. Васильев). Эта постановка в буквальном смысле слова открыла «год Достоевского». Но создатели спектакля (как и коллектив Киевского академического театра драмы им. И. Франко, также поставивший «Дядюшкого сна» в юбилейном году) обратились к старой инсценировке этой повести Достоевского (авторы Н. М. Горчаков, П. А. Марков, К. И. Котлубай), которая была еще в 1929 г. поставлена в МХТ В. И. Немировичем-Данченко. Так что упоминание в письме о новой инсценировке «Дядюшкого сна» в середине 1950-х гг. является ошибочным. Даже гораздо позднее, когда спектакль ставился в инсценировке М. О. Кнебель (в 1972 г. в Московском академическом театре им. В. Маяковского), — в основе его оставалась мхатовская — лишь несколько переработанная версия. Из неназванных в письме Анны Петровны произведений Достоевского, которые также инсценировались в юбилейном году, необходимо назвать в первую очередь «Униженные и оскорбленные». Спектакль по этому «петербургскому» роману, поставленный весной 1956 г. на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола Г. А. Товстоноговым и И. С. Ольшвангером, стал, наверное, самым ярким театральным событием «года Достоевского»: Инсценировали «Униженных и оскорбленных» Л. Н. Рахманов и З. Л. Юдович. Для полноты картины можно также упомянуть

и телевизионный спектакль «Белые ночи», который все в том же юбилейном году поставил на Ленинградской студии в собственной инсценировке режиссер И. Ф. Ермаков. В письме от 4 января 1956 г. к О. Д. Дистерло, касаясь этих же вопросов и повторяя: «Перерабатываются для сцены “Идиот” как драма, “Дядюшкин сон” и “Игрок” в сатирическом духе», — Анна Петровна еще прибавляет: «В день юбилея в Художественном театре пойдут “Братья Карамазовы”. <...> Андрей пишет, если здоровье позволит, конечно, поедет [в Москву], так как очень хочет видеть “Братьев Карамазовых» на сцене» (Мера. 1995. № 4. С. 242). В газетах, действительно, сообщалось, что к юбилейным дням МХАТ готовит постановку «Братьев Карамазовых» в инсценировке Б. Ливанова и Е. Суркова (см., например: Сов. культура. 1955. 8 декабря), но впервые этот спектакль был показан в МХАТе только в 1960 г. Впрочем, известно, что сцена из «Братьев Карамазовых» была показана в день юбилея на торжественном собрании в Колонном зале Дома союзов в Москве (см.: Лит. газета. 1956. № 18. 11 февраля). Вполне вероятно, что ее исполняли актеры МХАТа (в Библиографическом указателе С. В. Белова «Достоевский и театр: 1846–1977» [Л., 1980] эта постановка не зарегистрирована). «В апреле 1957 г. в Ленинграде состоялась конференция, посвященная творческим итогам работы театров над произведениями Достоевского. На конференции отмечалось, что среди пятидесяти [так] спектаклей по Достоевскому, показанных только в Российской Федерации за истекшие полтора-два года, первое место принадлежит “Униженным и оскорбленным” (18 постановок), второе — “Преступлению и наказанию” (15 постановок). За ними следуют “Идиот” (5 постановок), “Дядюшкин сон” (5 постановок), “Игрок” (3 постановки) и т. п.» — Рабинянц Н. А. Проблемы русской классики на современной сцене: (Спектакли по Достоевскому 1950–1970-х гг.). Л., 1977. С. 13.

¹⁵⁰ В 1955 г. зав. Отделом охраны памятников Управления культуры Исполкома Ленгорсовета Б. Н. Калинин обратился с просьбой в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР составить

подробную справку о петербургских адресах Достоевского. Такая справка была оперативно составлена Г. М. Фридлендером. На основе этого документа и было выработано предложение установить в Ленинграде две мемориальные доски к юбилею писателя. Однако в процессе утверждения этого проекта было принято решение ограничиться только одной доской на доме 5 / 2 по Кузнециальному переулку. Доска из серого гранита была изготовлена по проекту архитектора М. Ф. Егорова. Текст ее гласит: «В этом доме в 1846 г. и с 1878 г. по день смерти 9 февраля 1881 г. жил Федор Михайлович Достоевский». Здесь им был написан роман “Братья Карамазовы”». Бронзовый барельеф в медальоне выполнил скульптор Н. А. Соколов. Стоит отметить, что первая мемориальная доска на этом доме была установлена по решению Городской управы (по инициативе Л. Н. Павленкова; см. его Письмо в редакцию // Новое время. 1909. 5 апр. С. 5) еще в 1909 г. Текст ее гласил: «В этом доме жил и скончался в 1881 г. Федор Михайлович Достоевский». Эта мемориальная доска, расположенная на уровне 3-го этажа между окнами бывшей квартиры писателя, отчетливо видна на фотографии дома по Кузнеценному пер., сделанной в 1929 г. (см. вклейку между стр. 332 / 333 в кн.: Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в данных и документах. М.; Л., 1935). В 1956 г., во время установки новой мемориальной доски, старая доска была демонтирована.

¹⁵¹ Ф. М. Достоевский был похоронен 1 февраля 1881 г. на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. На могиле Достоевского, расположенной вблизи могил Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского, в 1883 г. установлен памятник по проекту архитектора Х. К. Васильева и скульптора Н. А. Лаврецкого: бронзовый портретный бюст на фоне серой гранитной стеллы. На цоколе выбиты слова из Евангелия от Иоанна: «Аминь, аминь, глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает, аще же умрет, мног плод сотворит» (12: 24). В 1930-е гг. кладбище было преобра-

зовано в Некрополь мастеров искусств (открыт в августе 1937 г.). 9 июня 1968 г., выполняя предсмертную волю покойной, А. Ф. Достоевский перенес прах Анны Григорьевны Достоевской, жены писателя, из Ялты, где она умерла 9/22 июня 1918 г. и была похоронена в ноябре 1918 г. на местном Аутском кладбище, в Александро-Невскую лавру. Приуроченная к 50-летию со дня ее смерти, торжественная церемония перезахоронения праха А. Г. Достоевской собрала на Тихвинском кладбище огромное количество людей. «У памятника Федору Михайловичу Достоевскому был установлен в черной бархатной раме большой портрет Анны Григорьевны в последние годы ее жизни. Здесь же находилась выточенная из уральского мрамора урна с прахом, доставленная после кремации из Москвы на самолете <...>. Справа от памятника была подготовлена в земле бетонированная ниша. <...> Под звуки траурного марша, транслировавшегося от магнитофона, Андрей Достоевский, став на колени, положил на дно ниши белые нарциссы и установил на них урну с прахом Анны Григорьевны. После этого нишу замуровали и присыпали землей, а сверху установили бронзовую дощечку с именем, отчеством и фамилией похороненной, датами ее рождения и смерти» (Русская мысль (Париж). 1969. 23 января. № 2722. С. 7). Через три с небольшим месяца после этого события, 18 сентября 1968 г., ушел из жизни и сам Андрей Федорович. И он также похоронен на Тихвинском кладбище — вместе с бабушкой и дедом: с правой стороны надгробия Ф. М. Достоевского теперь на цокольной части выбиты две новые надписи: «Анна Григорьевна Достоевская. 1846—1918»; «Андрей Федорович Достоевский. 1908—1968».

¹⁵² См. примеч. 157.

¹⁵³ О работе Анны Петровны в Центральной библиотеке в Симферополе сведениями мы не располагаем. В письме от 12 января 1958 г. она сама пишет: «Когда я все потеряла, я окончила курсы библиотекарей и получила свидетельство, что я научный библиограф. В качестве такового я 10 лет работала на

плодово-овощной опытной станции и последние 12 лет в Институте защиты растений». То же Анна Петровна пишет и в письме от 19 ноября 1951 г. Поэтому затруднительно сказать, о каком времени здесь идет речь. Гонения на Достоевского начались в СССР в середине 1930-х гг.: в 1935 г. было остановлено уже начатое издательством «Academia» иллюстрированное издание романа «Бесы» (с вступительной статьей Л. П. Гроссмана и рисунками Сарры Шор): вышел только 1-й том с половиной романа, не помогло и вмешательство М. Горького. На два десятилетия был задержан выход в свет уже полностью подготовленного А. С. Долининым во второй половине 1930-х гг. IY тома писем Достоевского (вышел только в 1959 г.) и т. п. Однако до 1939 г. Достоевский был «школьным» автором: в учебнике литературы для IX класса средней школы глава, посвященная его творчеству, занимала 20 страниц, предполагалось знакомство учащихся с романами «Бедные люди» и «Преступление и наказание», «Записками из Мертвого дома». И лишь в новом школьном учебнике 1940 г. все творчество Достоевского было вытеснено в краткий обзор объемом в 2 с половиной странички. Полностью же Достоевский был запрещен уже в послевоенные годы (см. примеч. 9).

¹⁵⁴ В настоящем издании мы публикуем три из четырех фотографий Анны Петровны и Екатерины Петровны, сделанных А. Чезана 15 ноября 1955 г. во время его пребывания в Ментоне (см. открытку из отеля «Орленок», датированную этим числом). Одновременно отметим, что в архиве А. Ф. Достоевского, хранящемся в ЦГАЛИ СПб, среди фотографий матери и тетки, присланных из Ментона, названные фотографии отсутствуют. Одна из трех фотографий (сестры вместе) с неверной датировкой («Ментона. 1956») напечатана в журнале «Мера» (1995. № 4. С. 240) при публикации письма А. П. Фальц-Фейн к ее двоюродной племяннице О. Д. Дистерло (урожд. Нестржецкой). В основе нашей публикации — материалы фонда фотографий Музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (дар барона Э. А. Фальц-Фейна). Дата — 15.11.1955 — проставле-

на на обороте фотографий. Выражаем сожаление, что по независящим от нас причинам мы не имели возможности воспроизвести в настоящем издании интереснейшие фотографии сестер, присланные из Ментона и хранящиеся ныне в фонде А.Ф.Достоевского в ЦГАЛИ СПб.

¹⁵⁵ См. примеч. 49.

¹⁵⁶ По-видимому, меется в виду начальница приюта сестер «Синего креста». См. примеч. 29.

¹⁵⁷ В «Литературной газете» от 11 февраля 1956 г. (№ 18) сообщалось: «В Колонном зале Дома союзов, в том самом зале, где не раз выступал Ф. М. Достоевский, 9 февраля состоялся торжественный вечер, посвященный 75-летию со дня смерти великого русского писателя. На вечер собрались многочисленные представители общественности, зарубежной литературы, главы и сотрудники иностранных посольств и миссий, журналисты. Открывая вечер, А. Сурков подчеркнул, что советскому народу Достоевский дорог своей трепетной и великой любовью к простому человеку, своим гневным протестом против его унижения и оскорблений. <...> В своем докладе В. Ермилов [один из главных гонителей Достоевского в прежние годы] охарактеризовал творчество Достоевского, величие и трагедию [...] его огромного таланта. <...> В заключение вечера состоялся концерт, в котором были прочитаны отрывки из романов “Униженные и оскорбленные” и “Преступление и наказание”, показана сцена из инсценировки “Братьев Карамазовых”, исполнены произведения любимых композиторов писателя». Характерно, что, хотя Андрей Федорович находился в президиуме торжественного заседания, ни одна газета ни словом не упомянула о «внучке писателя». Одновременно торжественный вечер состоялся и в Ленинграде. Председательствовал на нем И. Никитин. С докладом о творчестве Достоевского выступил Л. Плоткин. На могиле писателя в Некрополе мастеров искусств Александро-Невской лавры состоялась гражданская панихида. Вечера памяти До-

стоевского также проходили в Киеве, Минске, Баку и других городах (см. там же).

¹⁵⁸ См. начало писем от 11 янв. и 18 февр. 1957 г.

¹⁵⁹ Часть документов, полученных из Ментона, хранится в фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб; некоторые из них использовались нами в примечаниях настоящего издания. О фотографиях Достоевского см. примеч. 130. О портрете семьи Полянских, написанном сестрой бабушки Анны Петровны и Екатерины Петровны Варварой Федоровной Черновой см. письмо А. П. Фальц-Фейн к Г. В. Коган от 1 февраля 1958 г. и примеч. к нему (Приложение 1); также см. примеч. 2–3 к Приложению 2.

¹⁶⁰ См. письмо (открытку) В. А. Прянишниковой к А. Чезана от 4 июня 1958 г., завершающее публикацию писем к нему А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевской.

¹⁶¹ Свидетельство, что до нас дошла далеко не вся переписка сестер с А. Чезана. См. предшествующее письмо, датированное 26 мая 1957 г.

¹⁶² Анна Петровна пишет «*meine Schwägerin*» (невестка, золовка, своячница), в конце этого письма она называет «*meine Schwagerin*» по имени — Мария Фальц-Фейн. Скорее всего, имеется в виду вторая жена брата мужа Анны Петровны Николая Эдуардовича Фальц-Фейна, Мария Бальхорн из Брауншвейга, на которой тот женился после смерти в 1901 г. своей первой жены Гизелы Фрич (этот комментарий подсказан мне В. Н. Рыхляковым, за что я ему очень признателен). Но, возможно, в первом случае, не точно употребляя термин родства в немецком языке, Анна Петровна имеет в виду свою двоюродную племянницу О. Д. Дистерло, а также во фразе: «Они втроем перенесли тяжелый азиатский грипп» — ее мужа Юрия и dochь Елену. Основанием для такого предположения является традиционное в письмах к О. Д. Дистерло наименование ее семьи «дорогим *Trechlischtником*» (Мера. 1995. № 4. С. 240).

¹⁶³ Выразительным дополнением к этому скорбному письму может служить письмо А. Ф. Достоевского от 25 октября 1957 г. к Г. В. Коган; см. примеч. 3 к Приложению 1.

¹⁶⁴ См. в примеч. 7 к Приложению 1 фрагмент из письма А. Ф. Достоевского к Г. В. Коган от 25 октября 1957 г.

¹⁶⁵ См. примеч. 159.

¹⁶⁶ См. также письмо Анны Петровны к Г. В. Коган от 1 февраля 1958 г., публикуемое в Приложении 1.

¹⁶⁷ Поскольку не только о какой-либо книге о Достоевском, написанной А. Ф. Достоевским в конце 1950-х гг. в соавторстве с кем-либо или единолично, но и о планах такой книги нам ничего не известно, точный перевод названия на русский язык представляется затруднительным: Достоевский сборник? Достоевское собрание? Достоевский музей? Может быть, имеется в виду какой-то ранний вариант инициированного и в значительной степени составленного А. Ф. Достоевским в 1960-е гг. альбома «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», вышедшего в свет с очень большой задержкой уже много спустя после смерти Андрея Федоровича (Составители: А. Ф. Достоевский, Г. Ф. Коган, В. С. Нечаева, Е. И. Прохоров, Л. М. Розенблюм, В. И. Этov / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1972). Подготовительные материалы к этому альбому, датируемые первой половиной 1960-х гг., хранятся в архиве А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб.

¹⁶⁸ Книги об А. Г. Достоевской Андрей Федорович написать не успел, но неоднократно выступал в печати с посвященными ей статьями. Перечислим важнейшие из них: 1) Анна Достоевская // Женщины мира. 1963. № 10; 2) Друг и соратник писателя. Страницы биографии Ф. М. Достоевского // Курортная газета (Ялта). 1963. 23 марта (в соавторстве с С.В.Беловым); 3) «Солнце моей жизни» (О жене Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской) // Нева. 1963. № 12 (в соавторстве с С.В. Беловым); 4) «Мудрость любящего сердца» // Лит. газета. 1967. 14 июня; 5) А. Г. Достоевская // Звезда. 1969. № 1. Кроме того, см.: У нас в гостях // Лит. газета. 1963. 26 декабря (Информация о выступлении А. Ф. Достоевского в связи с 45-летием со дня смерти А. Г. Достоевской).

¹⁶⁹ Особый характер отношений А. Г. Достоевской к своему младшему внуку был дополнительно обусловлен следующим обстоятельством, которое Анна Григорьевна была склонна воспринимать едва ли не мистически. Свидетельство об этом сохранилось в очерке «Памяти Ф. М. Достоевского» писательницы А. Г. Шиле, которая в январе 1911 г., когда Андрею исполнилось три года, встречалась и беседовала с вдовой великого писателя. «В заключение нашей беседы, — пишет А. Г. Шиле, — Анна Григорьевна мне рассказала, по ее мнению, знаменательный факт: в день кончины Федора Михайловича, 28 января, т. е. в то самое число, через 27 лет [в 1908 г.], родился у нее внук, названный Андреем в память младшего брата Федора Михайловича, и, начиная с нее самой, все в семье уверены, что в этого ребенка переселилась душа его деда» (Биржевые ведомости. 1911. 27 января. № 12144). И, видимо, именно этим мистическим чувством можно объяснить выбор Анны Григорьевны, которая еще раньше, в 1909 г., когда ее младшему внуку исполнился лишь только год, в своей завещательной тетради, надписанной «En cas de ma mort ou d'une maladie grave [На случай моей смерти или тяжелой болезни — франц.]», указала, что именно Андрею она завещает ценнейшую семейную реликвию — то самое знаменитое Евангелие Ф. М. Достоевского, которое в 1850 г. ссылочному писателю подарили в Тобольске декабристки и с которым он не расставался до самого момента своей смерти (См.: Коган Г. Ф. Вечное и текущее: Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя // Достоевский и мировая культура. М., 1994. № 3. С. 33).

¹⁷⁰ Такая работа по упорядочению и описанию архивных материалов Ф. М. Достоевского плодотворно велась начиная с середины 1950-х гг. См.: Гармашева Т. В., Капелюн Б. Н. Рукописи и переписка Ф. М. Достоевского. Научное описание // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Л., 1957. Вып. II. С. 5 – 130; Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957; Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома:

И. А. Гончаров; Ф. М. Достоевский. М.; Л., 1959. С. 79 – 208, 240 – 274 илл.

¹⁷¹ В газете «Русская мысль» (Париж) 9 мая 1958 г. было напечатано траурное объявление: «После тяжелой и продолжительной болезни 3-го мая в Ницце, в госпитале, скончалась 84 лет от роду невестка Федора Михайловича Достоевского Екатерина Петровна Достоевская, с которой, нежно любя друг друга, мы неразлучно прожили 40 лет, о чем с глубокой душевной болью сообщает сестра, Анна-Нина Фальц-Фейн. Погребение состоялось 5 мая на госпитальном кладбище г. Ниццы».

¹⁷² В статье А. И. Натова «О. А. Фальц-Фейн и ее воспоминания о Достоевских» (см. примеч. 7) указан точный час смерти каждой из сестер: Екатерина Петровна скончалась 3 мая в 12 часов дня; Анна Петровна 14 мая в 22 часа 15 минут. Впрочем, на надгробной плите на могиле сестер в Ментоне, вопреки свидетельству В. А. Прянишниковой и О. А. Фальц-Фейн, означенено: «Anne de Falz-Fein. 22.6.1870 – 15.5. 1958».

¹⁷³ В настоящее время сестры Екатерина Петровна Достоевская и Анна Петровна Фальц-Фейн погребены вместе на кладбище в Ментоне. См. об этом во вступительном очерке, на странице 31.

¹⁷⁴ См. письмо от 14 декабря 1956 г. (с. 191).

Примечания к Приложению 1

¹ Коган Галина Владимировна (Фридмановна) — известный исследователь жизни и творчества Достоевского, автор капитального академического комментария к роману «Преступление и наказание» в серии «Литературные памятники» (1970) и в Полном собрании сочинений писателя (1973); многочисленных статей, опубликованных в изданиях: «Достоевский. Материалы и исследования» (ИРЛИ), «Достоевский и мировая культура», «Достоевский и современность», в посвященных Достоевскому томах «Литературного наследства» и т.п.; публикатор ряда новооткрытых текстов писателя, неизвестных воспоминаний о нем. В 1955—1979 гг. — директор Музея Ф. М. Достоевского в Москве. В настоящее время сотрудник Государственного литературного музея.

² Как следует из приписки в самом письме, оно датировано Екатериной Петровной по старому стилю; по новому стилю это — 23—28 сентября.

³ В оригинале первый абзац письма буквально читается так: «Нет слов выразить Вам, как глубоко Вы тронули меня Вашим сердечным письмом — и моим желанием идти навстречу со всеми — радостного, для меня семьи Достоевского, — особенно растущему его значению, и для всякого любящего ценителя произведений нашего великого, всемирного писателя!» Многие особенности публикуемого письма проясняет другое, написанное в связи с ним письмо к Г. В. Коган А. Ф. Достоевского от 25 октября 1957 г.:

«Многоуважаемая Галина Владимировна!

В скором времени Вы получите (а может быть, уже получили) письмо от Екатерины Петровны. Писали ей и Вы, и Вера Степановна [Нечаева]. Мне приходится взять на себя неприятную обязанность предупредить обоих корреспондентов о том, что надеяться им на достоверные, внятные, а иногда даже толь-

ко на здравые ответы или сообщения Екатерины Петровны — не приходится. Дело в том, что склероз кровеносных сосудов головного мозга — это давнишнее заболевание Екатерины Петровны. Сейчас ей 83 года; учтем еще все потрясения и превратности, начиная с 1941 года, и станет ясным, что она благополучно существует только потому, что с ней рядом ее сестра Нина (Анна) Петровна. Последней 87 лет, но ей удалось сохранить больше умственных и физических возможностей, чем ее сестре. Екатерина Петровна почти полностью утратила память и страдает еще рядом частных явлений мозгового заболевания. Письмо, которое готовится для Вас, написано Ниной Петровной (как черновик), затем переписывается в течение нескольких дней Екатериной Петровной. Работа эта настолько трудна и так обессиливает Екатерину Петровну, что в тексте встречаются путаница, повторения и т.п. Мне, например, Екатерина Петровна уже давно не пишет, все сообщения поступают через Нину Петровну, так как письма — это уже непосильный труд для ее сестры. <...> Нина Петровна плохо что знает из "достоевских" обстоятельств; пытаясь "вспомнить", "установить", вследствие своей крайней добросовестности, может от чистого сердца указать что-либо неверно, даже может прифантазировать. Я делал попытки кое-что установить относительно, например, хранилищ Анны Григорьевны и т. п. — все напрасно! Никакой надежды на Екатерину Петровну уже нет, а Нина Петровна некомпетентна, может быть очень ограниченно полезна только в части высылки того мелкого, что у них осталось, прямо или косвенно связанного с Достоевским. Средств ни одна из сестер не имеет, чтобы, например, купить книгу и переслать (это уже тысячи франков!) или что-нибудь подобное, поэтому просить их о чем-либо, поручать им что-либо — невозможно. <...>».

⁴ Еще до Великой Отечественной войны Екатерина Петровна была связана с музеем Ф. М. Достоевского в Москве. Созданный в 1928 г., он долгие годы оставался не только первым, но и единственным Музеем великого писателя. Екатерина Петров-

на, знавшая о традиционных научных заседаниях, проводимых в музее в годовщины рождения и смерти Достоевского, присыпала в эти дни открытки с приветствиями, обращенными к сотрудникам и гостям музея. (Кстати, эту традицию продолжил и ее сын Андрей Федорович; его телеграммы и открытки приходили в музей даже с Дальнего Востока, например из Читы и Хабаровска.) В ноябре 1938 г. Екатерина Петровна поздравила музей с десятилетием со дня его основания. Последняя ее открытка пришла из Симферополя 6 февраля 1941 г.

⁵ «Семейной группой» здесь названа картина «Семья Полянских», написанная сестрой бабушки Анны Петровны Екатерины Петровны — Варварой Федоровной Черновой. См. об этой картине письмо к Г. В. Коган от 1 февраля 1958 г.

⁶ В фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб хранится копия с письма Ф. М. Достоевского к брату Михаилу от 22 декабря 1849 г., написанного «из Петропавловской крепости — всего час спустя после помилования на эшафоте», — которая по описи значится как *автограф* писателя. Однако автограф этого письма, как известно, хранится в Российской государственной библиотеке, куда был передан еще в 1923 г. Л. С. Михаэлис, выполнившей предсмертную волю Ф. Ф. Достоевского (см. подробнее об этом: Коган Г. В. Вечное и текущее: (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура. М., 1994. № 3. С. 33). Очевидно, что Екатерина Петровна ошибочно принимала имеющуюся у нее копию за «собственноручное письмо Федора Михайловича»; ошибочное мнение матери, видимо, разделял и А. Ф. Достоевский. И, наконец, «семейная ошибка» отразилась даже в документах государственного архива.

⁷ В письме к Г. В. Коган от 25 октября 1957 г. А. Ф. Достоевский сообщал: «Довелось мне все же дожить до 40-летия Октября, а, признаться откровенно, еще 36 дней назад в хирургической клинике был спор: можно ли мне делать операцию, вынесу ли ее? Возражало одно авторитетное лицо. Оконча-

тельно вопрос решал генерал. Труд П. Е. Загородного оказался успешным. Ровно месяц назад, именно в эти часы, в которые пишу письмо, решалось мое положение — туда или сюда? Начиная с 26 сентября я начал “выкарабкиваться”. Мнение П. Е. Загородного победило! Лицо возражавшее отказалось даже присутствовать на операции!»

⁸ Речь идет о скульптурном портрете Достоевского работы С. Т. Коненкова («бюст из дерева»), выставленном впервые в московском музее писателя в 1956 г.

⁹ На фотографии, сделанной фотохроникой ТАСС, которую Екатерина Петровна называет «разговор», где все трое «полны беседы», изображены С. Т. Коненков, А. Ф. Достоевский и датский славист Эйнар Томассен (1881—1977) — автор первой в Дании монографии о творчестве Достоевского (1940), около скульптурного портрета писателя работы Коненкова (см. предшествующее примеч.). В Ментону также были посланы фотографии, сделанные на Торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов 9 февраля 1956 г.: А. Ф. Достоевский беседует с известным индийским писателем Кришаном Чандром; А. Ф. Достоевский, Л. М. Леонов и Э. Томассен.

¹⁰ Речь идет об иллюстрации художника И. С. Глазунова к роману «Идиот».

¹¹ См. примеч. 168 к основному корпусу писем.

¹² В письме к Г. В. Коган от 25 октября 1957 г. А. Ф. Достоевский сообщал: «Картина, о которой идет речь, исполнена посредственно (любителем), дает семью Полянских, из рода которых моя бабушка Екатерина Александровна Цугаловская (мать матери). Эта картина скорей интересна для Курского областного музея краеведения (Полянские — куряне), т[ак] к[ак] уж очень ярко глядится помещичья «флора и фауна» (помещики средней руки, вторая половина XIX века). Стремясь скорей (кончина может быть завтра) вернуть что возможно на Родину и растерявшихся от моего тяжелого положе-

ния, Нина Петровна рукой Екатерины Петровны и обратилась к Вам, прося принять картину».

¹³ См. также письмо к А. Чезана от 12 января 1958 г.

¹⁴ Тамара Выносова — в прошлом студентка Ленинградского радиотехнического техникума, где преподавал А. Ф. Достоевский; позднее его близкая знакомая.

¹⁵ Видимо, имеется в виду Иван Семенович Павлов — с весны 1942 г. начальник штаба 115-й стрелковой дивизии (на Волховском фронте), в которой служил А. Ф. Достоевский. В послевоенные годы И. С. Павлов и А. Ф. Достоевский — близкие друзья. Командующим дивизией полковник Павлов стал в 1943 г., после Курской дуги, когда их военные дороги с А. Ф. Достоевским уже разошлись.

¹⁶ Друскеники — до революции местечко с населением в 1000 человек в Гродненской губернии; в настоящее время город Друскининкай (Литва). Известно, что отец Анны Петровны и Екатерины Петровны, П. Г. Цугаловский, был родом из Литвы (см.: *Волоцкой*. С. 147). Можно предположить, что речь идет о поездке сестер на родину отца. Конечно же, «детьми» их возили в Друскеники гораздо раньше, чем «лет 50 назад».

¹⁷ Настоящее письмо написано на нескольких открытках. На первой из них — вид Ментоны.

¹⁸ Письмо написано рукой А. П. Фальц-Фейн (см. выше примеч. 3).

¹⁹ Четверостишие из стихотворения А. С. Пушкина «Брошу ли я вдоль улиц шумных...» приведено с некоторыми неточностями во 2-й и 4-й строках. Должно быть: «И хоть бесчувственному телу / Равно повсюду истлевать, / Но ближе к милому пределу / Мне все б хотелось почивать».

Примечание к Приложению 2

¹ Андрей Федорович Достоевский (28 января / 10 февраля 1908 – 18 сентября 1968) – младший сын Екатерины Петровны, внук Ф. М. Достоевского. О нем см.: Белов С. В. Вокруг Достоевского // Новый мир. 1981. № 1. С. 193 – 196, а также письма к А. Чезана от 9 сентября и 16 октября 1955, от 7 ноября 1957 гг. и примеч. к ним.

² Письмо ориентировочно датируется не ранее второй половины апреля, но вероятнее – началом мая 1958 г. Из письма В. А. Прянишниковой от 4 июля 1958 г. о смерти сестер известно, что Екатерину Петровну «увозят в госпиталь» в Ниццу незадолго до кончины (3 мая). В то же время в своем последнем письме к А. Чезана от 11 апреля об этом событии Анна Петровна еще не сообщает. Анализ почерка и содержания комментируемого письма, факты, сообщенные А. Ф. Достоевским в письме к Г. В. Коган от 25 октября 1957 г. (см. примеч. 3 к Приложению 1), а также имеющие место прецеденты, когда написанные рукой Анны Петровны письмо к Коган от 1 февраля 1958 г. и таможенная декларация к посылке от 7 мая 1958 г. (уже после смерти сестры!) подписаны именем Екатерины Петровны (см. след. примеч.) – все заставляет предположить, что и данное письмо также написано А. П. Фальц-Фейн. Не исключено, что и это письмо, которому в его заключительной части автор стремится придать вид «документального свидетельства», написано уже после смерти Е. П. Достоевской и, возможно, одновременно с отправкой в Ленинград «одного заказного пакета и одной пятикилограммовой посылки» 7 мая 1958 г. Косвенно (по аналогии) об этом свидетельствует завещательная надпись в конце альбома рисунков старшего брата А. Ф. Достоевского – Федика (умершего в 1921 г.), который (альбом) как раз был прислан в Ленинград из Ментоны в посылке от 7 мая 1958 г.: «По моему твердому распоряжению поручаю сыну моему передать в Му-

зей Ф. М. Достоевского в Москве все до последнего рисунка, которые художники находили талантливыми, моего старшего сына Федора Достоевского, скончавшегося 16 лет от роду в Симферополе. Екатерина Петровна Достоевская. 1958. Ментон» — с последующим комментарием Андрея Федоровича: «Распоряжение написано от имени уже скончавшейся Е. П. Достоевской (3 мая 1958 г.) находившейся при смерти (умерла 14 мая 1958 г.) ее сестрой Ниной Фальц-Фейн» (Подч. пами. — Г.К.; Б.Т.).

³ В уже цитированном письме к Г.В.Коган от 25 октября 1957 г. Андрей Федорович сообщал: «<...> соблюдая формулу “русское должно вернуться на Родину”, Нина Петровна прилагает много усилий для этого. В частности, я получил десятка два книг (на разныx языках) по Достоевскому, некоторые (не первой важности) документы, кое-что из изображений (к сожалению, очень мало, так как при переездах у них пропал сундук со всякого рода “иконографией”) и т.д.». Вскоре по получении известия о смерти матери, А. Ф. Достоевский писал в Москву той же Г. В. Коган: «<...> уже будучи болен, получил известие о смерти Екатерины Петровны; откладывать было невозможно, и я при поддержке Пушкинского Дома успел просить посла СССР [во Франции] С. А. Виноградова немедленно связаться с Ниной Петровной и, получив, переправить сюда все до последнего какого-нибудь листика черновых записей Екатерины Петровны, все, что можно найти «достоевского». Нина Петровна тоже очень плоха. Что-то она сама в ящике простой посылкой выслала на мое имя (она убеждена, что сама сейчас умрет). Пишет, что клала навалом. Что там — не знаю (описи не сообщает). Надо бы узнать в Главном таможенном управлении о поступлении такой посылки и ходатайствовать о том, чтобы ее пропустили (Нине Петровне уже что-то вернули, не приняв в таможне как неопределенный хлам). Постылка отправлена в первых числах мая. Я предполагаю, что отправителем указана Екатерина Петровна. Вернее всего, в посылке разные старые фото, альбом рисунков и стихи брата Федора, возможно — какие-нибудь заметки Екатерины Пет-

ровны и т.п. Если что будет от С. А. Виноградова, то пойдет на Пушкинский Дом, но это позже ... Узнайте в Москве, что можно сделать, чтобы посылка с "бумажным хламом" прошла нашу жесткую таможню. Хотя бы предупредить как-нибудь <...>. В первой половине мая 1958 г., в результате рецидива старой болезни, А. Ф. Достоевский попадает в больницу, и его переписка с Г. В. Коган возобновляется лишь в середине июля 1958 г. Вновь возвращаясь к тому же вопросу, Андрей Федорович пишет: «<...> 3 мая умерла Екатерина Петровна. Согласившись с Ниной Петровной, мы (я и Пушкинский Дом) в спешке писали [послу] С. А. Виноградову с тем, чтобы от него был представитель у Нины Петровны. Но Нина Петровна скончалась вслед за Екатериной Петровной (14 мая). Тамара скрывала от меня это известие (я заболел 14 мая) до 10 июня. След[овательно], своевременно никаких эффективных мер я не мог предпринять. И правда, Нина Петровна между 3 и 14 мая успела отправить мне один заказной пакет и одну пятикилограммовую посылку. В них всякие второстепенные документы, "бумажки", некоторые фото и книги о Достоевском на иностранных языках. Это та самая посылка, о которой я уведомлял Вас и просил снести с таможней. Только выйдя из клиники, я вцепился в здешних таможенников, и эта посылка была получена довольно быстро. <...> Но остальное, что было после обеих старух, разумеется — все пошло прахом. Т. е. до меня доходят вести, что кое-какое "баражло" мне норовят сюда переправить, что же касается документов, изображений и пр., то все в руках третьих лиц <...>.» Как позволяет заключить сохранившаяся переписка А. Ф. Достоевского 1958—1960 гг., а также некоторые документы более позднего времени, — отправленные Анной Петровной в Ленинград 7 мая 1958 г., в спешке и растерянности, «один заказной пакет и одна пятикилограммовая посылка» оказались, к сожалению, единственным, что смог получить Андрей Федорович из материалов архива, оставшегося в Maison Russe после смерти сначала матери и затем, через 11 дней, тетки. (В фонде А. Ф. Достоевского в

ЦГАЛИ СПб хранится таможенная декларация к названной посылке, заполненная рукой Анны Петровны, но подписанная именем уже умершей Екатерины Петровны и датированная 7 мая 1958 г. – *ЦГАЛИ СПб*. ф. 85, оп. 1, ед. хр. 139, л. 53). Все его последующие усилия, поддержанные Пушкинским Домом и московским Музеем Ф. М. Достоевского, привели лишь к тому, что в январе 1960 г. он получил некоторые личные вещи матери: одежду, ювелирные украшения и т. п. Какие бы то ни было документы, рукописи, фотографии и т. п. пропали, по-видимому, безвозвратно. В фонде А. Ф. Достоевского в *ЦГАЛИ СПб* хранится копия и упомянутого им в переписке с Г. В. Коган обращения в советское посольство в Париже (Там же, ед. хр. 169, л. 1-2):

«Послу СССР во Франции С. А. Виноградову

Многоуважаемый товарищ Посол! 3-го мая с.г. в одной из клиник г. Ниццы, в возрасте 84-х лет скончалась моя мать – Екатерина Петровна Достоевская, вдова Федора Федоровича Достоевского – сына великого русского писателя Ф. М. Достоевского. Мне достоверно известно, что никаких рукописей, писем писателя и пр. важнейших документов Е. П. Достоевская не имела при себе, но после нее остались какие-то материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к имени Ф. М. Достоевского, и которые, разумеется, должны находиться в соответствующем хранении на родине писателя. Речь, по-видимому, идет о каких-то документах, фото, рисунках и т. п. материалах, на которые не может быть предъявлено претензий со стороны иностранного государства или лиц, проживающих за границей. Я убедительно прошу Вас принять незамедлительно возможные для Вас меры к получению вышеуказанных материалов и переправить их в СССР по одному из нижеследующих адресов [приводится личный адрес самого А. Ф. Достоевского и адрес Пушкинского Дома]. Ниже сообщаю необходимые для дела сведения:

А. Достоевская Е. П. проживала с конца 40-х годов по адресу: Франция, г. Ментон (деп. Приморские Альпы), дорога Горбюо, пансион "Русский Дом".

Б. Совместно с Е. П. Достоевской проживала ее сестра — Анна Петровна Цугаловская, 88-ми лет, которая, безусловно, сохранит и охотно передаст Вашему представителю для отправки в СССР все сбереженные ею "достоевские" материалы.

Примечания: а. Мне точно неизвестно, под каким именем А. П. Цугаловская проживает за границей. Знаю, что окружающим она, скорее всего, известна под именем "Нина", которое всю жизнь предпочитала своему крестному имени "Анна". Кроме того, возможно, за границей она носит фамилию (по мужу) — Фальц-Фейн. б. Окружающие в пансионе (в большинстве это коренные белоэмигранты) относятся недружелюбно к А. П. Цугаловской, как к лицу, длительно проживавшему в СССР (обе старухи, будучи искалечены фашистами, были затем вывезены немецким госпиталем с территории СССР). в. А. П. Цугаловская почти глуха, и поэтому предварительная телефонная связь с нею исключается. г. А. П. Цугаловская по старости не в состоянии самостоятельно справиться с отправкой вышеуказанных материалов. Кроме того, могут потребоваться при почтовом отправлении лицензии, да и сама почтовая связь в этом случае мало надежна.

В. Мне известно, что по правилам этого пансиона "Русский Дом", в котором проживала Е. П. Достоевская, все имущество умершего пансионера переходит в собственность "Дома". Я не выражают никаких официальных претензий наследования, если на этот счет нет никаких особых распоряжений, но я обеспокоен сейчас только возвращением на Родину всего того, что в какой-либо степени является "материалами к Достоевскому".

Г. Содержание и габариты "материалов к Достоевскому" мне неизвестны, но имею основание полагать, что количественно они невелики. Полагаясь на Вашу отзывчивость, товарищ По-

сол, я благодарю Вас за все то, что Вы найдете возможным сделать. В надежде на успех, уважающий Вас —

А. Ф. Достоевский.

12 мая 1958 г.»

В архиве Г. В. Коган сохранился еще один важный документ, отражающий ход и характер поисков архива Екатерины Петровны и Анны Петровны посольством СССР во Франции. Это копия одного из ответных писем А. Ф. Достоевскому за подписью посла С. А. Виноградова. Копия не датирована, но время написания письма можно ориентировочно определить как первую половину 1959 г.:

«Уважаемый Андрей Федорович!

По вашей просьбе нам удалось встретиться с мадам Буато. Из разговора с ней стало ясно, что все вещи, архивы и фамильные ценности Е. П. Достоевской и А. П. Цугаловской после их смерти оказались в руках Прянишниковой В. А. В ответ на просьбу мадам Буато Прянишникова послала ей список этих вещей. В списке, к сожалению, кроме одежды ничего не значится. Мадам Буато обещала подробно описать Вам создавшееся положение и меры, которые она предпримет. Посольство со своей стороны постарается сделать все возможное в розыске фамильных ценностей Достоевских. О результатах дальнейших розысков незамедлительно поставим Вас в известность.

С уважением С. Виноградов».

Упомянутая в этом письме мадам Буато — представитель парижского издательства Пейо. Известно, что в 1950-е гг. с этим издательством, выпускавшим во Франции произведения Достоевского и литературу о нем, поддерживала деловые контакты Е. П. Достоевская. Нам неизвестно, чем было обусловлено обращение именно к мадам Буато, но 5 декабря 1958 г. А. Ф. Достоевский направляет ей личное письмо с просьбой о посредничестве в его поисках пропавшего архива Екатерины

Петровны и Анны Петровны (копия этого письма также хранится в фонде внука писателя в ЦГАЛИ СПб: ф. 85, оп. 1, ед. хр. 102). Отметим, что во многом именно благодаря посредничеству мадам Буато Андрей Федорович в 1960 г. в конце концов и получает какие-то оставшиеся после матери личные вещи. Но — не архивные материалы. Следы поисков А. Ф. Достоевским этих материалов встречаются в целом ряде его писем к разным лицам, некоторые из них представляются достаточно важными. Так, в одном из писем к Г. В. Коган конца 1958 г. Андрей Федорович, в частности, сообщает: «<...> В вещах, оставшихся после старух, рылись посторонние руки, и, например, мне известно, что большой карандашный портрет брата Федора перекочевал к некоей В. Прянишниковой, живущей там же, в Ментоне. А известный Вам семейный портрет (масло), который Нина Петровна хотела переслать в музей, на что она получила лицензию, поехал “жить” в Париж <...>». Некоторый дополнительный свет на судьбу архива из Maison Russe проливает также письмо А. Ф. Достоевского к его троюродной сестре О. Д. Дистерло, написанное им уже не за долго до смерти, 28 октября 1967 г., и отвезенное в Париж ленинградским литературоведом Б. И. Бурсовым, где, в частности, Андрей Федорович, в достаточно резких выражениях пишет: «<...> Было бы родственней, если бы Вы, когда скончались Екатерина Петровна и Анна Петровна, стали бы на защиту моих интересов, — я говорю о защите моих прав как единственного прямого Достоевского. К сожалению, ни от кого этого проявлено не было, — говорю, конечно, только о бумагах, переписке и пр., которые остались после смерти моей матери. Над этим всегда стоит тень великого Достоевского. Я крайне негодую, что какая-то совершенно неизвестная мне Полина Полуэктовна была допущена к бумагам и документам, оставшимся после Екатерины Петровны. Пренебрегая возможностью установить хотя бы ТОЛЬКО ДЕЛОВОЙ контакт со мной, она распорядилась документами, перепиской и пр. бумагами по своему усмотрению, что-то продолжает держать у себя и этим распоряжаться ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. Кто давал ей на это хоть

какое-то право? Это граничит с воровством, а по морали – прегадко! Разве есть у нее полномочие, “последняя воля” Екатерины Петровны или Нины Петровны? Мне точно известно, что подобного не было!» (Мера. 1995. № 4. С. 244. Подч. А. Ф. Достоевским).

Именной указатель

В указатель включены личные имена, упоминаемые в тексте писем; имена, упоминаемые только во вступительном очерке и в примечаниях, в указателе не учтены.

Аденгаузер Конрад (1876 – 1967), политический деятель ФРГ, в 1949 – 1963 федеральный канцлер, в 1951–1955 также министр ин. дел – 104

Александр II Николаевич (1818 – 1881) – 99, 111, 258, 279

Александр Михайлович (1866 – 1933), Великий Князь, дядя императора Николая II, в Первую мировую войну командующий авиацией Южного фронта – 64, 272, 273

Александр III Александрович (1845 – 1894) – 68

Александра Федоровна (1872 – 1918), рос. императрица, жена императора Николая II – 43, 68, 69

Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич) (1873 – 1965), митрополит, глава Русской Православной Церкви Заграницей – 85, 284, 285, 286

Андрей (ум. 936), константинопольский Христа ради юродивый, христианский святой – 83, 84, 283

Бедекер Карл (1801 – 1859), нем. издатель – 138

Бивербрук Уильям Максуэлл (1879 – 1964), англ. политич. деятель, газетный магнат, лорд – 87, 290

Бисмарк, граф, родственник рейхсканцлера Германской империи – 129

Брийа-Саварен Ансельм (1755 – 1826), франц. писатель, автор книги «Физиология вкуса» – 79, 282

Булганин Николай Александрович (1895 – 1975), в 1955 – 1958 предс. Совета Министров СССР – 174, 190, 309

Бэрд Ричард (1888 – 1957), амер. полярный исследователь, летчик, адмирал – 55

Бюге, хозяйка пансиона в Женеве – 138

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859 – 1941), германский император и прусский король в 1888 – 1918 – 129, 145

- Власов* Андрей Андреевич (1901 – 1946), генерал-лейтенант Советской Армии (1942), затем в плену, с 1943 командующий РОА – 88, 135, 288
- Врангель*, баронесса, соседка сестер по коридору в М.Р. – 134, 148, 300
- Врангель* Петр Николаевич (1878 – 1928), барон, генерал-лейтенант, в 1920 главнокомандующий Русской армией в Крыму – 41, 264, 265
- Выносова* Тамара, подруга А.Ф. Достоевского – 228, 229, 332, 335
- Вышинский* Андрей Януарьевич (1883 – 1954), в 1949 – 1953 министр ин. дел, с марта 1953 зам. министра ин. дел, представитель СССР в ООН – 87
- Гаврилова-Глазунова* Ольга Николаевна, жена композитора А.К. Глазунова – 84, 283
- Ганецкий* Иван Степанович (1810 – 1887), генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877 – 1878 – 95, 295
- Гекк* (в замуж. Сименс) Грета, дочь Л. Гекка (старшего) – 131
- Гекк* Кэт, дочь Л. Гекка (старшего) – 131
- Гекк Людвиг* (1860 – 1951), нем. зоолог, директор Берлинского зоопарка в 1881 – 1931 – 131, 299
- Гекк Людвиг* (Лутц) (1892 – ?), нем. зоолог, сын Л. Гекка (старшего), в 1930 – 1940-е гг. директор Берлинского зоопарка – 131, 299
- Гекк Хайнц* (1894 – ?), сын Л. Гекка (старшего), с 1928 директор Мюнхенского зоопарка – 131, 299
- Георг VI* (1895 – 1952), король Великобритании (с 1936) – 70
- Гете Иоганн Вольфганг* (1749 – 1832) – 101
- Глазунов* Александр Константинович (1865 – 1936), рус. композитор, дирижер – 84, 283
- Гоголь* Николай Васильевич (1809 – 1852) – 94, 295
- Горький* Максим (псевд.; наст. имя и фам. – Пешков Алексей Максимович) (1868 – 1936) – 49, 50, 267, 268, 321
- Гюго* Виктор Мари (1802 – 1885) – 130
- Даниэль-Дрейфус* Филипп (1912 – ?), франц. политич. деятель, миллионер – 104, 124
- Державин* Гаврила Романович (1743 – 1816) – 44

- Дзержинский* Феликс Эдмундович (1877 – 1926), предс. ВЧК, затем ОГПУ – 49
- Достоевская* (урожд. Сниткина) Анна Григорьевна (1846 – 1918), жена Ф. М. Достоевского, свекровь Е. П. Достоевской – 5, 9, 10, 24, 30, 35, 43, 177, 178, 216, 219, 224, 232, 234, 239 – 243, 245, 254, 260, 261, 283, 306, 313 – 315, 320, 321, 325, 326, 329
- Достоевская-Высокорец* Татьяна Андреевна (р. 1937), дочь А. Ф. Достоевского, внучка Е. П. Достоевской – 165, 232, 305
- Достоевская* (урожд. Куршакова) Татьяна Владимировна (1909 – 1993), первая жена А. Ф. Достоевского – 165, 210, 232, 250, 305
- Достоевский* Андрей Федорович (1908 – 1968), сын Е. П. Достоевской, внук писателя – 5, 9, 19 – 26, 163 – 165, 169, 176, 177, 178, 181, 184, 185, 190, 196, 206, 209, 210, 215, 216, 221, 224, 226 – 231, 232, 236, 243 – 245, 247, 249 – 253, 260, 261, 273 – 276, 280, 302 – 308, 318, 320 – 326, 328 – 340
- Достоевский* Дмитрий Андреевич (р. 1945), сын А. Ф. Достоевского, внук Е. П. Достоевской – 29, 34 – 36, 232, 236, 238, 250, 305
- Достоевский* Михаил Михайлович (1820 – 1864), старший брат писателя – 33, 221, 232, 250, 252, 261, 330
- Достоевский* Федор Михайлович (1821 – 1881) – 3 – 7, 9, 18 – 21, 24, 25, 28, 29 – 35, 40, 41, 44, 51, 102, 114, 132, 164, 168, 169, 177, 178, 185, 190, 220 – 223, 226, 231, 232, 234, 236 – 243, 245, 248 – 252, 254, 259 – 262, 268, 271, 272, 282, 283, 297, 300, 304, 306, 307, 309 – 326, 328 – 331, 333 – 339
- Достоевский* Федор Федорович (1871 – 1922), муж Е. П. Достоевской, сын писателя – 5, 9 – 11, 28, 32, 34, 40, 71, 210, 232, 234, 244, 246, 251, 261, 281 – 283, 309, 310, 316, 330, 336
- Достоевский* Федор Федорович (младший) (1905 – 1921), сын Е. П. Достоевской, внук писателя – 5, 9, 11, 20, 21, 35, 40, 232, 244, 249, 251, 260, 261, 333, 334
- Достоевские*, потомки Ф. М. Достоевского – 3, 5, 6, 9, 19, 26, 28, 32, 36, 41, 43, 219, 231, 232, 234, 237, 242, 245, 246, 282, 304, 315, 327, 338
- Ежов* Николай Иванович (1895 – 1940), в 1936 – 1938 нарком внутренних дел – 49, 250

- Екатерина II Алексеевна* (1729–1796) — 26, 44, 71
Елизавета II (р. 1926), королева Великобритании (с 1952),
дочь Георга VI — 70, 76, 143
Епифаний (ум. 956), ученик св. Андрея юродивого, христианский святой — 86
- Жюэн Альфонс* (1888–1957), маршал Франции, в 1951–1956 командующий сухопутн. войсками НАТО в Центр. Европе — 123
Зутермейстер, врач в Берне, брат Г. и Н. Зутермейстеров — 100, 117, 124, 176, 270, 296
Зутермейстер Генрих (1910–?), швейцарский композитор, автор оперы “Раскольников” — 18, 57, 109, 124, 176, 270, 271
Зутермейстер Петер, швейцарский писатель, автор либретто оперы “Раскольников” — 18, 57, 100, 124, 176, 270, 271, 296
- Карташев Антон Владимирович* (1875–1960), богослов, историк церкви — 18, 56, 57, 84, 103, 107, 165, 166, 175, 192, 270
Карташева, жена А.В. Карташева — 56, 57, 84, 103, 107, 166
Картер Говард (1873–1939), англ. археолог, лорд — 75, 76
Коган Галина Владимировна (Фридмановна) (р. 1921), литераторовед, в 1955–1979 директор музея Ф. М. Достоевского в Москве — 219–230, 236, 237, 238, 249, 252, 324, 325, 326, 328, 330, 331, 333–336, 338, 339
Кологризов Иван (1890–?), русский католик, иеромонах, автор богословских трудов — 51, 268
Коненков Сергей Тимофеевич (1874–1971), русский и советский скульптор — 222, 332
Константин Константинович (1858–1915), Великий Князь, генерал-инспектор военно-учебных заведений — 65, 273
Крылов Иван Андреевич (1769–1844) — 149
Кудашева-Роллан (урожд. Кювилье) Мария Павловна (1895–1986), вдова Р. Роллана — 100, 296
Курицус Эрнст (1814–1896), нем. историк — 142
- Ламартин Альфонс Мари Луи де* (1790–1896), франц. поэт-романтик — 82
Лев VI Мудрый (866–912), византийский император из Македонской династии — 85

- Леман Лилли* (1848–1929), нем. певица — 99, 296
Ленин (псевд.; наст. фам. — Ульянов) Владимир Ильинич (1870–1924) — 136, 304, 316
Людовик XVI (1754–1793), франц. король из династии Бурбонов — 105
- Маленков* Георгий Максимилианович (1902–1988), в 1953 – 1955 предс. Совета Министров СССР — 106, 121, 122
Марешаль, знакомая сестер по Парижу — 92
Мария Антуанетта (1755–1793), франц. королева, жена Людовика XVI — 105
Мария Федоровна (1847–1928), рос. императрица, жена императора Александра III — 70, 256
Мерис Франсуа-Поль (1820–1905), франц. писатель, публицист, издатель, ученик и близкий друг В. Гюго — 130
Меркуров Сергей Дмитриевич (1881–1952), русский и советский скульптор — 177, 315, 316
Моран Поль (1888–1976), франц. писатель — 132, 300
- Некрасов* Николай Алексеевич (1821–1877/78) — 192
Николай II Александрович (1868–1918) — 43, 89, 255–258, 293
Польде (урожд. Искрицкая) Александра Андреевна (ум. 1932), баронесса, знакомая сестер в Симферополе — 42, 249
- Оболенская*, княжна, знакомая сестер в Ницце — 113, 199
- Павлов* Иван Семенович, друг А. Ф. Достоевского, в 1942 нач. штаба 115 стрелковой дивизии на Волховском фронте — 229, 307, 308, 332
- Петр I Алексеевич* (1672–1725) — 113, 270
- Петров* Осип (XVII век), казак, участник обороны Азова — 86
- Пильняк* (псевд.; наст. фам. — Богор) Борис Андреевич (1894–1938), советский писатель — 49, 267
- Пине* Антуан (1891–?), франц. политич. деятель, в 1952 министр финансов — 95
- Пипер*, жена Р. и мать К. Пиперов — 108, 130, 167, 299, 306
- Пипер* Клаус (р. 1910), сын Р. Пипера, с 1953 глава издательской фирмы «R. Piper & Co Verlag» — 18, 39, 40, 54, 68, 69, 72, 80, 137, 240, 242, 269, 299, 306

- Пипер* Рейнхард (1879 – 1953), основатель мюнхенской изда-
тельской фирмы «R. Piper & Co Verlag» – 18, 54, 108, 240 –
242, 269, 285, 297 – 299, 301, 306
- Плевен* Рене (1901 – ?), франц. политич. деятель, в 1950 – 1952
премьер-министр Франции – 123
- Полье*, графиня, знакомая сестер в Ментоне – 148, 302
- Полянская*, жена В.А. или М.В. Полянского – 47
- Полянские*, семья матери сестер – 226, 263, 323, 330, 331,
- Полянский* Владимир Александрович, дядя сестер, генерал –
47, 263
- Полянский* Михаил Владимирович, двоюродный брат сестер,
уездный предводитель дворянства Витебской губ. – 47
- Полянский* Сергей Александрович, дядя сестер – 47, 263
- Прянишникова* Валерия Александровна, кузина сестер, в тече-
ние 25 лет директрисса Maison Russe в Ментоне – 17, 112,
124, 132, 166, 181, 191, 211, 218, 237, 263, 298, 300, 324, 327, 333,
338, 339
- Пустет*, знакомая сестер по Регенсбургу, родственница проф.
Энгельгардта – 84
- Путткамер* Ульрика фон, знакомая или родственница семейства Пипер – 130
- Пушкин* Александр Сергеевич (1799 – 1837) – 32, 108, 113, 230,
298, 304, 332
- Райт* братья: Орвилл (1871 – 1948) и Уилбер (1867 – 1912), амер.
авиаконструкторы и летчики, пионеры авиации – 8, 64, 272, 273,
- Рамесес IV*, египетский фараон, правивший в кон. XIII – 70-х гг.
XII в. до н.э. – 75
- Рике* Мишель (1898 – ?), франц. проповедник, священник собо-
ра Парижской Богоматери – 127
- Роллан* Ромен (1866 – 1944) – 100, 296
- Рузвельт* Франклин Делано (1882 – 1945), в 1933 – 1945 прези-
дент США – 135, 300, 301
- Рузвельт* Элеонора (1884 – 1962), жена президента США Ф. Руз-
вельта – 91, 294
- Рукавишников*, см. Рябушинский С.П.

Рябушинский Степан Павлович (1874–1943), московский предприниматель, миллионер — 50, 267

Сименс, зять Л. Гекка (старшего), муж Г. Гекк — 131

Скрябин Александр Николаевич (1871/72–1915), рус. композитор, пианист — 114

Спэлдинг (урожд. Кейфорд) Нелли Мод Эмма, жена Г.Н. Спэлдинга — 163, 303

Спэлдинг Генри Норман (1877–1953), англ. ученый, специалист по истории мировых цивилизаций — 163–165, 302, 303, 306

Сталин (псевд.; наст. фам. — Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) — 49, 50, 58, 59, 84, 88, 91, 102, 121, 123, 158, 185, 268, 287, 289, 294, 300, 301

Сурков Александр Александрович (1899–1983), советский поэт, в 1953–1959 первый секретарь правления Союза Писателей СССР — 177, 312, 323

Тафт Роберт Альфонсо (1889–1953), амер. политич. деятель, сенатор от штата Огайо — 88

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф, рус. поэт, драматург, прозаик — 101, 296

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — 101, 296

Тутанхамон, египетский фараон, правивший в 1351–1342 — 75, 76

Уитвэй, врач из Канады, знакомый сестер по Регенсбургу — 81, 84

Фаберже Карл Густавович (1846–1920), рус. ювелир — 140

Фальц-Фейн Александр Александрович (1894–1916), сын А.П. Фальц-Фейна и А.Э. Фальц-Фейна, летчик-герой Первой мировой войны — 10, 20–24, 27, 40, 61, 64–67, 121, 140, 154, 203, 233, 243, 271, 273–280, 302

Фальц-Фейн Александр Эдуардович (1864–1919), муж А.П. Фальц-Фейна — 9, 10, 22, 34, 40, 43, 44, 47, 52, 57, 61, 75, 233, 243, 250, 258, 266, 269, 270, 272, 297–299

- Фальц-Фейн** Владимир Эдуардович (1877 – 1946), брат А.Э. Фальц-Фейна, автор книги «Аскания-Нова» — 27, 43, 233, 239, 255, 258, 259, 263, 264, 266, 267, 272, 274, 281, 294, 299
- Фальц-Фейн** Густав Эдуардович (1866 – 1917), брат А.Э. Фальц-Фейна — 43, 233, 258
- Фальц-Фейн** Карл Эдуардович (1871 – 1918), Брат А.Э. Фальц-Фейна — 43, 233, 258, 266, 272
- Фальц-Фейн** (в перв. браке Набокова, во втором — фон Пейкер) Лидия Эдуардовна (1870 – 1937), сестра А.Э. Фальц-Фейна — 43, 233, 256, 258
- Фальц-Фейн** (урожд. Бальхорн) Мария, жена Н.Э. Фальц-Фейна — 106, 204, 206, 324
- Фальц-Фейн** Николай Эдуардович (1873 – 1939), брат А.Э. Фальц-Фейна — 43, 233, 258, 324
- Фальц-Фейн** (в перв. браке Скадовская) Ольга Александровна (1891 – 1972), дочь А.П. Фальц-Фейн и А.Э. Фальц-Фейна — 10, 19 – 26, 28, 41, 61, 75, 140, 154, 233, 243 – 248, 250, 262, 266, 272, 275, 276, 278 – 280, 302, 309, 327
- Фальц-Фейн** (урожд. Кнауф) Софья Богдановна (Готлибовна) (1835 – 1919), свекровь А.П. Фальц-Фейн — 44, 48, 102, 233, 234, 247, 256, 259, 264 – 266, 297
- Фальц-Фейн** Фридрих Эдуардович (1863 – 1920), брат А.Э. Фальц-Фейна, основатель заповедника Аскания-Нова — 9, 26, 27, 34, 43, 67, 233, 254 – 259, 263 – 264, 272, 276, 292, 299
- Фальц-Фейн** Эдуард Александрович (р. 1912), сын А.Э. Фальц-Фейна, барон, известный меценат — 3, 4, 6, 26 – 36, 233, 236, 238, 246, 254, 255, 269, 270, 280, 300, 301
- Фальц-Фейны**, семья — 3, 5, 6, 8, 9, 19, 23, 26, 34, 36, 47, 57, 67, 102, 120 – 121, 219, 221, 222, 233, 234, 236, 237, 254, 257, 258, 259, 264, 280, 281, 297 – 299, 302
- Филимонов**, муж А.Филимоновой, поменщик Курской губ. — 47
- Филимонова** (урожд. Полянская) Анна, кузина сестер — 47, 263
- Фрунзе** Михаил Васильевич (1885 – 1925), советский военачальник, с янв. 1925 предс. РВС, нарком по военным и морским делам — 49
- Хант Джон** (1910 – ?), англ. альпинист — 132

- Хилл Элизабет Мери** (1900 – ?), англ. переводчица, проф. славистики Кембриджского ун-та – 164, 304
- Хиллари Эдмунд** (1919 – ?), новозеландский альпинист – 132
- Хрущев Никита Сергеевич** (1894 – 1970) – 158, 176, 192, 211, 310
- Цезарь Гай Юлий** (102 или 100 – 44 до н.э.), римский диктатор, полководец – 176
- Цугаловская** (урожд. Полянская) Екатерина Александровна, мать сестер – 10, 65, 86, 226, 233, 242, 263, 279, 284, 331
- Цугаловский Петр Григорьевич** (1835 – 1900), отец сестер, генерал-лейтенант – 8, 89, 154, 232, 292, 295, 302, 332
- Чайковский Петр Ильич** (1840 – 1893) – 94, 296
- Чезана Анжело**, адресат публикуемых писем, владелец книжного магазина в Базеле – *passim*
- Чезана Мета**, жена А. Чезана – *passim*
- Чернова Варвара Федоровна**, двоюродная бабушка сестер – 226, 323, 330
- Черчиль Уинстон Леонард Спенсер** (1874 – 1965), в 1940 – 1945, 1951 – 1955 премьер-министр Великобритании – 89 – 91, 106, 291, 300, 301
- Честер**, капитан amer. армии, знакомый сестер по Регенсбургу – 84
- Шапиро**, франц. журналист, сотрудник газ. «Монд» – 121 – 123
- Шоу Элизабет**, англ. журналистка – 70
- Шухт Элизабет** (1893 – ?), нем. писательница – 137, 301
- Эйзенхауэр Дуайт Дейвид** (1890 – 1969), в 1950 – 1952 верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО, в 1953 – 1961 президент США – 87, 88, 91, 192, 197
- Энгельгардт**, священник в Регенсбурге, профессор – 84
- Янеке**, нем. зоолог, энтомолог – 42
- Ярошко Александр Александрович** (1866 – 1920), украинский писатель, друг Ф.Э. Фальц-Фейна – 48, 263, 264

Содержание

Судьбы Достоевских и Фальц-Фейнов в XX веке	3
Письма из Maison Russe	37
Приложения	
<i>Приложение 1.</i> Письма к Г. В. Коган	221
<i>Приложение 2.</i> Письмо к А. Ф. Достоевскому	231
<i>Приложение 3.</i> Родословные Достоевских и Фальц-Фейнов	232
Примечания	235
Именной указатель	341

Письма из Maison Russe

*(Сестры Анна Фальц-Фейн
и Екатерина Достоевская
в эмиграции)*

Перевод с немецкого Р.Г. Гальперина

Научный редактор Б.Н. Тихомиров

Редактор А.В. Агарков

Художник Л.Е. Миллер

Корректоры Н.Д. Камышникова, Г.А. Седова

Верстка Ю.А. Страшко

Формат 70 х 100 $\frac{1}{32}$.

Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,2. Тираж 1000 экз. (1-й завод)

Предпечатная подготовка иллюстраций

выполнена в Группе – Дизайн «Терем»

Заказ № 137

Издательство «Акрополь».

197183 Санкт-Петербург, Приморский пр. 21-10

Лицензия ЛП № 000208 от 07.07.99 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов в

ГИПП «Искусство России»

198099 Санкт-Петербург, ул. Промышленная 38, к.2

Санкт–Петербургский
общественный благотворительный фонд
«Издание архивов русской эмиграции»

*Свидетельство о регистрации
№ 2534 — ЮР от 22 июня 1998 г.*

ФОНД создан и действует в целях оказания поддержки
изданию архивов русской эмиграции. Главной его
задачей является издание никогда ранее
не публиковавшихся рукописей и других материалов,
хранящихся в частных собраниях и коллекциях
за рубежом, в том числе — мемуарной и художественной
литературы, эпистолярного наследия, исторических
документов, фотографий, принадлежащих писателям,
философам, богословам, политическим,
военным деятелям, просто частным лицам — очевидцам
грандиозных событий XX века в России и в мире.

197183, Санкт–Петербург
Приморский пр., 21–10
тел./факс (812) 430-58-34

